

ЖАК ДЕЛИЛЬ

САДЫ

EX
LI
BR
IS

F
A
U
N
U
S

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

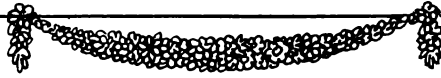

JACQUES DELILLE

LES JARDINS

ЖАК ДЕЛИЛЬ

САДЫ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Н. А. ЖИРМУНСКАЯ, Д. С. ЛИХАЧЕВ, Ю. М. ЛОТМАН,
И. Я. ШАФАРЕНКО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, И. С. Брагинский,
М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя), Н. А. Жирмунская,
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин, Д. А. Ольдерогге,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь), Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя), Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

Ответственный редактор
Н. А. ЖИРМУНСКАЯ

Рецензент
В. А. МИЛЬЧИНА

Д $\frac{4703000000-715}{042(02)-87}$ без объявления

© Издательство «Наука», 1987 г.
Перевод, составление, статьи,
примечания.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие весьма именитые авторы писали о садах прозой.¹ Автор этой поэмы заимствовал у них некоторые рекомендации и некоторые описания, а во многих местах ему посчастливилось даже совпасть с ними, ибо его поэма была начата до того, как их произведения увидели свет.

Автор не скрывает, что с большими сомнениями отдает в печать этот свой труд, ожидаемый с нетерпением и заранее осыпанный похвалами. Но чрезвычайная снисходительность тех, кто давно его ждет, надежно оградит его от суровости тех, кто познакомится с ним впервые.

Правда, моя поэма страдает большим недостатком — она дидактическая. Жанр этот в силу свойственных ему черт холодноват, а особенно на вкус нации, которая, как уже много раз было замечено, не воспринимает никаких других стихов, кроме сочиненных для театра и описывающих либо высокие страсти, либо смешные чудачества. Очень немногие, даже среди литераторов, читают «Георгики» Вергилия, но все, кто владеет латынью, знают наизусть четвертую книгу «Энеиды».²

В первой из названных здесь двух поэм ее автор, как кажется, сожалеет о том, что границы сюжета не позволяют ему должным образом воспеть сады. После того как он долго боролся с трудным для подробного изложения предметом земледелия, ему словно бы хочется отдохнуть, описывая вещи, приятные для глаз. Стесненный жесткими рамками своей темы, он ограничивается тем, что возмещает себе затраченные усилия беглым, но прелестным наброском садов и трогательным эпизодом, где рисует портрет старца, наслаждающегося счастьем на маленьком клочке земли, возделанном его собственными руками.

То, о чем римский поэт сожалеет как о недостижимом для себя, осуществил отец Рапен:³ он написал на языке Вергилия и в его же стиле состоящую из четырех песен поэму о садах, имевшую большой успех, — в ту пору у нас еще читали новую латинскую поэзию. Его произведение не лишено изящества, хотя ему можно было бы пожелать большей точности и большей удачи в изложении отдельных эпизодов. Плану поэмы не хватает увлекательности разнообразия. Одна из песен полностью посвящена водам, другая — деревьям, третья — цветам. Уже заранее легко догадаться, что это — не что иное, как длинный перечень названий, а такое унылое перечисление более пристало ботанику, нежели поэту, да и монотонное движение, которое было бы достоинством в прозаическом

трактате, становится большим недостатком в стихотворном произведении, где требуется, чтобы автор вел ваш ум извилистыми тропинками и чтобы на пути вам встречались неожиданные предметы.

Кроме того, он воспевает только регулярные сады, и однообразие, связанное с этой регулярностью, проникло и в самую поэму. Воображение, по природе своей свободное, то с трудом передвигается по строго очерченным линиям партера, то изнемогает в конце длинной прямой аллеи. И повсюду оно сожалеет об отсутствии красоты хоть чуть-чуть неправильной, о пленительной непринужденности живой природы.

Короче говоря, он изложил нам лишь механическую часть садоводческого искусства и начисто забыл о его наиболее существенной части, а именно о той, которая обращена к нашим ощущениям, к нашим чувствам, о том, что служит источником удовольствия, доставляемого нам сельскими видами и прелестями естественной природы, облагороженной искусством. Словом, его сады созданы архитектором; совсем иные сады создают философ, художник и поэт.

Жанр такой поэмы приобрел популярность в последнее время, и даже если это влияние моды, надо ее за это поблагодарить. Искусство садоводства, которое можно было бы назвать роскошью агрикультуры, мне представляется одним из самых подходящих, более того, одним из самых добродетельных среди развлечений богатых людей. Как род культуры оно прививает вкус к невинным сельскохозяйственным занятиям; как способ украсить свои владения уменьшает опасность расточительства, которое обычно сопутствует большому богатству; наконец, садоводство имеет для такого рода лиц двойное преимущество: сочетать вкус к красоте и городской и сельской жизни. Удовольствие отдельных лиц оказывается в этом случае причастным и к общественной пользе — оно внушает богатым людям любовь к пребыванию на их землях. Деньги, которые уходили бы в руки тех, кто производит предметы роскоши, теперь идут на вознаграждение обрабатывающим их землю, и богатство возвращается к своему первоначальному источнику.⁴ Кроме того, само сельское хозяйство обогащается множеством растений или деревьев, привезенных издалека, которые добавляются к произрастающим на нашей почве, а уж это одно стоит всех изделий из мрамора, которые наши сады приобрели.

Я был бы счастлив, если бы моя поэма смогла еще шире распространить столь простые и чистые вкусы, ибо, как сказал ее автор,

Внушив любовь к полям, внушаем добродетель.

Таково было вступительное слово, помещенное в начале первых изданий этого произведения. Но автор счел уместным добавить к нему следующее. Некоторые английские литераторы полагали, что я позаимствовал идею и многие детали своей поэмы из поэмы, которую сочинил на эту же тему г-н Мейзон, достойный друг Грея.⁵ Я весьма охотно воздаю должное множеству прекрасных стихов, отличающих это произведение, но объявляю, что задолго до того, как я познакомился с поэмой г-на Мейзона, я уже написал свою поэму и не раз читал отрывки из нее

на общественных собраниях во Французской Академии и в Королевском коллеже,⁶ к которым имел честь принадлежать. Это новое издание моей поэмы задержалось вследствие непредвиденных обстоятельств, объяснить которые не имеет смысла.

Болезнь глаз и недостаток средств помешали мне посетить, как я первоначально намеревался, лучшие сады Англии, и я упомянул лишь немногие из них, особенно прославленные своей красотой или воспоминаниями, которые они вызывают. Таковы Бленем, Стоу и сад Попа, к счастью, оказавшийся в руках человека со вкусом,⁷ который благоговейно хранит жилище и насаждения великого поэта, воздавая почтительную и искреннюю дань его памяти. Первыми памятниками знаменитому писателю служат построенный им дом, разбитый им сад и составленная им библиотека. Именно там, если верить в существование теней, и следовало бы искать его тень.

Позволю себе напомнить, что моя поэма была опубликована в 1782 г., наиболее удачные ее места относятся к этому времени, и я взял себе правило не допускать при последующих дополнениях к ней ничего, относящегося к более поздним годам. Так, когда я говорил о садах Германии, все, что о них сказано, соответствует тем же годам. Я позволил себе лишь два отступления от этого единства времени: одно в эпизоде с монахами ордена трапистов и другое в нескольких строках, посвященных саду Коллин.⁸ В этих двух пассажах я воспользовался привилегией, некогда данной поэтам, — даром предвидения — и описал факты не как имеющие место сейчас, а как могущие осуществиться в будущем. Таким образом, единство времени остается по мере возможности соблюденным.

Я считаю уместным именно здесь привести мой, помещенный в предисловии к «Сельскому жителю», ответ г-ну де Местру,⁹ который счел сюжет поэмы «Сады» малоинтересным. Это его утверждение столь важно, что я не могу упустить возможность привести возникшие у меня возражения. Г-н де Местр хочет сказать, что этот вид поэтического произведения не может вызвать у читателя столь же сильные чувства и произвести столь же глубокое впечатление, как другие жанры. Я с ним согласен. Но разве существует интерес только такого рода? Неужели же это обворожительное, самое естественное и самое добродетельное из всех искусств, названное мною роскошью агрикультуры, искусство, которое великие поэты описали как первое наслаждение первого человека, это приятнейшее и блистательнейшее использование богатств всех времен года и щедрот земли, которое наполняет очарованием целомудренное уединение, украшает изнедавшую разочарование старость, рисует нам сельскую жизнь и ее красоты самыми яркими красками в их удачнейших сочетаниях и превращает в чарующие картины виды природы дикой и запущенной, — это искусство не интересно? Милтон, Тассо и Гомер так не думали, они в своих бессмертных поэмах всегда видели в этой теме неиссякаемый источник сокровищ для воображения.

Когда мы читаем у них посвященные этому предмету отрывки, в нашем сердце возникает или просыпается вновь потребность в простых и

естественных наслаждениях. Вергилий в «Георгиках» посвятил старику, который устроил на берегу Галеза самый скромный из садов, прелестный эпизод, до сих пор производящий впечатление на ясные умы и души, чувствительные к истинной красоте искусства и природы.

Добавим, что каждое поэтическое произведение включает в себе интерес двоякого рода: интерес темы и построения. В поэмах того жанра, который я предлагаю публике, должен наличествовать в самой высокой степени интерес построения. В этом жанре вы не предлагаете читателю ни действия, возбуждающего любопытства, ни страстей, своею силой потрясающих душу. Поэтому нужно поддерживать его интерес тщательно выписанными деталями и приятностью стиля, который должен быть блестящим и безупречным. Здесь особенно важны верность мыслей, живость красок, богатство образов, прелесть разнообразия, искусство контрастов, неизменное изящество, которое привлекает читателя и не дает ослабнуть его вниманию. Но все эти достоинства возможны лишь при удачном построении, изысканном вкусе, вдумчивой и упорной работе. Поэтому истинные шедевры в этом жанре очень редки. В Европе насчитывается до двух сотен хороших трагедий, меж тем как жанр, о котором я говорю, представлен лишь двумя памятниками — «Георгиками» и поэмой Лукреция. Трагедии Энния, Пакувия и даже «Медея» Овидия¹⁰ погибли, а эти поэмы дошли до потомков, и мне кажется, что дух Рима сберег свою славу, сохранив именно эти шедевры. Среди произведений новых поэтов нам известны только две поэмы — английская «Времена года»¹¹ и французская «Поэтическое искусство» Буало, да восхитительный «Опыт о человеке» Попа, которые приобрели и сохранили достойное место в ряду поэтических произведений такого рода.

Один человек, по заслугам пользующийся известностью, в послании, напечатанном много времени спустя после публичного чтения нескольких отрывков из моей поэмы, по-видимому, вознамерился опровергнуть ценность подобного рода сочинений: он объявил, что даже дикарь воспевает свою возлюбленную, свои горы, озеро, леса, рыбную ловлю и охоту. Но, боже правый, какая может быть связь между бесформенной песней этого дикаря и талантом человека, умеющего увидеть прелести природы искусственным глазом наблюдателя, а затем воспроизвести их, то пользуясь всеми яркими красками своего воображения, то живописуя тончайшие оттенки, — человека, умеющего уловить внутреннюю связь между природой физической и духовной, между людскими чувствами и ощущениями и — созданиями божьими, человека, умеющего порой отступить от своей темы в эпизодах, поднимающихся до высот трагедии или до величия эпоса!

Вот тут и уместно ответить некоторым критикам, по крайней мере самым придирчивым, осудившим поэму о садах.

Может быть, теперь, после пятнадцати лет молчания, мне будет дозволено попытаться разрушить досадно несправедливое представление о ней, порожденное этими критиками.

Одни упрекали ее в отсутствии плана.¹² Всякий человек, наделенный вкусом, заранее чувствует, что было бы невозможно создать безупречно

симметричный и стройный план, описывая сады, в которых живописная неправильность и продуманный беспорядок составляют их главную прелесть. Когда Рашен написал латинскую поэму о регулярных садах, ему было легко изобразить в четырех составляющих ее песнях 1) цветы, 2) фруктовые сады, 3) воды и 4) леса. В этом нет никакой заслуги, ибо это не представляло никакой трудности. Но при описании живописных и свободных садов, где все составляющие их предметы зачастую перемешаны и переплетены друг с другом, где приходится порой подниматься до философских рассуждений о причинах наслаждения, которое дает нам природа, усовершенствованная, но не исковерканная искусством, где следует исключить выравнивание, ограничения симметрии и педантизм в создании красивых мест, нужен план совершенно иной. Итак, автор показал в первой песне, как надо заимствовать у природы и наиболее удачно использовать живописное богатство нерегулярных садов, как превращать ландшафты в картины, с какой тщательностью следует выбирать для сада местность и обдумывать его размещение на ней, чтобы увеличить ее преимущества и исправить недостатки; пояснил, что в природе поддается, а что сопротивляется воспроизведению, и, наконец, охарактеризовал разные роды ландшафтов и садов, отличия свободных садов от регулярных.

За этими общими рассуждениями следует изображение отдельных частей живописной композиции сада; вторая песнь полностью посвящена самим посадкам, составляющим наиболее важную часть пейзажа, созданию перспектив и видов, красота которых полностью зависит от искусства посадок.

Третья песнь содержит описание предметов, каждый из которых в отдельности не смог бы заполнить песнь целиком, не придав ей сухости и однообразия: это газоны, цветы, скалы и воды. Наконец, четвертая песнь состоит из описания картин величественных или трогательных, сладостных или угрюмых, меланхолических или жизнерадостных; в ней рассказывается также о том, как прокладывать тропинки, ведущие к этим естественным картинам; в заключение говорится о том, что могут добавить другие искусства, и в частности скульптура и агрикультура, к украшению пейзажей.

Примечательно, что изложенный выше план, хотя автор его совершенно не предполагал этого заранее, оказался, несмотря на многочисленные обвинения в нестройности и беспорядочности, точно таким же, как план «Поэтического искусства», столь превозносимый за свою правильность и стройность. В самом деле, Буало в первой песни своей поэмы рассуждает о таланте поэта и общих правилах поэзии; во второй и в третьей — о различных поэтических жанрах — идиллии, оде, трагедии, эпосе и т. д., определяя — как и я в свою очередь старался, — каждому из жанров достойное место, значение и соответствующие размеры; и, наконец, в четвертой песни говорит о поведении и нравах поэтов, а также о моральной цели поэзии вообще.

Наиболее суровые критики упрекают мою поэму в недостаточной чувствительности. Замечу прежде всего, что многих поэтов называли

чувствительными именно за то, что они подражали в своих стихах некоторым местам из моей поэмы. Лица более снисходительные усмотрели чувствительность в моих сетованиях по поводу разрушения старинного парка в Версале и связанных с ним воспоминаниях обо всем, что было самого трогательного и самого величественного в том незабываемом веке; в описании впечатлений, вызванных видом руин, — этому месту в поэме, совершенно новому для французской поэзии, впоследствии не раз подражали и в прозе и в стихах; они находили чувствительность в изображении меланхолии, неизбежно охватывающей нас при виде осеннего увядания природы, в описании насаждений, превративших до сих пор безжизненные и, так сказать, беспмятные деревья в памятники любви, дружбе, возвращению друга, рождению сына; эта мысль, совершенно новая в момент сочинения поэмы, в дальнейшем тоже вызвала множество подражаний; их авторы усмотрели чувствительность и в отрывке, в котором воздается дань уважения знаменитому и злополучному Куку, и, наконец, в трогательном эпизоде с таитянином, который посреди пышности и блеска Парижа тоскует о бесхитростных красотах края, где он родился, и, неожиданно увидев в королевском саду банановую пальму, бросается к ней, обнимает ее, заливаясь слезами, и на мгновение предается сладостной иллюзии, перенесшей его на родину.

Вообще говоря, есть два рода чувствительности. Одна смягчает наше сердце при виде несчастий ближних, черпая из источника кровного родства, дружбы или любви, и рисует радости или горести больших страстей, приносящих людям счастье или несчастье; это та чувствительность, которую охотно признают многие писатели. Но есть и другой ее род, гораздо более редкий, но не менее ценный: это чувствительность, которая распространяется, как сама жизнь, на все части произведения, придает интерес самым чуждым человеку предметам, пробуждает в нас сочувствие к судьбе, благополучию или гибели животного или даже растения, к местам, где мы жили или росли и которые были свидетелями наших горестей или радостей, к печальному зрелищу руин. Именно такая чувствительность вдохновляла Вергилия, когда в описании моря, пораженного стада, он сумел внушить нам почти равное сострадание к волу, оплакивающему смерть своего брата, своего сотоварища по труду, и к земледельцу, который с горьким вздохом оставляет недопаханную полосу.

Именно такая чувствительность воодушевляет поэта, когда он описывает молодой кустик, неосторожно распустивший раньше времени пышную и свежую листву, и просит жестокую сталь пощадить его хрупкую и нежную юность.

Этот вид чувствительности встречается редко, ибо не принадлежит к числу привязанностей, существующих только в человеческом обществе, а относится к изобилию чувств, распространяющихся на все кругом, все воодушевляющему, ко всему полному интереса, и поэт, удачно нашедший несколько прекрасных трагических стихов, не сможет написать и пяти строк, принадлежащих к названному мною роду творчества.

Некоторые особы, в общем весьма почтенные, бросили моей поэме упрек, быть может еще более серьезный, что она написана только для

богачей.¹³ Они выставили как оружие против нее участие, которое вызывает к себе бедность, и утверждали, что автор дает читателям советы, невыполнимые для обычных людей. Но если речь идет о полной бедности, то у нее есть другие заботы, кроме украшения пейзажей: если же речь идет о людях умеренного достатка, то я отвечу, что выдвигал прелестные сады в рекомендуемом мною стиле, которые потребовали затрат неизмеримо меньших, чем иные сады, много более дорогостоящие и гораздо менее приятные на вид. Ведь большая часть моих рецептов имеет целью наиболее удачное использование красот природы и может быть осуществлена скромными средствами, если расположение и особенности местности благоприятствуют хорошему вкусу ее владельца.

Да и, кроме того, можно ли представить себе, чтобы поэт, для которого деревня настолько притягательна, что он посвятил ей три первых своих произведения,¹⁴ стал презирать тех, кому она обязана своими богатствами? Достаточно вместо ответа таким критикам процитировать следующие стихи из первой песни:

Прелестные поля, что нам ласкают взгляд,
Раздумий требуют скорее, чем затрат.

Меня обвиняли еще и в том, что я требую от архитекторов-садоводов подражания величественным красотам природы, и в особенности горам, а при этом забывают, что у меня об искусственных, насыпанных горах и холмах сказано:

Коль вместо истинной горы стоит подделка,
То это выглядит и вычурно, и мелко,
И даже там, где наш обманут будет глаз,
Природа поглядит и не одобрит вас.

Когда же речь идет о том, что называют зданиями или строениями — а они нынче считаются наибольшей роскошью в садах, — то можно напомнить следующие строки:

Сколь многие, стремясь похвастаться пред всеми,
Оригинальностью соседей поразить,
Спешат приобрести и тут же водрузить
Строения всех стран и всех народов света —
Хаос лишь создают. Как неразумно это!

Нельзя на маленьком пространстве, в узкой рамке,
Все сразу поместить — беседки, гроты, замки,
Часовни, пагоды...

Я решительно осудил также и манию, еще более смехотворную, создавать искусственные руины. Об этом сказано:

Но только никогда не делайте попыток
Подделкой заменить событий древний свиток
И заново создать приметы давних лет
Там, где их не было, не может быть и пет.
Подъемный старый мост с бойницами на башнях,

Напоминающий о доблестях вчерашних,
 Нельзя соорудить — на нем печать веков,
 А сделанный вчера — увь! — он не таков!
 Так, в шутку стариком одевшийся ребенок
 Ни благородно сед, ни юношески топок.
 И выходки его нелепы и смешны.
 Иное — подлинный кусочек старины!

Вообще, что касается настоящих руин, то известно, что их нужно предоставить действию времени — оно разрисует и доведет их вид до совершенства лучше, чем все усилия художников.

И, наконец, расточительная мания разведения цветов и стремления обладать, ни с кем не делаясь, редчайшими их сортами нашли свое осуждение в следующих стихах:

Так житель Гарлема один, закрывши дверь,
 Без сна и отдыха, по суткам, как влюбленный,
 Ждет с трепетом, когда распустятся бутоны;
 Он караулит сад, как падишах — гарем,
 Делиться красотой не хочет он ни с кем;
 Стараясь выведать соперников секреты,
 Готов не пожалеть любой цены за это,
 И, как скупец свой клад, бесслемно, круглый год,
 Изысканный тюльпан ревниво бережет.

Я мог бы приложить к тем критикам, которые, считая, что придерживаются иного, чем я, мнения, говорят в прозе то же, что я говорю в стихах, одну удачную строку из «Послания „О диспутах“»:

И ваши же слова направят против вас.

Но если я почитал своим долгом осудить дорогостоящие и безвкусные причуды, я все же не должен был исключать того, что богатство может добавить к украшению садов, — если, разумеется, употреблять затраченные суммы со вкусом и осмотрительностью. Однако я дал рекомендации обладателям небольшого состояния, равно как и людям богатым, и предоставил всем возможность сделать свой сад приятным на вид, обойдясь без статуй, без декоративных строений, без всей той роскоши, которая недоступна лицам среднего достатка, но дает возможность богатству употребить мастерство художников с пользой для них и во славу красоты.

Наконец, двадцать изданий поэмы, ее переводы на немецкий, польский, итальянский, английский (дважды) языки служат достаточно выразительным ответом наиболее суровым ее критикам. Автор не строит себе иллюзий относительно качеств многих из переходов от одного мотива к другому — они часто получались вялыми и натянутыми; автор исправил ошибки в этом издании, дополнив его многочисленными новыми пассажами и трогательными эпизодами, которые должны придать произведению дополнительную ценность.

Именно для того, чтобы представить это издание в более привлекательном виде, автор и попытался отразить слишком уж резкие нападки критиков на поэму.

Читатели уже знают, что в предисловии к «Сельскому жителю» я ответил на некоторые критические замечания; да будет мне позволено ответить и на принципиальные возражения по поводу моего нового произведения.

Так, мне ставят в вину как очень серьезный промах то, что я не изложил в первых же строках поэмы ее общего плана. Это соображение можно опровергнуть одним словом, сказав, что законодатель французской поэзии¹⁵ в самой правильной и самой заслуженно знаменитой из своих дидактических поэм не предпослал ей никакого плана. А его авторитет настолько незыблем, что я не знаю, какие возражения можно ему противопоставить. Но самое удивительное то, что мои противники утверждают, будто такого плана вообще не было, лишь потому, что он не был изложен вначале. В ответ приходится напомнить им, что моя поэма написана с целью объяснить: 1) как сделать свою жизнь в деревне и жизнь всех окружающих счастливой; 2) как возделывать свои земли таким образом, чтобы это стало искусством, а не повседневной рутинной; 3) как научить смотреть на деревню и на все явления природы глазами наблюдателя; наконец, 4) как прививать повсюду и поддерживать вкус к этим занятиям, к удовольствиям сельской жизни, сделав ее интересной. Таким образом, и посвящены поочередно философу, агроному, натуралисту, пейзажисту четыре части поэмы. Это объяснение, думается мне, должно удовлетворить всех тех, кого вообще возможно удовлетворить.

Утверждали также, что разделы поэмы не связаны между собой. Если это утверждение означает, что каждый из них можно рассматривать по отдельности, то оно не лишено смысла, но ничем не противоречит замыслу автора. Вергилий мог бы написать одну поэму о виноградниках, другую о злаках, еще несколько о фруктовых садах или о пчелах. И хотя каждый такой сюжет может быть отделен от других, это отнюдь не доказывает, что автор совершил ошибку, объединив их в своих «Георгиках». Четвертую песнь особенно часто обвиняют в том, что она чужда всему произведению: но когда автор называет поэму «Сельский житель», то он имеет право включить в нее все, что допускает такое заглавие, и сельский поэт при этом не должен быть забыт. И если бы я опустил эту последнюю четвертую часть, то ясно, что критики вскричали бы: «Как? Вы говорите об искусстве создавать себе счастливую жизнь в сельской местности, об искусстве культивировать ее, о том, как насладиться видом ее красот и изобилия, и забываете о тех, кто умел ее воспевать! Вы забываете о Вергилиях, Томсонах, Геснерах, создавших картины столь оригинальные и очаровательные, что без них, кажется, чего-то недоставало бы и самой природе! Это было бы оскорбительно и для деревни и для поэзии одновременно!».

Вместо того чтобы без конца приумножать критические выпады подобного сорта, несправедливость которых я, кажется, сумел доказать, не

проявив никакой озлобленности на их авторов, на мой взгляд, было бы куда справедливее и естественнее заметить, что все песни поэмы явно отличаются друг от друга, а сюжет ее совершенно нов для литературы на всех языках, особенно для нашей.

Наконец, я могу сказать, что нисколько не удивлен той суровостью, которую проявила по отношению к поэме определенная часть нашего общества. Известно, что каждое вновь вышедшее произведение любого автора всегда становится предметом осуждения, зато, как бы в вознаграждение ему, предыдущие его произведения приобретают уважение, в котором им было отказано в момент их появления в печати. И это явление — отнюдь не результат ни справедливости, ни снисходительности, напротив, это признак недоброжелательности к писателю, попыток с помощью предыдущих его произведений очернить новые.

Создается впечатление, что в области литературы первые произведения писателей появляются уже сразу обездоленными и остаются такими до тех пор, пока последующие не дадут им права старшинства. Когда появился мой перевод «Георгик», на него обрушилась лавина критических замечаний. После публикации «Садов» мой предыдущий труд осыпал похвалами только для того, чтобы отказать в них последующему. Зависть охотно усматривает иссякание и ослабление таланта в каждом новом произведении сколько-нибудь известного писателя. «Сельский житель» в свою очередь принес предшествующей поэме такую же притворную благожелательность. А теперь, видимо, ему придется ждать появления нового произведения,¹⁶ которое приняло бы все новые нападки на себя.

Много раз замечалось, что одно из главных несчастий литературы и тех, кто ее создает, это злоба, постоянно следующая за ними по пятам. И особенно прискорбно, что она встречается чаще всего среди тех, кто сам идет по тому же пути. Горе тем, чье воображение может опустаться от высочайших предметов к толчее мелких страстишек, недостойных литератора; они напоминают мне блестящих и переливающихся всеми цветами мушек, которые, поиграв и порезвившись в солнечных лучах, садятся в грязь, пачкаются в ней и пачкают потом все, к чему прикасаются. А пчела источает только воск и мед и садится только на цветы.

В конце концов, если моим недоброжелателям и удалось преуменьшить и так скромные заслуги данного произведения, они не смогут лишить меня того огромного удовольствия, которое я испытал, когда сочинял его. Мое воображение, окруженное всем самым нежным, самым блестящим и самым роскошным, что дает нам природа, с наслаждением упивалось успокаивающими душу идеями, которые она внушает. Эта радость, вызывающая зависть у всех, единственная, которой никто меня лишить не может.

Мне простят попытку оправдать поэму «Сельский житель», если вспомнят о том, как поддержала и утешила она меня в моих невзгодах.¹⁷ Другие искусства, которые служат нам как бы роскошью и утехой, в дни несчастий представляются нам не столь уместными. Поэзия развлекает

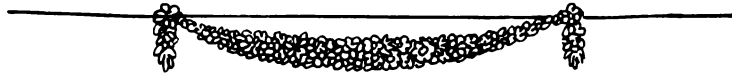
нас в дни процветания, укрепляет добродетель во времена развращенности, утешает в эпоху тирании; впрочем, в такие тягостные времена обычные развлечения и не удовлетворяют нас: нам нужны занятия, требующие страсти, большого напряжения ума и души; поэзия обладает этим преимуществом. У нее есть еще и способность с помощью воображения подниматься над картинами обыденной жизни, над прискорбным зрелищем испорченного века: она по своей воле может создавать иные миры, выбирать для них жителей и помещать это воображаемое население, эти лучшие миры между нами и — несчастьем или преступлением. Она может уводить тех, кто ее создает, в убежище уединения, наиболее надежное при тирании; именно там и только там еще можно сохранить хоть какие-то остатки свободы, хотя бы надеяться на забвение. Это средство, правда, не всегда удается применить: в страшное время, о котором я говорю, безвестность и одиночество имели свои опасности. Но мое существование свидетельствует в их пользу, и лишь невыразимым прелестям поэзии я обязан той любви к уединенной жизни, которая мне столько дала. Это прекрасное искусство никогда не было для меня только развлечением, а потом оно стало моим утешением и моим прибежищем.

Не могу не закончить эти размышления выражением признательности г-ну Давиду,¹⁸ который, не будучи со мной ничем связан, вознаграждает меня за суровость моих критиков ответами на их нападки, исполненными вкуса, ума и изящества, и притом высказанными им по доброй воле.

Многочисленные издания поэмы стали реальным основанием высказанного им мнения, да и мой собственный ответ на критику таков, что его нельзя отбросить ничтоже сумняшеся.

Я должен принести благодарность и тем, кто в прелестных стихах выразил столь большую снисходительность к моему труду и благожелательность ко мне самому. Самое сладостное из существующих на свете чувств, а именно признательность, перенесло меня, хотя бы мысленно, на мою родину, несчастья которой я так живо ощущал и чьи улады и благодеяния сохранились в моей памяти.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

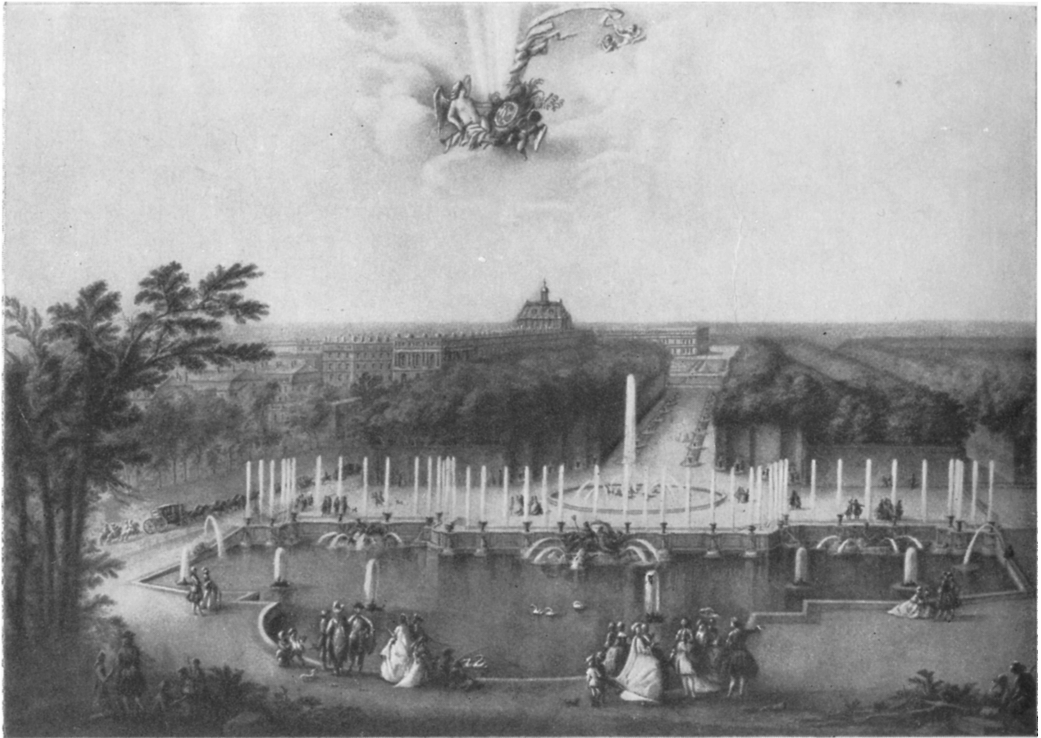
Опять оживлены пришедшей к нам весной
Цветы и стаи птиц и с ними голос мой.
О чем же скажут нам воскресшей лиры звуки?
— Что пробужденные от долгой зимней скуки
Леса, поля, луга и реки, и холмы,
Ликуя, празднуют свержение зимы.

Пуускай другой поет украшенное славой
Движеньем колесниц Победы величавой.
Атрея грозного кровавые труды. . .
¹⁰ Мне светит Флоры взор: я буду петь сады!
Я расскажу о том, как весь пейзаж окрестный,
Возвышенный искусства гармонией чудесной,
Неузнаваемый приобретает вид
И восхищает взгляд, и душу веселит,
А зданья стройные своей архитектурой
Увещивают то, что создано натурой.

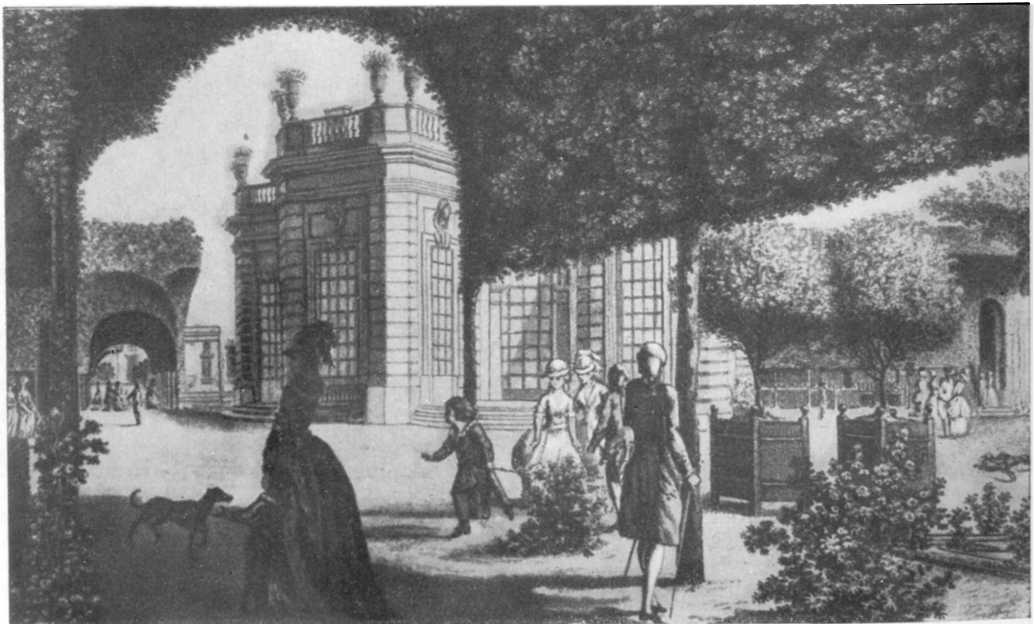
О, Муза, грацией твоею испокон
Жанр дидактический от скуки исцелен.
Уж если ты в стихе Лукреция суровом ¹
²⁰ Умела жесткий смысл смягчить приятным словом
И с помощью твоей, богов не оскорбив,
Его соперник пел соху крестьянских нив.² —
Укрась и мой сюжет! Достоин он усилий!
Им даже некогда пленен был сам Вергилий.*

* Читатель, быть может, не посетует, если я приведу здесь беглый набросок садов у Вергилия, каковых он, к сожалению, не мог воспеть:

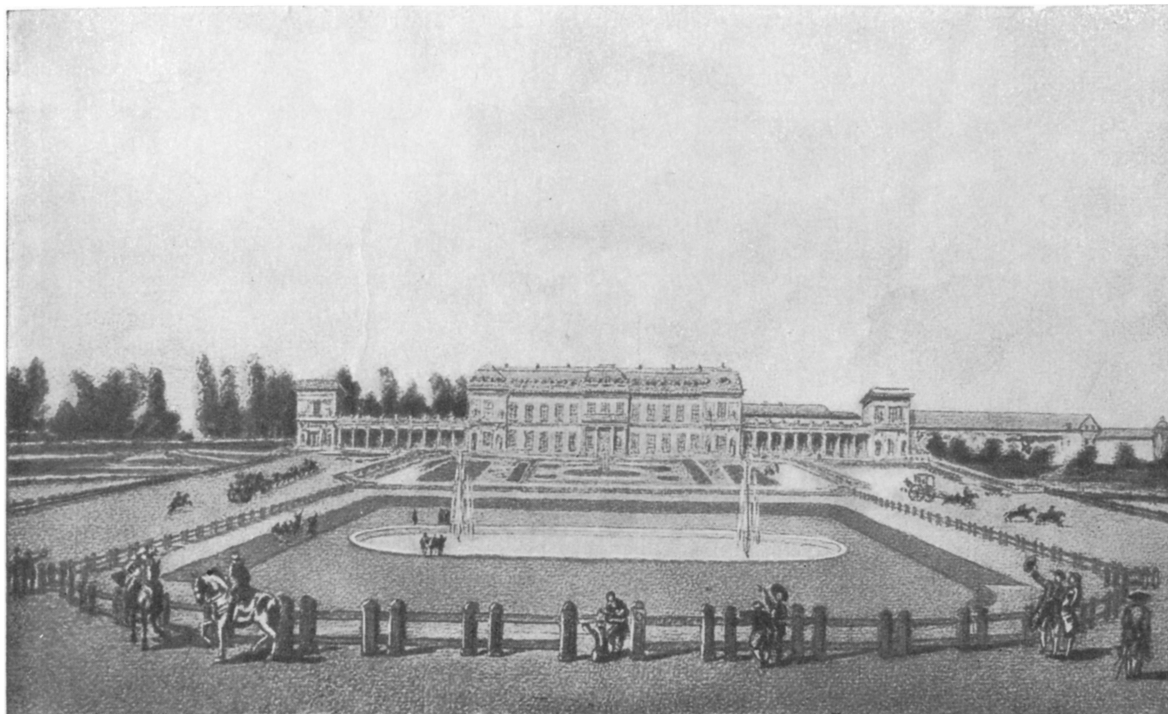
Но, несомненно, не будь при самом конце я работы,
Не отдавай парусов, не спешив нос к берегу править,
Может быть, я бы воспел, какую заботой украсить
Пышные можно сады в розарии Пестума, дважды
Цвет приносящие в год, как цикорий вышитым струям

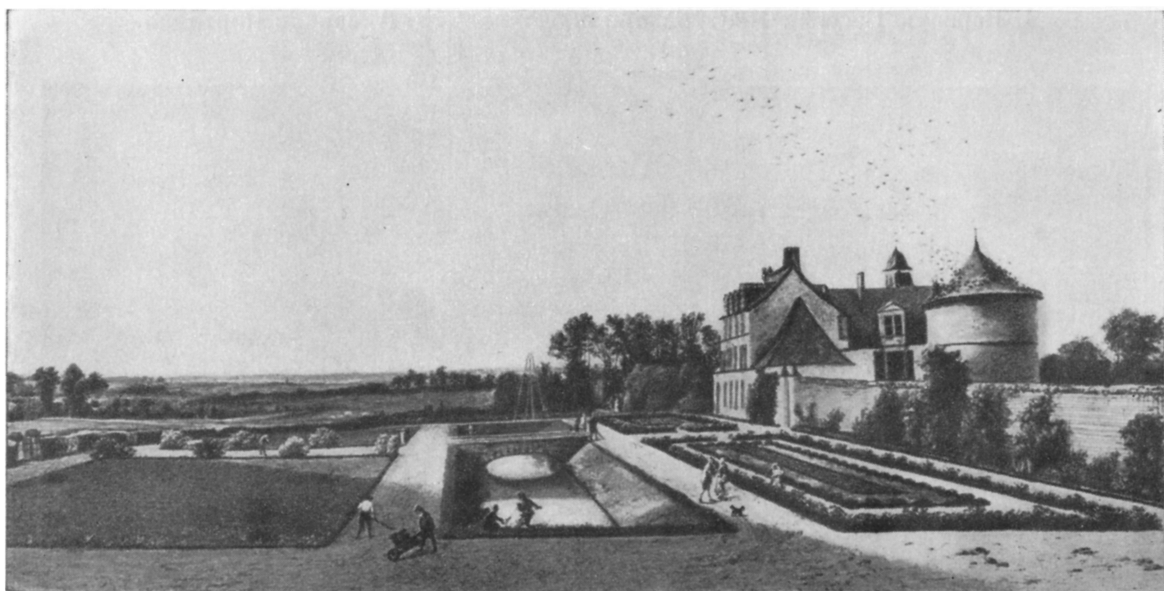
1. Версаль. Бассейн Нептуна при Людовике XV. Акварель Портаяля.

2. Французский сад Малого Трианона при Людовике XVI.

3. Шантлу. Акварель. Анонимн.

4. Замок и сад «Парадиз» в Амбуазском лесу. Живопись Уэля.

Мне иноземные красоты ни к чему.
 Из собственных цветов соъем венки ему;
 И как закатный луч окрашивает тучи,
 Мы здесь найдем набор оттенков наилучший.
 Искусство тонкое, что опишу я вам,
 30 Восходит к прошлому, к далеким временам.
 С тех пор как человек пахать обрел умение,
 Украсить дом и двор он ощутил стремление
 И стал вокруг себя сажать для красоты
 По вкусу своему деревья и цветы.
 Так древний Алкиной свой первый сад, сажая,
 Убрал на сельский лад; * так, роскошью сражая
 Народы, Вавилон цветенье пышных роз
 И красоту террас на высоту вознес; **
 Надменный Рим солдат кормил в тенистых парках,
 40 Прохладой радуя их после схваток жарких...***
 Да, мудрость некогда среди садов жила
 И смертным истину с улыбкою несла.
 Ведь сам Эллизиум, дарованный богами,
 Не мраморный дворец, а роши меж лугами,
 Цветущий светлый сад с кристальной рекой,
 Где сладок праведным и отдых и покой.

Рад, или брег от петрушки зеленый, как, брюху подобны.
 Тыквы растут средь травы извиваясь; не умолчал бы
 Я и про гибкий аканф, про нарцисс, расцветающий поздно,
 Про зеленеющий плющ и мирт, что любит побережья.

(Георгики, кн. IV, с. 116—124)

Мы видим, что устройство этого сада весьма просто и естественно, полезное сочетается здесь с приятным; это одновременно плодовый сад, огород и цветник. Но это сад обыкновенного сельского жителя, такой, каким пожелал бы разбить его, согласно своему непритязательному вкусу, мудрец, возделывающий его собственными руками, такой, каким предпочел бы украсить его любезный наш поэт, опиравшийся на него. Он совсем не имел в виду знаменитые сады, которые победители мира, все эти Лукуллы, Крассы, Помпеи и Цезари, заполнили роскошью, дарами Азии и сокровищами, пограбленными во всем мире.

* Описание сада Алкиной у Гомера («Одиссея», кн. 7, ст. 113—133) — драгоценный памятник древности в истории садоводства. Оно уже близко подходит к истокам искусства; все его великолепие состоит в порядке и симметрии, богатстве почвы и плодородии деревьев, в двух фонтанах, служивших ему украшением. Все, кто хотел бы иметь сад, чтобы наслаждаться им, а не похвалиться, не пожелали бы ничего иного.

** Эти висичие сады частично еще существовали шестнадцать веков спустя после своего сооружения и вызвали изумление Александра, когда он вступил в Вавилон.

*** Существует драгоценное свидетельство вкуса и формы римских садов в письме Плиния Младшего (кн. V, письмо 6); из него явствует, что уже тогда было известно искусство подстригать деревья, придавая им очертания различных сосудов и животных, что архитектура и пышность строений были одним из главных украшений их парков, но что все они имели полезное назначение. Это то, что полностью забыто в садах Нового времени.

Итак, начну я песнь, Филиппом вдохновленный.*³
 Сюжет меня ведет на путь определенный.

Прелестные поля, что нам ласкают взгляд,
 50 Раздумий требуют скорее, чем затрат.
 Чтоб не нарушить чар естественной природы,
 Потребны ум и вкус, а вовсе не расходы.
 Ведь каждый сад — пейзаж, и он неповторим.
 Он скромн или богат — равно люблюсь им.
 Художниками быть пристало садоводам!
 Луга, уступами сбегающие к водам,
 Оттенки зелени, все в солнечном свету,
 Где тени облаков, меняясь на лету,
 Скользят, одушевив ковер живой и яркий,
 60 Обнявшихся дерев причудливые арки,
 Округлые холмы и резвые ручьи —
 Вот кисти с красками и вот холсты твои!
 Природы матерьял в твоём распоряженье, —
 Твори же из него свое произведенье!

Но действуй не спеша и, прежде чем дерзнуть
 Лопатой грубою земли поранить грудь,
 Вглядись в нее любя и, лишь найдя изъяны,
 Берись их исправлять, как лекарь лечит раны.
 Во всем, всегда, везде природе подражай!
 70 Случалось ли тебе порой увидеть край,
 В котором было все — такое совершенство,
 Что ты почувствовал и трепет, и блаженство?
 Навек в памяти его запечатлей.
 Как улучшать поля — узнаешь у полей!

Есть много чудных мест, украшенных на диво.
 Какое предпочесть, решайте справедливо.
 Изысканностью форм пленяет Шантильи.⁴
 Все хорошеет он, хоть дни его прошли.
 Бельзиль соединил величье с простотою.**
 80 Шантлу гордится тем, что приютил героя.⁵
 Нам оба нравятся. А вот совсем иной,
 Прелестный Тиволи.***⁶ Он — как бутон весной;
 Все прихотливо в нем, и линии кривые

* Филипп, монсеньер граф д'Артуа, брат короля.

** Бельзиль — великолепный сад принца де Линя, расположенный близ Ата, в Нидерландах.

*** Местоположение Тиволи не располагало к живописным эффектам, но г-н Бутен сумел извлечь из него все, что возможно, а главное впервые с успехом попробовал силы в жанре иррегулярного парка.

Там были введены во Франции впервые.
 С улыбкой Грации задумали Монтрейль,*
 Мопертюи, Дезер,⁷ Ренси, Лимур, Отейль **
 Наварру, где еще дух Генриха витает;⁶
 Тень их густых аллей мечтательность питает.
 Божественной красой хозяйки осенен,
 90 Изыскан и богат прекрасный Трианон: ***⁹
 Блистая для нее, блистает он и ею.
 Сад графа д'Артуа! ****¹⁰ Хоть назван ты скромнее,
 Чем стоило назвать столь дивный уголок,
 Хочу, чтоб радость ты ему доставить мог,
 Отдохновение, досуг и умиление,
 Такие же, как мне — его благоволение.
 О покровитель мой! Средь множества певцов,
 Ярчайших, как в саду созвездие цветов,
 Вы милостью своей мой скромный цар почтили,
 100 Фпалку разглядев меж венценосных лилий!
 Но, раз уж в хоре сих блистательных светил

* Монтрейль близ Версаля принадлежит принцессе Елизавете, сестре короля. Рядом с этим садом под тем же названием расположен сад Дианы де Полиньяк, ее фрейлины.

** Мопертюи. Этот сад, известный под названием Элизюм, принадлежит маркизу де Монтескью. Если красивых водоемов, великолепных насаждений, удачного сочетания холмов и долин достаточно, чтобы образовать прекрасную местность, Элизюм оправдывает свое высокое название. Дезер. План этого сада был с большим вкусом создан г-ном де Монвилем. Ренси. Этот прекрасный сад принадлежит монсеньеру герцогу Орлеанскому. Лимур. Это место, дикое по природе, было чрезвычайно облагорожено графиней де Брионя; оно отчасти утратило грубоватую суровость, не потеряв, однако своего характера. Отейль. Первый сад, разбитый в истинно английском вкусе. Он принадлежит графине де Буфлер, столь известной своим умом и изяществом. Именно по поводу этого сада автор сочинил в 1774 г. обращенное к ней послание.

*** Малый Трианон, сад королевы, являет собой образец этого жанра. Богатство здесь неизменно употреблено со вкусом.

**** Речь идет об изящном саде Багатель, который был разбит с большим вкусом для монсеньера графа д'Артуа. Его преимущество в том, что он расположен среди очаровательного леса, как бы составляющего с ним единое целое. Павильон отличается редкой элегантностью. Я не мог перечислить все привлекательные сады, созданные за последние несколько лет. Среди них немало таких, которые бы того заслуживали, в том числе Фалез, Морфонтез, Руасси, Мальмезон, привлекающий красотой своего леса, вод, открывающихся видов, местоположения. Было бы ошибкой не упомянуть сад Сен-Жермен, облагороженный знатным вельможей, который долгое время благодаря тонкости и остроте своего ума служил украшением двора, а затем, движимый влечением к сельской жизни, порой оттесненным, но никогда полностью не утраченным благородной душой, уединился на лоне природы и занялся искусством и литературой. Писатели также нередко украшали свой уединенный приют, как ничто иное вселявший в них поэтическое вдохновение. У Попа был Туикнем, у Буало — Отейль, у г-на де Рюльера — Эрмитаж с его величественным видом, окаймленный двумя речками и прелестным ручейком и красноречиво прославленный стихотворными надписями, которые так удаются г-ну де Рюльеру.

Несмелый голос мой услышан вами был,
 Решусь восславить я то божество земное,
 Что в окруженьи муз предстало предо мною!
 Волшебных этих мест я прелесть воспую,
 Сложу у ваших ног песнь первую мою —
 Дань пылкой верности добрейшему, который
 В стихах и в жизни стал мне крепкою опорой.
 В гирлянды пышные, о, принц, для вас вилету
 110 Душистый мирт и лавр, и лилии в цвету, —
 Растенья, испокон любезные Бурбонам, —
 И лиру звонкую вам посвящу с поклоном.

[Густыми рощами, обилием воды
 Повсюду славятся германские сады:
 Рейнсберг,¹¹ что в озеро, как в зеркало, глядится,
 Шедеврами искусств заслуженно гордится:
 И прусским издавна приятный королям
 Дворцовой роскошью блистающий Потсдам,¹²
 То мирный, то войну с соседями ведущий;
 120 Бельвю,¹³ где в зелени, сквозь буковые кущи
 Течет широкая, спокойная река,
 Изгибы плавные ведя издалека:
 Гозау и Касселя озера, водонады,
 Вёрлиц,¹⁴ исполненный пленительной прохлады, —
 Достойны все они восторженных похвал:
 Никто до наших дней такого не знавал.
 Жилище Цезарей, великий город, ныне
 Являет нам пример поверженной гордыни:
 Разбитых статуй, ваз, могил и храмов смесь —
 130 О прежней роскоши все повествует здесь,
 О днях владычества и процветанья Рима, —
 Но, как в музее, взор скользит невольно мимо.
 Испанец с гордостью всегда упоминал
 И свой Аранхуэс, и свой Эскуриал,
 И Ильдефонсо,¹⁵ где в часы дневного зноя
 Укроет вас листва душистою степею.
 Где между пестрых клумб и бархатных куртин
 Вода свергается каскадами с плотин,
 Сверкая и искрясь, и пенясь неустанно,
 140 А в чашах мраморных взлетают вверх фонтаны;
 Там в синеве небес темнеют пики гор;
 Там молодой Филипп, вступая с дедом в спор,
 Достиг таких красот в своем саду дворцовом,
 Что Ильдефонсо стал как бы Версалем новым.

Батавия¹⁶ смогла могучих волн разлив
 Плотиной оградить, болота превратив

В сады, хоть полевых цветов там нет доныне:
Лишь рощи редкие на вспаханной равнине —
Вот вся растительность унылых берегов,
150 Лишенных прелести оврагов и холмов.
Но гладь спокойных рек, приморские причалы,
Крылатых мельниц строй, зеркальные каналы,
На зелени лугов цветные пятна стад,
Простор, покой и ширь — вот нидерландский сад!

В России северной свирепствуют метели,
Но мощные леса, их кедры, сосны, ели,
Мхи и лишайники во мгле морозных зим
Стоят зеленые под слоем снеговым.
Умение и труд там все преодолевают.
160 Огонь с морозами бороться помогает,
И Флора юная приходит в свой черед
Туда, где сам Вулкан Помону бережет.
Великий мудрый царь принес в народ науку;
Он над страпой простер властительную руку,
В борьбе со стариной верша свои труды.
Вкусят потомки им возвращенные плоды.

Китай нас поразит и странностью растений,
И необычностью затейливых строений,
Изгибом мостиков, и нагод высотой,
170 Фарфором, росписью и красок пестротой.

Чаруют в Турции,¹⁷ в садах ее восточных
Фонтанов звонкий плеск, журчанье вод проточных,
Сквозных беседок тень, кусты цветущих роз,
Пьянящий аромат, кружение стрекоз
Над влажным мрамором бассейнов, обрамленных
Толпою томных дев, жарою утомленных.

Есть и в Сарматии прекрасные места.
Природа мягче там, скромней, но красота
Лугов, долин, холмов и парков Радзивилла¹⁸
180 Любого скептика бесспорно бы пленила.
Поместью этому название дано
Аркадия: вполне заслужено оно.¹⁹

Как не упомянуть богатое убранство
Пулав, где служит все огромное пространство
Гористой местности с изломами вершин,
С лесами темными, просветами долин
И хижинами сел, рассыпанных на склонах,
С квадратами полей, то желтых, то зеленых, —

Лишь рамкой для дворца? — Величественный вид!
 190 Там правил Казимир.²⁰ Там дух его царит.

Вкруг замка — парк, а в нем — высокие аллеи,
 Лужайки светлые, тропинки, что, белея
 Среди густой травы, притягивают взгляд
 И в глубь кудрявых рощ приветливо манят.
 Там кроны тополей, верхи дубов могучих
 Над светлым кружевом ив и берез плакучих
 Темнеют сотни лет на склонах древних гор.
 Шумит под ветром их многоголосый хор,
 И ветви пышные с годами не редуют,
 200 А, поднимаясь ввысь, растут и молодеют.
 Как будто для того, чтоб завершить пейзаж,
 Дугой раскинулся внизу песчаный пляж;
 Там Висла тихая, прозрачно-голубая,
 Течет, высокий холм и остров огибаая.
 Как хороша она вечернею порой.
 Когда закат уже тускнеет за горой,
 Рождается луна, а солнце умирает,
 И пурпур с серебром в волнах ее играет!
 По берегу реки идет проезжий путь.
 210 И путник, стоит лишь ему наверх взглянуть,
 Вдруг замедляет шаг: в безмолвном восхищенье
 Оглядывает лес, холмы, реки теченье,
 Пещеры, башенки, и гроты, и мосты,
 Соединение природной красоты
 С делами рук людских, и вид сей несравненный
 Уносит он в душе, как дар благословенный.

Перед дворцом вверху — великолепный сад,
 Где круглый год цветы льют нежный аромат,
 И портик высится. Стройны его колонны,
 220 Их оттеняет мирт листвою вечнозеленой;
 Там для любителей искусств и старины
 Сооружен музей, и в нем заключены
 Картины, и фарфор, и книги (там, быть может,
 Среди других моя найдет местечко тоже).
 Тут Рим и Греция представлены гостям.
 Я сразу узнаю суровой Весты храм.
 А вот и постамент, с которого Сивилла
 Беду пророчила, моленья возносила.
 Нет больше строгих Вест, давно уж нет Сивилл.
 230 Ваятель в мраморе их лики воплотил;
 Они о бренности минувших дней вещают
 И к прошлому наш дух и память обращают...
 Вот узурпатора, вот короля черты;

Тут Генрих, там — Кромвель взирают с высоты;
Молитвенник, что был в минуты роковые
С Антуанеттою: вот цепь другой Марии,²¹
Казненной, как и та. . . Их участь столь горька,
Что будет жалость к ним жива еще века.

Покинув этот храм, идем мы дальше садом.
240 И видим в нескольких шагах, почти что рядом,
Необычайное строение — не дом,
А некий странный храм. Скопированы в нем
В еще невиданной, причудливой манере
Обломки всех эпох. Там в стены, в рамы, в двери —
Труды строителей порою нележки —
Умело вкраплены отдельные куски
То храма кельтского, то башенки шотландской,
То зубчатой стены от крепости германской;
250 Вот фриза полоса из Греции; под ней
Из замка древнего полдюжины камней. . .
И Византия есть, и даже Капитолий.
Нигде подобного не строили дотоле!
И все так пригнанс, так прочно скреплено,
Что здание векам разрушить не дано.
За ним, собравшись в круг, склоненные березы
Скрывают мавзолей, где сладко льются слезы,
Где меланхолия в тени ветвей царит
И все о бренности земного говорит.

Вся прелесть этих мест — пейзаж, и сад, и зданья —
260 Властительницы их любимое созданье.
Здесь выросла она, — как весь старинный род, —
Супругой, матерью счастливой здесь живет
Вдали от суеты, спокойно, безмятежно,
Бок о бок с дочерью, любимой ею нежно,²²
И, хоть владенья их теперь разделены,
Едини их сердца и радостей полны.

А я, певец полей, прославивший строками
То, что устроено прекрасными руками,
Горжусь, что и мое здесь имя сохранит
270 Хозяйкой в честь мою воздвигнутый гранит.²³
Отныне пастухи и юные пастушки,
Собравшись поплясать под вечер на опушке
Кудрявой рощицы у быстрого ручья,
Увидят памятник, где ею назван я!
Хотел бы я иметь возможность вместе с ними
Всегда твердить и петь мне дорогое имя:
Ведь благодарности не выразить порой

Словами, — пужен ей и музыкальный строй.
 Услышьте ж голос мой, хоть я не мастер пенья, —
 280 Он — преданности дар и вечного почтения.

Вот, наконец, и ты, цветущий Альбион!
 Здесь создан Бэконом²⁴ садовников закон,
 Затем его и Поп, и Мильтон поддерживали,²⁵ —
 И вот уже сады совсем иными стали.
 Они, свободные, без прежних жестких пут,
 Как жители страны, естественно растут.
 Не сковывают их суровые законы,
 Исчезли насыпи, террасы и балконы.
 Кто может сосчитать прекрасные места,
 290 Где темен старый лес, где зелень трав густа,
 Где так сочны луга, поля так плодородны, —
 Места, которые поит струей свободной,
 Втекающая в океан, могучая река
 Медлительна, как Рейн, как Гермус²⁶ глубока?

Любезны мне: Паркплейс,²⁷ где в скромном доме, в роще
 Посланец королей любил пожить попроще
 В свободные часы; и Шенстона приют,²⁸
 Где все полно любви, а птицы так поют!
 И Хегли дикостью, немного нарочитой,
 300 И Пейпсхилл скромностью, уже полузабытой,
 И Ботон, и Фоксли, где строгий стиль царит²⁹
 И каждый уголок о вкусе говорит;
 При всех различиях они равно прелестны,
 И давней дружбою владельцы их известны.

Вот Чизуик³⁰ описать уже пришел черед.
 Он посетителей прельщает круглый год
 Комфортом городским, богатством украшенья
 И сельской простотой в природном окруженье.
 Хоть странным кажется убранство — там уют
 310 Изделия дальних стран покоям придают, —
 Я домом восхищен, дубами осененным,
 Пленен Палладио³¹ изящным павильоном:
 В гостиных ткани стен и штор чаруют взгляд —
 Их нам Авзония³² и Фландрия дарят.
 Так пусть же дом и сад, аллен и лужайки
 Доставят сладостный досуг своей хозяйке.]

Те, кто здесь назван, шли по верному пути.
 Но рифы есть на нем: их надо обойти.
 И преклонение пред дикою природой

- ³²⁰ Разумно до поры, пока не станет модой.
Коль хочешь разбивать, сажать и строить сад,
Постигни раньше край, узнай, чем он богат;
Тогда возможности используешь умело,
И принесет плоды затейное дело.
Переиначишь все рассудку вопреки,
Неподходящие соединишь куски, —
Хоть все в отдельности и созданы искусно —
Знай, будет целое нелепо и безвкусно.
Хозяину земля сторицей воздает,
³³⁰ Коль получает то, чего недостает, —
И сад становится прекрасней год от года.
Творенье ваших рук, он все-таки — природа.
Умейте отбирать, как Бергхем, как Пуссен.³³
Природа в их холстах глядит на нас со стен,
И все прекрасное, что мы в них разглядели,
Сумели мастера взять у живой модели.

Теперь мы виды почв подробно обозрим,
Рассмотрим, где и что необходимо им.

- Бывали времена, когда терзали землю,
³⁴⁰ Старались, красоту природы не приемля,
Овраги выровнять, холмы и рощи срыть,
В площадку гладкую всю местность превратить.
Теперь — наоборот! Исполнены отваги,
Пригорки делают и роют там овраги,
Где не бывало их и быть не надлежит;
Хотят создать рельеф и живописный вид.
Но не изобразить им ни холма, ни лога:
Все это выглядит комично и убого.

Что предпочтительней для парков и садов?

- ³⁵⁰ Не плоскости равнин и не зубцы хребтов —
Долины и холмы с пологим косогором,
Ведущим плавно вниз к ручьям или озерам,
Где то подъем, то — спуск, и улаживает глаз
Пейзаж, что по пути меняется не раз.
В таких местах земля мягка и плодородна,
Не слишком глиниста и от камней свободна,
И будет весь ваш труд с лихвой вознагражден.
Пусть хмурый землемер, в расчеты погружен,
Забыв, что есть леса, лужайки и овраги,
³⁶⁰ Чертит с линейкой сад, разбитый на бумаге!

О, нет, не за столом обдумывайте сад!
Ступайте из дому и, не боясь преград,

С карандашом в руках окрестность обойдите,
 Представьте общий вид и лишь тогда садите.
 Из трудностей самих возникнут чудеса,
 И будет сад цвести, тянуться в небеса. . .
 Поможем мы земле, ее обогащая:
 Она гола — на ней кустарники сажая,
 Влажна — соорудив каналы и пруды,
 370 Суха — к пей проведя источники воды,
 Бесплодна — не щадя терпенья и усилий,
 Колодцы роя вглубь, чтоб родники забили;
 Пусть трудно их найти — земля, быть может, ждет,
 Что хоть когда-нибудь спаситель к ней придет!

Вот и в поэзии порою так бывает:
 Лишь слово, слог — и стих внезапно оживает!
 Но, сколько б ни было для зренья услад,
 И сердцу говорить о чем-то должен сад!
 Знакомы вам они, невидимые нити
 380 Меж миром неживым и вами? Протяните
 Их от своей души к реке, полям, лесам,
 Внемите чутко их неслышным голосам, —
 И вы поймете все, что вам они сказали.
 Разделит с вами сад веселье и печали.
 Художнику цвета найти поможет он,
 Утишит грусть того, кто мрачен иль влюблен,
 Поэту даст слова, полет и вдохновенье,
 Мудрец в его тени найдет отдохновенье,
 Счастливый вспомнит дни восторгов и любви,
 390 Несчастный — выплачет страдания свои.

Но здравый смысл — увь! — так редок в наше время!
 Сколь многие, стремясь похвастаться пред всеми,
 Оригинальностью соседей поразить,
 Спеша приобрести и тут же водрузить
 Строения всех стран и всех народов света,
 Хаос лишь создают. Как неразумно это!
 Пейзажу всякому необходим простор:
 Вблизи — дома, река, вдали — отроги гор. . .
 Нельзя на маленьком пространстве, в узкой рамке,
 400 Все сразу поместить — беседки, гроты, замки,
 Часовни, пагоды. . . Плепить стараясь всех,
 Лишь осуждение ты вызовешь и смех.
 Не лучше ль вместо сей слепой мешапины
 Создать приятные и разные картины,
 Чтобы одна тотчас сменялася другой,
 Чтоб путник или гость неволью ждал: какой
 Увидит он сюрприз за новым поворотом —

С беседкой встретится, запрудой или гротом?
А видя строгий вкус, гармонию и лад,
410 Ваш гость от всей души такой похвалит сад.

Но, чтобы зрелище вам взор не утомляло,
При всей их прелести недвижных видов мало:
По ним глаза устав рассеянно скользят.
Большие мастера уж много лет назад
Умели показать движение в пейзаже:
Вола, что тянет воз с тяжелою поклажей,
Пастушку юную иль пляску пастухов —
Порой достаточно лишь несколько штрихов,
Где нечто движется на неподвижном фоне —
420 Будь то стада коров на травянистом склоне,
Над крышей хижины струящийся дымок,
Колелеблующий верхи деревьев ветерок, —
Чтоб ожил весь пейзаж и жизнь в нем заиграла.
Но не впускайте в сад холодного металла!
Природу оскорбит вторжение топора!
Она — художница, и кисть ее добра.
Как строен и пушист высокий, гордый ясень:
В нем ветка каждая, в нем каждый лист прекрасен.
А пожницы. . . Нет, нет, не троньте! Он живой!
430 О, нимфы, прочь скорей! Над вашей головой
Опасность страшная! Но — кончено. . . Свершилось!
Верхушка пышная поникла и свалилась,
А ясень застонал. Он без вины казнен.
Не будет в нем шуметь проворный Аквилон,
И крепкий ствол его, недавно полный сока,
Склонясь и почернев, зачахнет одиноко.

Движеньем смысл и жизнь пейзажу придает.
Пусть лес волнуется, качается, поет;
Пусть волны в берег бьют, пусть пробегают тени
440 По пестрому ковру из полевых растений;
В долинах, на лугах, разбросаны стада —
Пусть будет много их! Взгляните-ка сюда:
Вот пастушок с рожком, с ним рядом овцы блеют,
А на уступах гор, вдали, коза белеет.
А вот у берега, на мураве лужка
Лежит огромный бык — вздымаются бока
И челюсти жуют медлительно и вяло,
Он словно полуспит, наевшись доотвала.
Но как подвижен он и как хорош собой,
450 Когда с соперником вступает в жаркий бой!
Он разъярен. могуч, воинствен и бесстрашен,
Рога — вперед, летит среди лугов и пашен,

Не видя ничего, как вихрь, неукротим, —
 И в страхе пятится противник перед ним.
 А он одним прыжком, разгоряченный, сходу,
 Взивая сотни брызг, ныряет с плеском в воду;
 В глазах горит огонь, из ноздрей пышет дым,
 Победно он плывет к возлюбленным своим,
 И вся река вокруг кипит, бурлит, волнуясь,
 460 И долго я гляжу вослед ему, любуясь.

Вот так, создав пейзаж из всех земных щедрот
 И сочтав красу равнин, пизин, высот,
 И света, и теней, и фона, и движенья,
 Вы воплощаете к природе уваженье.

А чтобы вящее вниманье пробудить,
 Есть средство — от границ ваш сад освободить;
 Где виден нам конец, там места нет надежде.
 И то, что нравилось и радовало прежде,
 Надоедает вдруг и раздражает нас,
 470 Коль упирается в глухую стену глаз.
 Убрав иль просто скрыв заметную ограду,
 Еще добавим мы очарованья саду,
 Не допуская мысль, что из-за той стены
 Нам лучшие места, быть может, не видны.
 В далекой древности, бывало, наши предки
 Для безопасности себя сажали в клетки:
 Вокруг своих жилищ и пашен от врагов
 Донжоны строили и прорывали ров.
 Хоть то была тюрьма, по в ней была надежность.
 480 Кому нужна теперь такая осторожность?
 Кто нынче вздумает на мирный дом напасть?
 Кто станет посягать на земли или власть?
 Чтоб вас отгородить от чуждых глаз, довольно
 Кустов шиповника, разросшихся привольно!

Ограды вокруг садов меня безмерно злят.
 Так выйдем же из них скорей и бросим взгляд
 На сад — единственный, где вход не оградили, —
 Большой, прекрасный парк: то парк в Эрменонвиле.³⁴
 Сады с полями в нем так тесно сращены,
 490 Что средь полей сады, в садах — поля видны,
 А с высоты холмов, откуда вид широкий
 Охватывает взгляд на юге и востоке,
 Природа Гению промолвила давно:
 Смотри, здесь все — твое, и лишь тебе даю
 В порядок привести все это изобилье.

Так приложи труды, заботу и усилья!
И Гений принялся осуществлять приказ:
Все осмотрел кругом, что может видеть глаз,
Ища сокровища, отправился в долины,
500 В овраги, на холмы, в ущелья, на равнины,
А по дороге стал, как будто невзначай,
Усовершенствовать обширный, дикий край;
Заметил тотчас же изъяны, недостатки,
Там что-то выпрямит, там — выровняет складки,
Там вместе соберет, а там — разъединит,
Поправит, вычистит, придаст опрятный вид. . .
И вот уж темный бор не выглядит столь мрачным,
Ручей становится спокойным и прозрачным,
Дорожки резвые бегут со всех сторон
510 То вниз, в глубокий лог, то на высокий склон,
То разбегаются веселой паутиной. . .
И смотришь — стал эскиз законченной картиной.

Такой огромный труд, быть может, вас смутит? —
Пойдемте, поглядим, какой имеют вид
Пещеры, статуи, бассейны — ухищренья,
Сооруженные в садах для украшенья.
Все эти мелочи недолго тешат взгляд,
Не окупая тех усилий и затрат,
Которых требуют, хоть выглядят парядно.
520 Исправить весь ландшафт — не более накладно.

О, как бы я хотел, чтоб вся моя страна
В Эдем, в единый сад была превращена!
Но вот что надо знать любому садоводу:
Есть два лишь способа преображать природу:
Один рассчитанностью линий покорять,
Другой — нежданнами картинами пленять.
Но — надо выбирать: они несовместимы.
Тому попробуем примеры привести мы.
Один являет нам симметрии закон.
530 Изделия искусств в сады приносит он.
Повсюду разместив то вазы, то скульптуры,
Из геометрии взяв строгие фигуры,
Деревья превратит в цилиндры и кубы,
В каналы — ручейки. Все у него — рабы.
Он — деспот, властелин, надменный и блестящий.
Другой все сохранит: луга, овраги, чащи,
Пригорки, впадины, неровность, кривизну,
Считая госпожой естественность одну.
Что ж, может быть, они по-своему и правы,

540 Ленотр и Кент равно заслуживают славы.* 35
 Кент мудрецам открыл красу лесов, полей,
 Ленотр свои сады сажал для королей, —
 А жизни королей торжественность пристала,
 И должно, чтобы в ней все роскошью блистало:
 Чтоб в подданных восторг и верность укреплять,
 Сияньем золота их надо ослеплять.

Природу одолеть искусству удастся,
 Лишь если все вокруг оно менять берется.
 Но исправлять пейзаж по мелочам нельзя;
 550 И украшательство — бесплодная стезя.
 Ведь сколь грустны сады, где клумбы — как заплаты,
 Где все расчерчено на ровные квадраты,
 Где каждый маленький зеленый уголок
 Причесан так, чтоб в нем укрыться ты не мог,
 Где нет ни дерева без выстриженной ветки
 И одинаковы, как близнецы, беседки,
 Где разлинованы тропинки, как чертеж,
 И где источника без вазы не найдешь,
 Где вместо тополей — шары и пирамиды,
 560 Пейзажа нет, а есть искусственные виды,
 И всюду пастушки из мрамора стоят. . .
 Лесная глушь милей, чем этот жалкий сад!

Старанья тщетные хозяину оставим.
 К шедеврам мировым мы наш полет направим,
 В торжественный Версаль, в сияющий Марли,
 Что при Людовике свой облик обрели.
 Здесь все поистине прекрасно, все помпезно.
 Строенье, как дворец Армиды, грандиозно,
 Как у Альцины, сад чарует красотой.³⁶
 570 Так отдыхающий от подвигов герой,
 Еще не усмирив кипящей в нем отваги,
 Не может не творить чудес при каждом шаге:
 Он гордо шествует, лишь с божеством сравним,
 А горы и леса склоняются пред ним.
 Здесь вырос строй дубов — прекраснейших созданий —
 Вокруг двенадцати великодушных зданий,
 Здесь реки подняты, воздвигнуты мосты,
 Плотины сделаны, чтоб воды с высоты
 Свергались пенистым, грохочущим каскадом
 580 И, успокоившись, текли с лугами рядом,
 Или взлетали вверх упругою струей,

* Кент — архитектор и рисовальщик, знаменитый в Англии, первый с успехом испробовал свободный стиль садов, который начинает распространяться по всей Европе.

Под солнцем распустив алмазный купол свой.
 В тенистых рощах, где побродить так славно,
 Мы видим мраморных Сильвана или Фавна,
 Диана, Аполлон — все обитают там;
 Беседка каждая — миниатюрный храм.
 Да, не жалели их величества усилий
 И весь Олимп к себе на праздник пригласилл.
 Ленотр величием природу победил,
 590 Но долго видеть блеск глазам не хватит сил.
 Я аплодирую оратору, который
 Искусно строит речь: сравнения, повторы,
 Ход мыслей и язык великолепны в ней,
 Но с другом искренним беседа мне милей.*
 И бронза, и хрусталь, и мрамор безупречны,
 Но наслаждения искусством быстротечны,
 А луг, иль дерево, иль тихий водоем —
 На них мы весь наш век глядеть не устаем.
 Природы никогда не будет слишком много:
 600 Всегда прекрасная, она — творенье бога.

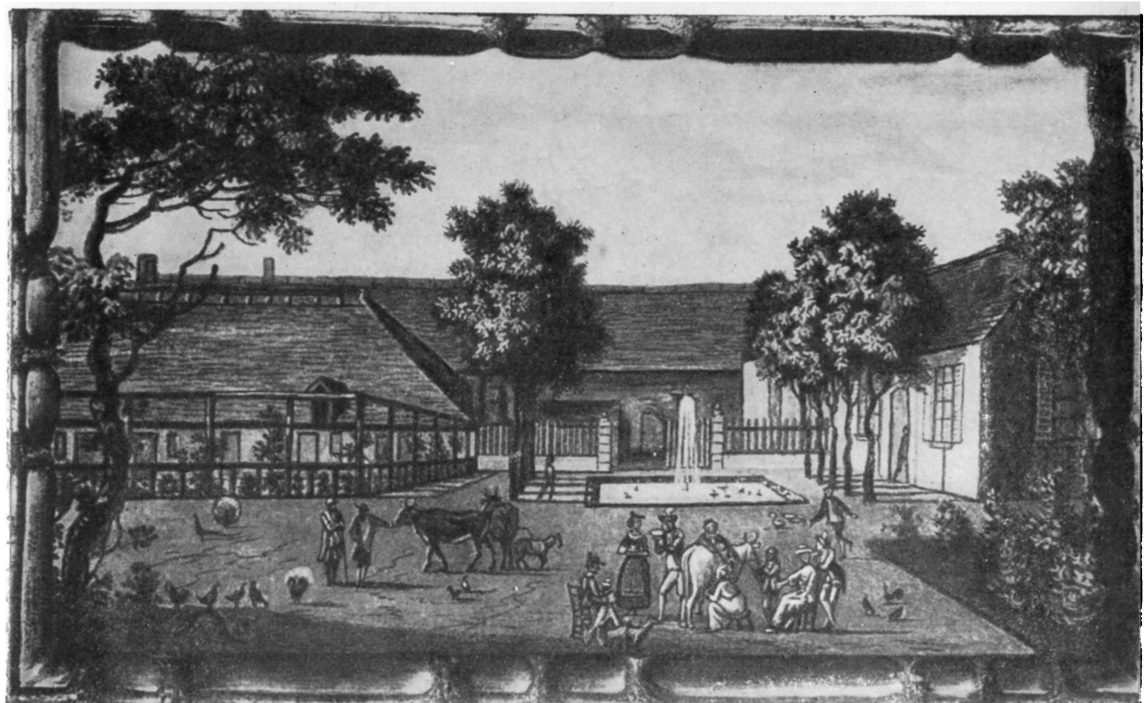
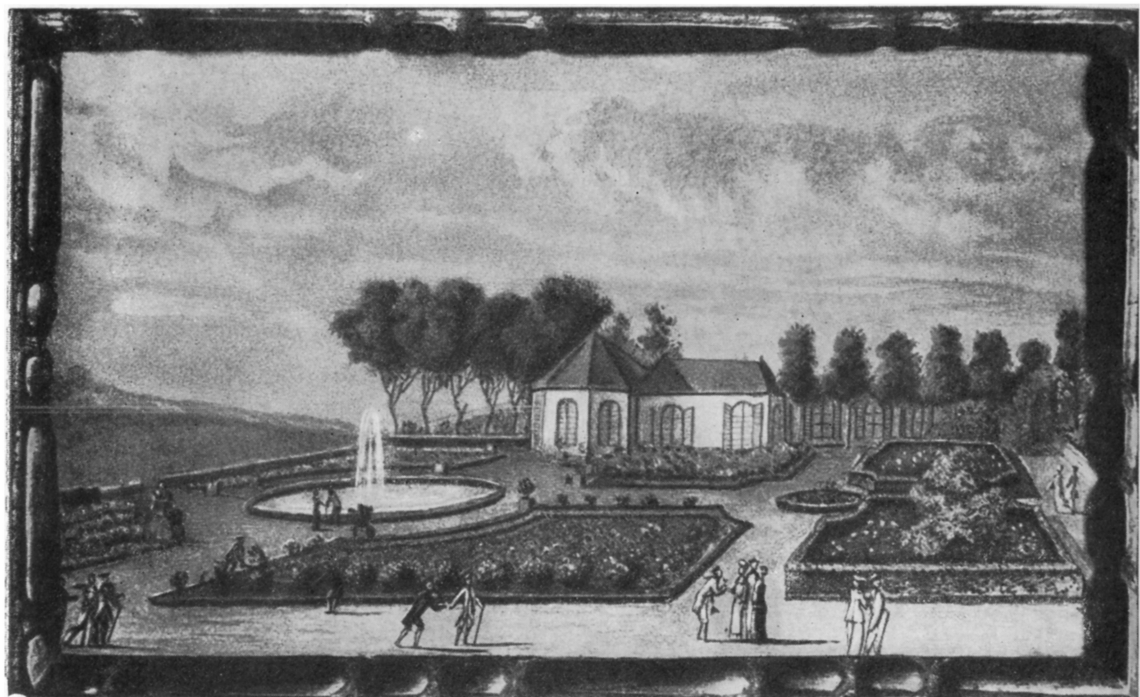
Заглянем в Мильтона: ** как он изобразил
 Приют, где некогда наш прародитель жил?
 Увидите ли вы науку и сноровку
 И разграфленную линейкой планировку
 Иль руслом мраморным стесненную волну
 В том крае, где Адам встречал свою весну?
 Нет, щедро и легко там с самого начала
 Природа красоту и радость расточала.
 Холмов, долин и роц веселый хоровод,
 610 И рек голубизна, и лепет вольных вод,
 И штрих прерывистый — как бы набросок робкий —
 Петляющей в траве песчаной узкой тропки,
 Наивность, простота, прелестный ералаш —
 Вот истый рай земной, божественный пейзаж!
 Над нежным бархатом травы светло-зеленой
 Деревья темные, шумя, качают кроной. . .
 Как сладостен их вид, как свеж их аромат!

* Этот стих принадлежит, как известно, Расину («Береника», д. 1, явл. 4). Мы прилагаем его к прелестям иррегулярного и естественного парка, который, менее ослепительный на первый взгляд, без сомнения, более разнообразен и способен долгие возбуждать наш интерес.

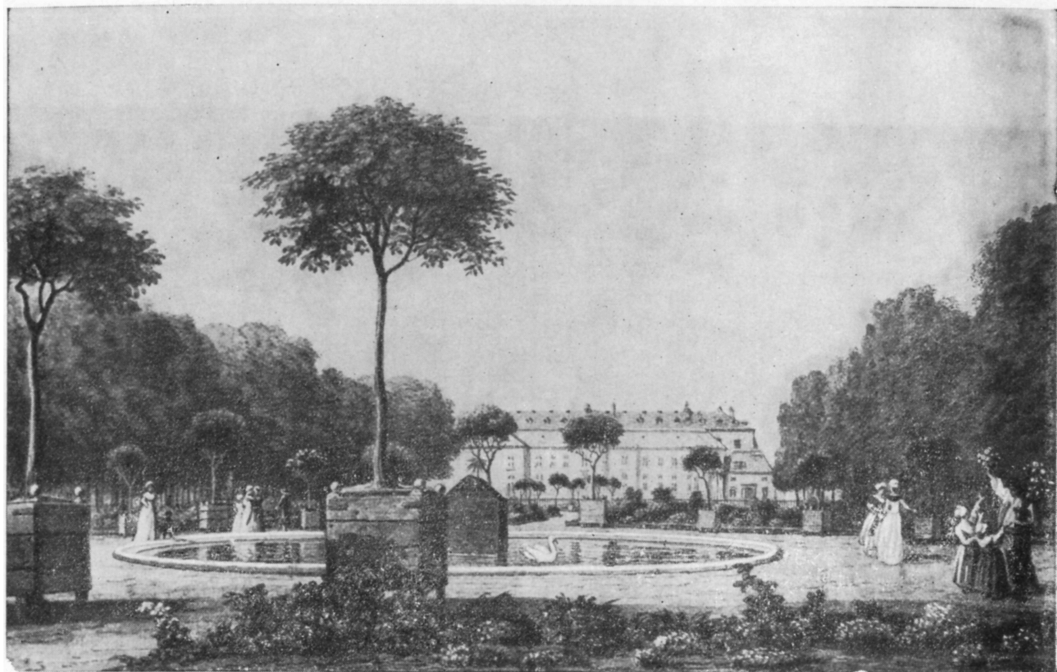
** Многие англичане утверждают, что идею иррегулярных садов подало его прекрасное описание земного Рая и некоторые отрывки из Спенсера; и хотя весьма вероятно, что этот жанр ведет свое начало от китайцев, я отдал предпочтение авторитету Мильтона, как более поэтичному. К тому же я полагал доставить удовольствие читателю, противопоставив великолепие самого могущественного короля мира, все чудеса искусства — прелестям только еще рождающейся природы, певности первых созданий, украсивших ее, и их первой любви (см. «Потерянный Рай», кн. IV).

То купами они отдельными стоят,
 То выстроятся в ряд, как изгородь живая.
 620 То разбегутся врозь, всю даль вам открывая,
 То, опустив листву густую до земли,
 Как будто не хотят, чтоб вы сквозь них прошли,
 То книзу ветви их гирляндами свисают
 И в полдень на цветы сквозную тень бросают,
 То вдруг сплетаются вверху как некий свод,
 То из стеблей альков пред нами предстает,
 То выгнутся они подобьем колыбели. . .
 Здесь Ева, чьи глаза мечтою голубели,
 Вдохнула радостно, как луч зари, светла,
 630 И руку юному супругу отдала.
 Их поздравляли все явления природы:
 Сияньем — небеса, журчаньем тихим — воды,
 Их дрожи трепетом ответила земля,
 Их вздохи повторял Зефир, летя в поля,
 Лес шумом славил их и веток колыханьем,
 А роза сладостным поила их дыханьем.
 Да, в мире не было счастливее четы!
 Блажен, кто, как они, вдали от суеты,
 Гордыни и страстей, природой одаряем,
 640 Сумеет жизнь прожить, не поступившись раем!

[Ведь если б ширь полей и прелесть тишины³⁷
 Нам не были милы, приятны и пужны,
 Откуда бы взялась в нас к ним такая тяга?
 Все втайне ценят их как истинное благо.
 Мудрец на склоне лет возделывает сад.
 Вельможа от балов в глуши укрыться рад.
 Поэт скрывается в беседке отдаленной.
 Купец, расчетами в конторке утомленный,
 Стремится сторговать богатый сельский дом;
 650 Оп тешится мечтой, как обживется в нем,
 И рад заранее расписывать хозяйке,
 Какой там будет сад, и клумбы, и лужайки.
 В награду воинам в минувшие века
 Преподносили сад. И мощная рука
 Воителя, устав вершить свой подвиг ратный,
 Бралась за мирный труд, не менее приятный.
 Трофей сложены, отставлен меч, и вот
 Не кровь, а воду он усердно в землю льет,
 Теперь он не полкй а лишь стада считает,
 660 А на оружии Помона восседает,
 И, если тетиву натянет эта длань,
 То от стрелы падет не человек, а лань.

5. Павильон «Фантазия» в саду д'Аркура. Гуашь. Анонимн.

6. Париж. Королевский сад (Ботанический сад) в конце XVIII в. Акварель Ж.-Б. Илэра.

7. Париж. Тюильри в конце XVIII в. Акварель. Аноним.

Вот так возник Бленем.* Он герцогу награда
 И лучший образец прекраснейшего сада.
 Он — памятник тому, кто в битвах преуспел,
 И по заслугам я сей дивный парк воспел.
 Коль ищешь ты искусств бессмертные творенья,
 То лучше не найти — их прелесть вне сравненья;
 Об их создателях подумаешь порой:
 670 Кто славен более — они иль их герой?
 А коль займешься ты ушедшими веками, —
 Легенду этих мест тотчас подскажет память,
 И Розамонды дух** тебе предстанет вмиг:
 Печален взор ее и трогателен лик;
 Как роза хрупкая под сводами лазури
 Она цвела лишь день — до налетевшей бури.
 Сам Мерлин убережь цевипную не смог,
 Жестокой ревности ее сразил клинок,
 И та, кто для любви и счастья расцвела,
 680 Под шквалом ярости и ненависти пала.
 О, жертва бедная, тебя давно уж нет,
 Но в замке тень твоя витает сотни лет. . .
 Любой, придя сюда, пополнит и своими
 Источник чистых слез, твое носящий имя;
 Твой слыша тихий вздох, вздохнет он в унисон
 И вспомнит, что тебя прославил Аддисон.
 Все это — милые, но старые преданья,
 И где сравниться им с той восхищенной данью,
 Которую навек признательный народ
 690 Герою за его деянья воздаст?

К чему описывать дворец? Его громада
 Величия полна. Узорная ограда,
 Что окружает парк, крепка и высока.
 Бессмертью памятник, он простоят века.
 Там в залах мраморных завешивают стены
 Картины славных битв — большие гобелены,
 Там, словно Родоса прославленный колосс,
 Огромный монумент из бронзы меч вознес;
 Темнея, там повис над тихою рекою

* Бленем — замок, окруженный великолепным парком и расположенный в нескольких милях от Лондона. Он был сооружен по решению парламента и преподнесен герцогу Мальборо в награду за его выдающиеся заслуги.

** Розамонда, дочь барона Вальтера де Клиффорда, была первой возлюбленной английского короля Генриха II и одной из самых красивых женщин королевства. Она жила во дворце короля в Вудстоке, где потом был построен замок Бленем; покинув его, она удалилась в монастырь, где окончила свои дни, творя покаяние. Аддисон написал на этот сюжет лирическую драму.

- 700 Мост скорби: он стоит, печальною дугою
 Склонившись над водой, как вечный плач без слов
 Оставшихся сирот и неутешных вдов.
 Там зданья, статуи прекрасны! Но не это
 В твоей красе, Бленем, пленило дух поэта!
 Давно привыкли мы от восхищенья млеть
 Пред славой, что для нас запечатлела медь
 Иль мрамор мертвенный. Но нынче дар бесценный
 Иной, чем до сих пор, великий и нетленный,
 Как замыслы его и как его дела,
- 710 Природа герцогу сама преподнесла,
 В знак благодарности отважному герою
 Своей обильною и щедрою рукою
 Собрав, дабы ему воздать хвалу и честь,
 Все то, что у нее в сокровищнице есть, —
 И вот среди птиц лесных нашлись свои Орфеи;
 Гирлянды зелени — склоненные трофеи,
 Знамена, взятые у пленников в бою,
 И, — как бы времени нарушив колею, —
 В честь триумфатора смешала все сезоны:
- 720 Цветами разных стран украсила газоны,
 Плоды лесов, полей, садов и пышных нив
 Для услаждения его соединив.
 Все говорят о нем — и села и деревни,
 Он — нынешний герой — понятней им, чем древний,
 И так из уст в уста молва за годом год
 Рассказ о подвигах его передает.
 Своих защитников страна не забывает,
 И в память об отце потомков награждает.
 Утрата велика, но за такой урон
- 730 Сторицей воздает им щедрый Альбион.
 Ах, если б мог еще потомкам в назиданье
 Ты, Спенсер наших дней,*³⁸ воспеть его деянья!
 Один великий род обоих вас сроднил:
 Ты, Спенсер, в нем Орфей, а Мальборо — Ахилл.
 Он и среди райских кущ, где ныне пребывает,
 О прелести твоей, Бленем, не забывает.
- А вы, потомки тех, кто ваш прославил род,
 Достойны будьте их, пусть слава к вам придет.
 Живите, как они, свой стяг не опуская,
- 740 На вас глядит страна, владычица морская,
 И увенчает вас отечество венцом,
 Коль будет вам Бленем награды образцом.
 Он был и для наук гостеприимным кровом.

* Спенсер — родовое имя герцога Мальборо.

Там Гершель взор людей направил к звездам новым,³⁹
Наследник Ньютона, там он Уран открыл,
На небесах его движенье проследил;
С тех пор ведет Уран отважных капитанов
В их долгих плаваньях среди грозных океанов.
Быть может, — повый плод ученого труда—
750 Взойдет на небосклон и Мальборо звезда,
И блеск ее лучей сольется непременно
С сиянием имен Конде или Тюренна.⁴⁰

При этих именах слез не могу сдержать.
О, Франция моя, героев наших мать!
Могу ль я о тебе забыть хоть на мгновенье?
Ведь ты — моя любовь, и жизнь, и вдохновенье,
И если б воспевать тебя я перестал,
То славу, и талант, и честь бы потерял!
Прощай, Бленем! Шамбор теперь ко мне взывает.
760 Хоть роскошью своей он менее блистает,
Он — тоже памятник прославленным боям.
Морис, Саксонский граф, явил отвагу там.
Один Фонтенуа Бленема стоит, право.⁴¹
Прекрасны парк, дворец, и не померкла слава
О подвигах его владельцев, ведь она
В историю страны их впишет имена.

Так в нашей памяти оружием бряцают /
Герои давних войн; хоть рядом и мерцает
Коцита⁴² черная, беззвучная вода,
770 Они останутся такими навсегда.]

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Ах, если б я владел той лютнею, чей звук
Однажды сдвинул с мест леса и горы вдруг!
Играл бы я на ней, покуда лес зеленый
Не вострепнулся бы, свои расправив кроны,
И не пошел вперед, как в танце, чередой:
За буком — ива, кедр — за елью молодой.
Но больше нет чудес и звуков всемогущих,
Недвижны пики гор, молчат деревьев кущи,
И ныне за собой природу поведут
¹⁰ И оживят ее искусство, ум и труд.
А у кого узнать, как перенять приемы,
Которые дадут нам результат искомый?
Сначала надобно всегда иметь в виду:
Деревья, прелесть их — вот главное в саду.
Как много их у нас, деревьев самых разных,
Густых или сквозных, всегда разнообразных:
Вот это гибкостью своею тешит взгляд,
Другое — высится сурово, как солдат,
Одно — раскидистые ветви простирает,
²⁰ Другое — на ветру трепещет и играет.
В изменчивости — суть столь дивной красоты:
Все в нем меняется: ствол, ветви и листья,
И, в непрерывности чудесных превращений,
Любое — как Протей среди других растений.
Знатоку умение и вкус проявит в том,
Что это свойство он использует с умом.
Не забывайте, что у матери-Природы
В огромном множестве есть разные породы:
Различны форма, цвет, и рост, и густота —
³⁰ Сумейте отобрать вам нужные сорта.

Вот дикий темный лес, холодный даже летом;
Вот роща легкая, пронизанная светом;
Там купа темная на светлом фоне даст
Вам неожиданный пленительный контраст,
А вот в своей красе уверенный, спокойный

Совсем один стоит средь поля тополь стройный,
Качая медленно кудрявою главой.
Он — словно древности бестрепетный герой —
Идет вперед один перед притихшим войском,
40 Чтобы сойтись с врагом в сражении геройском.
В изысканных садах давно ль тому назад
Деревья ставили то группами, то в ряд,
И было невдомек, что каждое создание
Таит в себе самом свое очарованье?
А между тем, когда они вразброс растут,
Как бы печально, те — там, а эти — тут,
Различные листвою, и формою, и цветом,
Одно цветет весной, другое поздним летом,
Одно кустарника кольцом окружено,
50 Другое — как король — красуется одно,
И стелются пред ним, склоняясь низко, травы,
Они прекрасны; но — должны быть величавы.
Так мощный старый дуб или ветвистый клен,
Когда стоит один, открыт со всех сторон,
Как древле патриарх почтение внушает.
Но прихотливостью лужайки украшают
И липы круглые: их кроны придают
Открытой местности и прелесть, и уют.
Деревья, что скромней и меньше по размерам,
60 Сажайте рощами, причем таким манером,
Чтоб выросла стена из зарослей густых
И было издали приятно видеть их.
Внося естественность в садовые картины,
Тем избегаем мы наскучившей рутины.
Пусть будет свеж пейзаж, как полевой букет,
И пусть играют в нем, сменяясь, тень и свет.

Теперь пришел черед лесам. Займемся ими.
Леса! Уже давно вас воплями своими
Не оглушает бард. Поэтов голоса
70 Вам гимны стройные теперь поют, леса!
И я у вас ищу восторг и вдохновенье.
Выказывая тем свое благоговенье,
Я бережно, любя, украсить вас хочу.
Учась у вас самих, людей я обучу.
Как мрачен этот лес! Тут строй стволов огромных
Так тесно сдвинулся, что свод из веток темных
Не пропускает свет. Лучам откройте вход, —
Он станет веселей и все в нем оживет.
Пусть солнышко блеснет в распахнутых просветах
80 И на прогалинах, снопом лучей согретых,
Запляшет от ветвей узорчатая тень,

Как будто борются друг с другом ночь и день, —
 И мрачный старый бор приветно улыбнется.
 Но общий вид его пусть прежним остается.
 Так вы, слегка смягчив его суровый нрав,
 Природы девственной не ущемите нрав.

Не стройте в нем колонн: пусть дикость сохраняет
 И простотой своей петропунтой пленяет.
 Вот возвышаются седые валуны.

⁹⁰ Они хранят следы принесшей их волны.
 Им много тысяч лет. Наверняка когда-то
 Здесь бушевал поток; громовые раскаты
 Ревели; молнией расколот был гранит.
 Пусть память о веках могучий лес хранит.
 [Но так как глухо там, и жутко, и безлюдно,
 И людям боязно, да и привыкнуть трудно,
 То можно было б в нем соорудить приют
 Для тех, которые жизнь богу отдают.

В те времена, когда суровые законы
¹⁰⁰ Страдальцев гнали прочь от их земель ископных,*
 Несчастливым довелось пролить немало слез,
 И рок от родины их далеко занес.
 Теперь вы можете свершить благодеянье
 И облегчите жизнь томившимся в изгнание.
 Найдите им в лесу укромный уголок,
 Где каждый бы в тиши труду предаться мог.
 Лес будет населен и станет он не страшен,

* Г-н Томас Уэлд предоставил монахам ордена траппистов убежище в своих владениях в Люльворте близ Верхема. Бар в своем описании монашеских орденов сообщает о траппистах следующие подробности.

Аббатство Трапп было основано в 1140 г. Ротру графом Першским. Долгое время оно славилось выдающимися добродетелями своих настоятелей и монахов; но потом его постигла обычная судьба многих обителей, где монахи, отойдя от добродетели отцов, перестают соблюдать свой устав. Аббатство не раз подвергалось разграблению во время войн, раздиравших Францию; монахи, лишённые средств к существованию, некоторое время кое-как держались. Наконец они вынуждены были разбрестись кто куда и вернулись в свою обитель, лишь когда времена смуты миновали. В ту пору они уже приметно отличались от тех, какими были некогда, испорченностью нравов, которую приобрели в миру. С этого времени беспорядочность образа жизни в аббатстве настолько возросла, что монахи стали позором своего края, жили врозь где придется и собирались вместе лишь для охоты и развлечений. Так обстояли дела, когда Арман-Жан Ле Бутилье де Рансе, бывший в ту пору их настоятелем, задумал реформировать орден и восстановить монастырскую дисциплину, насколько это позволяли превратности того времени. Постепенно в обители возродились самые строгие порядки, и те, кто принял реформу, пытались достигнуть в этом наивысшего совершенства. Свою жизнь они делили между чтением, работой и молитвами. В часы работы они сбрасывали рясу и, подоткнув нижнюю одежду, выполняли те обязанности, которые были им поручены, ибо никто не волеп был выбирать себе труд по склонности.

Не повредят ему клочки лугов и пашен,
 А хижина, когда она в лесу стоит,
 110 Ландшафту придает лишь трогательный вид.

О, паства Бруно,¹ ты достойна сожаленья!
 Сыны Рансе давно в безропотном смиренье
 Обитатели своей лишились навсегда.
 Их горестный удел — лишенья и нужда.
 Так дайте землю им, и кров, и корку хлеба,
 Вознаградит за то вас всеблагое небо.*
 И лишь они у вас появятся едва,
 О вашей щедрости тотчас пойдет молва.
 К святым отшельникам явить свое почтение
 120 Сбегутся стар и млад, окрестные селенья:
 Богатые взглянуть на бедность их придут,
 Веселые — на скорбь, а праздные — на труд.
 И даже вас самих, когда душа устанет
 От шума светского, в тот тихий лес потянет,
 Захочется уйти от суеты мирской
 И среди них вкусить возвышенный покой,
 Смотри, как бледные, в глубоком покаянье,
 Лишь на иную жизнь лелея упованье,
 Они безропотно, покорные судьбе,
 130 Готовы, заступ взяв, могилу рыть себе.
 Их молчаливый труд,² упорный и усердный,
 Сторицей вам воздаст за дар ваш милосердный;
 И благодарность их, вздымаясь к небесам,
 Вам на душу прольет целительный бальзам,
 А может быть, в часы безмолвия ночного,
 Когда их хор без слов услышите вы снова,
 Вы, умиленье и радость ощутив,
 В его мелодию вольете свой мотив.
 С их появлением мрак этих мест смягчится,
 140 Хоть первозданность их и пышность сохранится,
 Но все ж, присутствием людей оживлены,
 Они для путников не станут столь страшны,
 А вас за доброту двойная ждет награда:
 Повеселеет лес и сердце будет радо.]

Характер рощ — иной: он мягче и светлей,
 И глазу видеть их приятней, веселей,
 У тропок и ручьев плавней изгибы линий,
 Среди цветов река сверкает лентой синей,

* Намек на великодушное гостеприимство, оказанное изгнанным во время революции трапистам и картезианским монахам в Швейцарии, Вестфалии и особенно в Англии.

- И кажется, что там, меж трав и тихих вод,
 150 Уроки радости нам Эпикур³ дает.
 Но скрытой красоты лесов и рощ нам мало.
 Хотим мы, чтоб она и взоры услаждала.
 [И, как в поэзии, — сказать я не боюсь —
 Разнообразье здесь определяет вкус.
 Богиня эта, нас влекущая соблазном,
 Являясь в облике изменчивом и разном,
 Сверкающий кристалл подняв над головой,
 В свечение радужном меняет облик свой.
 Так следуйте же ей! Взыскательны и строги,
 160 Старайтесь действовать, как действовали боги.
 Вот образ: женская головка. В ней одной
 Представлены черты всей прелести земной.
 Ежеминутно в ней все полно перемены!
 Овальный белый лоб — как алебастр нетленный.
 Чтоб эту белизну еще усилить, он
 Капитановых кудрей волною обрамлен.
 В ее очах, искрясь, огонь любви играет,
 Как арки тонкие их брови осеняют,
 Девичьих губ ее нетронутый коралл,
 170 Как розовый бутон весною, свеж и ал.
 Нос линией прямой, изящной, но не длинной,
 Деля лицо на две продольных половины,
 Емю изысканность пропорций придает,
 И заключает все округлых щек обвод.
 А если к облику прекрасного творенья
 Добавить стройность ног и грацию движенья, —
 Вот вам модель. Лишь ей вы подражать должны
 И будете за труд с лихвой награждены.]
- Разнообразие форм и их непостоянство,
 180 Не утомляя глаз, украсят вам пространство.
 Но бойтесь ровно лес обрезать с двух сторон —
 Погубите пейзаж. Взгляд будет оскорблен:
 Есть нечто грубое в таком обрыве резком.
 Нет, должен всякий лес быть окружен подлеском
 Опушкой реденькой, чтоб сквозь нее видны
 Деревья были нам с любой их стороны:
 Одни могучие и налитые соком,
 Другие — дряхлые, иссушенные роком,⁴
 И те, которые на землю улеглись,
 190 И те, которые вершины тянут ввысь
 (Нам нравится, смотря на птиц, деревья, травы,
 Людские видеть в них характеры и нравы).
 С естественностью их возможно ли сравнить
 Пропагольщики, что выровняла нить?

Их одинаковость наводит грусть и скуку!
Изменчивость, сюда! Давай скорее руку!
Мы разобьем с тобой угольник, ватерпас
И колышков ряды, чтобы не злили нас!
Пусть будет полон лес полянок, кочек, впадин —
200 Он лишь тогда богат, прекрасен и наряден;
Там каждый шаг, любой тропинки поворот
Меняет весь ландшафт и радость нам дает!
Рядами ровными стоящие растенья
Вмиг приедаются, и вот, от утомленья,
Взгляд ищет впереди иль сбоку что-нибудь
Нежданное, на чем он мог бы отдохнуть.

Лес нужно расчищать, освобождать от гнили,
Но надо, чтобы с ним вы осторожны были:
Пред тем, как дерево назначить под топор,
210 Подумайте сперва и обойдите бор.
Ведь дереву расти десятилетия надо,
Чтоб украшеньем стать лужайки, рощи, сада,
И если впопыхах и зря его срубить,
Ущерб и золотом потом не окупить,
А сколько нужно сил, ухода и терпенья,
Чтоб вас оно опять своей укрыло тенью,
Спасло и в непогодь, и в жаркий летний зной!

Порой, не думая о будущем, иной
Владелец целый лес предаст уничтоженью,
220 И стройные стволы, стена от униженья,
На землю рухнув вдруг, печально смерти ждут.
Ни радость, ни любовь сюда уж не придут.
Ужасно! Ведь под их густой ветвистой кроной
Возлюбленную ждет робеющий влюбленный,
Под ними и весной и осенью народ
Танцует в праздники и водит хоровод,
Под ними предков прах покоится веками,
Они священны! В них живет о прошлом память;
Их старость, как отцов семейства, надо чтить.
230 Придет и их черед покорно уступить
Для новой поросли места, где пели птахи,
И, с шумом падая, на землю лечь во прахе. . .

Версаль! О как мне жаль твоих прямых аллей!⁵
Ленотра детище и славных королей,
Тебя настиг топор и гибнешь ты безвинно.
Могучих тополей кудрявые вершины,
Что гордо высились, вздымаясь головой
До облаков, теперь с опавшею листвою

- Лежат вдоль тех дорог, где ветви их веками
 240 Давали тень, сплетясь зелеными руками.
 Они порублены, прекрасные леса.
 В них музыка плыла, звенели голоса,
 В них пышные балы и празднества блистали
 И перед королем все Музы там предстали.
 Где тот приют, куда, склоняя гордый стан,
 Вздохнуть и горевать скрывалась Монтеспан?⁶
 А та укромная тенистая аллея,
 Где Лавальер,⁷ дрожа, смущаясь и робея,
 Своей любви открыть отважилась секрет,
 250 Не зная, что дано услышать ей в ответ?
 Все вянет, рухнет, ветшает; даже птицы,
 Своей обителью привыкшие гордиться,
 Покинули Версаль; их песни не звучат —
 Молчит, как вымерший, весь опустевший сад;
 И боги, что резцом изваяны умело,
 Смутились, увидав свое нагое тело,
 Которое всегда среди зелени густой
 Скрывалось, не кичась прекрасной наготой.
 Венера, Аполлон о временах расцвета
 260 Грустят. На их вопрос безмолвный — нет ответа.
 Деревья новые! Растите поскорей!
 Укройте пустоту густой листвою своей!
 А вы, о старые деревья вековые,
 Утешьтесь: видите вы бури не впервые
 И знаете, что жизнь людская коротка.
 Ушли Корнель, Тюренн, а саду жить — века!

- [Пока оплакивал я это разоренье,
 Слух до меня дошел о том, что есть спасенье
 О, будь благословен тот, кто сумел найти
 270 К лечению садов надежные пути!
 Он, сняв кору, стволы деревьев покрывает
 Замаской некою, — и тут же оживает
 Больное дерево. В нем свежий сок бурлит,
 Глядишь — и новыми ростками ствол покрыт:
 Недавно голые и чахлые бедняги
 Вдруг закурдючатся, полны целебной влаги,
 Как будто скорбленный и немощный старик
 Надел на лысину весь в локонах парик.]
 Счастливцев, кто живет, владея лесом старым.
 280 Еще счастливей тот, кто труд вложил недаром
 И создал новый лес! Он отдал много сил,
 Но вправе произнести: я это посадил!
 [Он первую весну здесь радостно встречает
 И почку каждую на всех деревьях знает.

Так родился Перфилд.⁸ Зеленый, молодой,
 Собой любуясь, он склонился над водой,
 Как Ева, что едва из рук творца явилась
 И, увидав в воде свой облик, удивилась.
 Веселый лес взбежал на сумрачный утес,
 290 Пригоркам и полям дневную тень принес
 И все окрестности одел в наряд зеленый, —
 Теперь блаженствует хозяин умиленный.]

Хотите ли, как он, быть счастливы и вы?
 Тогда не слушайте советов и молвы,
 Чужие чертежи в сторонку отложите
 И, только тщательно обдумав все, решите,
 Как должен выглядеть наш сад в конце концов,
 В итоге многих лет стараний и трудов.
 Художник, прежде чем приступит к выполнению,
 300 Готовым видит все свое произведение,
 Вот так и вы должны уже заране знать,
 Что будет где расти, цвести и глаз пленять,
 Как рядом выглядит такой с таким-то цветом
 И что у нас цветет весной, зимой и летом,
 И как все разместить, чтоб зимостойкий сад
 Благоухал, и цвел, и радовал наш взгляд;
 Вот ясеня, например, и тополь с дубом рядом
 Нехороши: сажать их в отдаленье падо,
 Меж ними поместив другие деревья,
 310 Чтоб сочеталась по цвету их листва,
 Породы и сорта деревьев подбирая,
 Мы можем на земле создать подобье рая —
 [Так поступать учил нас тот, кто победил⁹
 Лоррена в мастерстве, когда Коллин садил.*
 Он свод советов дал; при этом сам, владея
 Искусством красоты не хуже чародея,
 До совершенства свой прекрасный сад довел
 И наслаждался тем, как он и рос, и цвел.
 Но вот пришло ему высокое решение
 320 Растить и пестовать особое растение —
 Прелестное дитя. Пусть небо оградит
 Его от всяческих несчастий и обид,
 А воспитателя вернет к его призванью.]
 Теперь уже мы все, его усвоив знанья,

* Герцог д'Аркур, старший сын маршала, создал в своем поместье д'Аркур близ Кана один из прекраснейших парков Франции — сад «Коллин». Как истинный мудрец он наслаждался там прелестями уединения, когда его назначили воспитателем дофина, первого сына Людовика XVI, скончавшегося в 1789 г. в Медоне. Герцог, много писавший о садах, умер в 1800 г. в Лондоне, где он долгие годы состоял посланником французского короля.

Умеем различать оттенки и тона:
 Та зелень весела, а эта вот — мрачна.
 Особенно они богаты и прекрасны
 По осени, когда на сини неба ясной
 Пред тем, как облететь, деревья все горят
 330 И роскошь красок их слепит и тешит взгляд:
 Тут пурпур с золотом, а там — баgreц и пламя,
 Там охра смешана с карминными тонами. . .
 Но это пиршество — последних сил наплыв,
 Прощанье перед тем, как ветер, оголив
 И ветви, и стволы, засыплет землю с шумом,
 И станет бедный сад печальным и угрюмым.
 Но для меня и в нем очарованье есть.
 Когда недобрая меня расстроит весть
 Иль горькие на ум придут воспоминанья,
 340 Мне сладко с ним делить час грусти, расставанья. . .
 Один, в молчании, я меж дерев брожу
 И утешение в печали нахожу.

Да, дни безумств, страстей, восторгов миновали.
 О, меланхолия, приди! От бурь устали
 Мы нынче, и тебе я душу отдаю.
 Неси мне легкую задумчивость твою,
 И тихий вздох, и взгляд рассеянно туманный,
 Который вдруг блеснет как будто бы нежданной,
 Но облегчающей и светлую слезой,
 350 Неси раздумье мне и сладостный покой.
 Так шел я не спеша, о том, о сем мечтая,
 Когда мне вдруг семья кустарников густая,
 В бутонах и цветах, попалась на пути.
 Тут я себе сказал: о, мощный кедр, прости!
 Прощай высокий лес, дубы, каштаны, ивы!
 Теперь меня манит боярышник пугливый
 И невысокие кусты. Их прелесть в том,
 Что между деревом высоким и цветком
 Они находятся как раз посередине.
 360 Я разглядел их вдруг, и в них влюблен отныне.
 И если б мой сюжет меня не торопил,
 То целую главу я им бы посвятил.
 Я описал бы все их виды и породы,
 Изобразил бы, как они, смыкая своды,
 В аллеях создают зеленый потолок,
 Их кружевную сень обрисовать бы мог;
 Я перечислил бы сорта больших и малых,
 Назвал бы их цветы — от голубых до алых —
 Ну, словом, сто картин я б посвятил кустам,
 370 И позавидовал бы мне Ван Гейзум¹⁰ сам.

Вы все, кому дано по выбору растенья
Сажать в своем саду, запомните: цветенье
Кустарников всегда возможность нам дает
Цветущим видеть сад почти что круглый год.
Едва лишь отцветет один — уже другие
Бутоны выбросят зеленые, тугие,
И снова сад в цвету, и льется аромат
Все месяцы, с весны до осени подряд.
Когда же кончится цветенье — ну так что же!
380 Кустарник без цветов ведь живописен тоже,
Он зелен и кудряв, он и пушист, и густ,
И украшает сад собою каждый куст.
Так, и увядшая, пленяет нас Аглая,
Хоть юность отцвела, а с ней — краса бывалая.
Но есть растения, зеленые всегда:
Им ветер нипочем, снега и холода —
За них благодарим мы щедрую природу,
Они свежи весь год, в любую непогоду,
Терновник, весь в шипах; смолистая сосна,
390 Узорнолистный плющ — им стужа не страшна —
И благородный лавр, блестящий и кудрявый,
Который все века считался знаком славы.
В их темной зелени то тут, то там пестрят
Пурпурные плоды — им глаз особо рад.
Когда кусты вокруг печально оголились,
И словно пред зимой безропотно склонились,
С успехом зимний сад украсят вам они.
Туда придете вы, чтоб в солнечные дни
Полюбоваться вновь игрой теней и света;
400 Там птицы зимние, найдя частицу лета,
Почувствовав тепло и яркий свет дневной,
Забыв, какой сезон, засвищут, как весной.

Мы избалованы своих садов цветеньем,
И зимней зелени, увы, подчас не ценим.
Хоть это — чудеса, мы равнодушны к ним,
Глядим без радости иль вовсе не глядим,
Не восторгаемся их свежестью и глянцем...
Как, видя это, я завидую лапландцам!
Вот кто всегда умел, хоть климат их суров,
410 Создать зеленый мир при вьюгах, меж снегов!
У них не встретите ни липы вы, ни вяза —
В морозном воздухе они б зачали сразу —
Зато там хвойные в почете и в цене,
И каждый рад любой, хоть крошечной, сосне.
Там сядят дерево в честь друга или брата,
В честь близких и родных. И чем большей утрата, —

Коль милым именем оно наречено, —
Тем больше дереву забот посвящено.

И мы, живущие под нашим небом ясным,
420 Могли б им подражать в обычае прекрасном;
Ведь все бы ожило для нас, и все кругом
Заговорило бы знакомым языком,
И посещали бы нас дорогие тени,
Их лица виделись бы нам среди растений!

Вот, например, сейчас. Кто мог бы воспретить
Столь долгожданный день достойно освятить
Посадкой рощицы, аллеи или сада?
Нам милостью богов дарована награда:
У наших королей теперь наследник есть.¹¹
430 Да облетит весь мир торжественная весть!
Повсюду слышатся мне клики ликованья.
О, долгожданное, прекрасное созданье!
Цветов, цветов сюда! Нет, для подобных дней
Великолепный лавр пристойней и нужней.
Так пусть же видит принц победные знамена,
Пусть гимнам радостным впитывает удивленно:
Ведь он еще дитя; однако же рожден
Наследник королей, он истинный Бурбон.
А ты, принесшая нам этот дар невинный,
440 Который всех связал цепочкою единой,
Скрепив Германии и Франции союз¹²
Узлом и родственных, и венценосных уз,
Объединила всех как мать, сестра, супруга,
Заставила любить и уважать друг друга,
И горечь слез смешав¹³ с улыбкою святой,
Ты материнскою сияешь красотой.
Все, вдохновленные высоких чувств приливом,
Запечатлят его созданием счастливым
Картин, или скульптур, иль песен, наконец.
450 Я ж, скромный друг полей, совью иной венец.
Отправлюсь я туда, где Флора и Зефиры
Спокойно властвуют и без бряцанья лиры,
Я в Трианон пойду и сыну твоему
Деревья посажу, подобные ему.
Пусть зреют вместе с ним, растут, цветут, ветвятся,
Он будет в их тени взростеть и развиваться,
Мужать и расцветать, и каждую весной
С ним будет этот сад как брат его родной.
Но если хочется и славы садоводу,
460 То мало понимать и приручать природу,

И украшать ее чертоги, как дворец.
 Он должен действовать как истинный творец.
 В природе ведь идет подспудное брожение,
 В ней что-то тайное растет, стремясь к рождению. . .
 Ей надобно помочь! Послушай, посмотри,
 Старайся угадать, что зреет там, внутри.
 Как реки бурные в каналы мы отводим,
 Так соки, что кипят невидимо в природе,
 Мы можем направлять, усилив их порыв
 470 И новый, легкий, путь движенью их открыв.
 Скрестив между собой различные растенья,
 Мы можем в них внести любые измененья,
 Над цветом властвовать и над величиной,
 И аромат, и вкус им дать совсем иной.
 Вот персик, например: он — рук людских изделие;
 И розы раньше так не пахли и не рдели,
 И нынешних гвоздик не знал минувший век.
 Смелей! Мир создал бог, украсил — человек!
 Но если опыты для вас не интересны,
 480 Есть множество плодов, в иных краях известных.
 Заимствуйте же их! Когда-то гордый Рим
 На землях, занятых и покоренных им,
 Нашел и перенял, хозяин прозорливый,
 В Дамаске — темные, с янтарной плотью, сливы,
 В Армении — золотой, мясистый абрикос,
 А груши сочные из Галлии привез.
 Лукулл¹⁴ из Азии как свой трофей военный
 Вез бронзу, золото и мрамор драгоценный,
 А мудрецы, богатств познавшие тщету,
 490 Несли вишневые отростки все в цвету.
 А войско римское ужели не видало
 Вооруженного, воинственного галла,
 Когда пред Вакхом он в экстазе был склонен
 Под пурпуром в вине омоченных знамен?
 Порой, взбодренные живительною влагой,
 Солдаты с песнями и дерзкою отвагой,
 С увитой листьями и гроздьями главой,
 Добыв мехи с вином, несли их в лагерь свой;
 Завоевавший Гауг,¹⁵ в победной колеснице
 500 К нам возвратился бог, держа в своей деснице
 Тяжелый виноград, чей сок у всех исторг
 Веселья громкий клич, и радость, и восторг.

 Давайте же теперь и мы, потомки галла,
 Потрудимся над тем, что предков привлекало!
 Вот золотоуст Мальзерб¹⁶ — пример для всех времен.
 Судьбой своей страны всегда обременен,

Фемиды скипетром он охранял свободу,
 Но среди прочих дел помог и садоводу:
 Со всех концов земли во Францию привез
 510 Отростки всех сортов от виноградных лоз.
 Из низменных долин, с высоких горных склонов,
 Засушливых степей и каменных капыонов,
 Из разных климатов и стран привезены,
 Под небом благостным его родной страны
 Они все прижились и, мудрость уважая,
 Ответили на труд обильем урожая.
 Здесь путешественник из стороны любой
 Бывает умилен, увидев пред собой
 Знакомую листву как весточку из дома.
 520 И нам подобная история знакома.

Туземец, юноша с далеких островов,
 Где не бывает зим и воздух так здоров,*
 Где чистый пыл сердец стыдливости не знает
 И солнце нежное невинность их ласкает,**
 На нашем корабле был привезен сюда.
 Впервые видел он большие города,
 Блеск ослепил его; их шум ему был странен;
 И тосковал у нас сей юный таитянин.
 О, где мои леса! — вздыхал он, и слеза
 530 Туманила его печальные глаза,
 Когда он вспоминал простую жизнь и правы
 И детства своего невинные забавы.
 Однажды он попал в тот королевский сад,
 Где садовод Жюсье,¹⁷ не пожалев затрат,
 Чтоб выполнить приказ и волю господина,

* Это — Потаверй, житель О'Таити, которого привез во Францию г-н де Бугенвиль, прославленный своим мужеством и достойно зарекомендовавший себя как воин и как путешественник. Рассказанный здесь случай с этим юным таитянином широко известен и весьма примечателен. Я только изменил место действия, перенеся его в королевский парк. Я хотел выразить в своих стихах то чувство, которое он излил в немногих словах, обняв знакомое дерево, напомнившие ему родину. «Это О'Таити», — говорил он, а при виде других деревьев: «Это не О'Таити».

** У всех народов, мало продвинувшихся в развитии общества, отмечена некая невинность нравов, весьма отличная от сдержанности и стыдливости, неизменно сопутствующих женской добродетели у народов цивилизованных. На острове О'Таити, на большинстве других островов Южных морей, на Мадагаскаре и т. д. замужние женщины считают себя принадлежащими только мужу и редко нарушают супружескую верность, между тем как девушки не видят в этом ничего предосудительного или постыдного; ни в своих речах, ни в одежде, ни в повадках они не соотносятся с тем, что у нас рассматривается как долг по отношению к их полу. Но у них это — проявление простоты, а не испорченности: они не пренебрегают правилами приличия, а просто не знают их. В этих странах природа груба, но не извращена: вот что я хотел выразить этой строкой.

Собрал из разных стран растенья воедино.
И юююна средь них внезапно наяву
Увидел пред собой знакомую листву
И дерева узнал развесистую крону...
540 Он обнял дерево, заплакав умиленно,
И целовал его, так простодушно рад,
Как будто встретился ему любимый брат,
Как будто снова он в своем лесу родимом,
Где птицы пестрые, крича, несутся мимо,
Где меж густых ветвей и путаных лиан
Резвятся, прыгая, десятки обезьян,
Свисают гроздьями тяжелые бананы,
Из хижин низеньких несетя запах пряный,
Течет поблизости спокойная река,
550 И песни юных дев слышны издалека.
Он испытал такой восторг и удивленье,
Как будто в край родной вернулся на мгновенье.

[Когда сажаете вы рощу, парк иль сад,
Растенья местные иль иноземный ряд,
То, чтобы в будущем он был приятен глазу,
Обдумать пужно вам одну подробность сразу.
Лишь малоопытный, неумный садовод
Из новых саженцев ограду создает:
В деревьях не земли он видит украшенья,
560 А хочет отделить от всех свое владенье.
И только тот, кто сад разумно разместит,
Откроет для себя большой, широкий вид,
Пространству отведет незримые границы,
В которых весь ландшафт свободно разместится,
И сможет обозреть не свой лишь сад один,
А множество живых и красочных картин,
Которые и взор, и сердце восхищают
И к окружающей вас жизни приобщают.
Вот в поле тянет плуг неторопливый вол;
570 Вот всадник: конь его усталым шагом бред,
Но вдруг, прищоренный хозяином, взбодрился
И, головой мотнув, рысцою припустился.
Вот путник с посохом задумчиво идет,
Заветная мечта ведет его вперед;
Вот важной поступью богатая крестьянка
Шагает, а за ней — проворная смуглянка
Несет на голове в кувшине молоко,
С веселой песенкой, и плавно, и легко.
Вот тащится, скрипя, тяжелый воз с поклажей,
580 На нем, с кнутом в руке, сидит возница ражий;
Вот местный франт в своей карете щегольской:

Визиты напося, он ездит день-деньской.
 Вот мельница: бегут и пенятся каскады,
 Церере помогать не ленятся наяды;
 Другую мельницу в движение привел
 И вертит крылья ей изменчивый Эол.
 А глянешь вдаль — и вдруг умолкнешь пред картиной:
 За крепостной стеной там городок старинный.
 Меж островерхих крыш стоят сады в цвету,
 590 И колокольни шпиль взлетает в высоту.

Прекрасно, коль царит над лесом, над холмами
 Красивый старый храм, нетронутый веками,
 Чья башня высится, видна со всех сторон, —
 Вестминстер это иль прекрасный Ройямон.¹⁸
 В тиши Вестминстера, на каменистом ложе,
 Спят рядом воины, поэты и вельможи,¹⁹
 И мраморная гладь его тяжелых плит
 О славе, гордости и смерти говорит.
 Нет, не забыть мне вид на реку величавый,
 600 Зеленых берегов подстриженные травы,
 И в устье острова, и море, где вдали,
 Как стая белых птиц, трепещут корабли.

О, дивные места, прославленная Ницца!²⁰
 Лаванда, тмин, лимон — их аромат струится
 Над зеленью олив, и манит нас простор
 Лазоревых небес и живописных гор.
 Там взор теряется в пространствах неоглядных...
 Как сладостно следить за жизнью волн прохладных
 С их неустанною и вечною игрой
 610 И в неподвижный штиль, и грозовой порой;
 Следить, как в них растет волнение постепенно:
 Сначала на песок, шипя, взбегает пена,
 Потом, как бы сердясь, вздымается прибой,
 Свирено в берег бьет, неся перед собой
 Обломки раковин, вертя доской, как щепкой,
 И тут же все назад сгребает лапой цепкой.
 Вода шумит, бурлит, рокошет и ревет,
 Вал то поднимется, то снова упадет...
 Вот он растет еще и, как дракон ужасный,
 620 Становится горой огромной и опасной,
 На землю прыгает, как разъяренный лев,
 И оседает вдруг, как будто присмирив.
 Я на море смотрю в восторге, в изумленье,
 Но вскоре устают мой мозг, и слух, и зренье,
 И, как бы этот вид меня ни восхитил,
 В конце концов, увы, я остаюсь без сил.

Коль есть красивые места неподалеку,
 То пужно, чтоб они доступны были оку,
 Но лучше сделать так, чтоб глаз не целиком,
 630 Не сразу видел их: то тут, за уголком
 Беседки, моря синь покажется эмалью,
 То там расступятся кусты — и ясной далью,
 Открывшей кругозор, ваш поразится взгляд,
 А то сквозь сеть ветвей вдруг воды заблестят,
 И вы застынете, восхищены пейзажем.
 Но, к сожалению, печасто, прямо скажем,
 И вовсе не везде природа нам дарит
 Поблизости от нас такой прекрасный вид.

О, Греции поля, Авзонии долины!
 640 О, вдохновлявшие художников картины!
 Сколь многие из них, увидев сей пейзаж,
 В порыве пламенном хватали карандаш,
 Чтоб тут же набросать и берег прихотливый,
 И группу островов на синеве залива,
 Над городом вулкан курящийся, в дыму,
 Грозный пламенем и бедствием ему,
 И выросший опять над пеплом и над лавой,
 Как Феникс, новый град живой и величавый.
 В местах, которые Вергилий воспевал,
 650 Я, каюсь, до сих пор еще не побывал.
 Но, лирою его клянусь, что Аппенины
 Я вскоре посету, взойду на их вершины,
 Коснусь ногой следов Вергилия святых,
 Прочту его стихи там, где он создал их.

Однако, может быть, что скромное именье
 С подобной красотой не выдержит сравненья.
 Тогда убежище устройте для себя
 Так, чтобы жили вы, всегда его любя.
 Оставьте кое-где, как бы совсем случайно,
 660 Глухие уголки: в них есть оттенок тайны;
 Блаженство нам сулит такой заросший сад,
 А ожидание — блаженнее стократ.*

Кто сад свой роскошью ненужной наполняет,
 Тот, сам не ведая, природу обедняет.
 Сначала редкости нам нравятся, но вот,
 Минует моды срок, и время их пройдет.

* Последний стих имеется в прелестном послании г-на Сен-Ламбера. Он проскользнул в мою поэму как воспоминание.

Вертумп, да и Палес²¹ — их прокляли бы ныне.
 Льстит бесполезный блеск тщеславью и гордыне,
 Но здравый смысл сильней. Пока земля жива,
 670 Церера вступит вновь в законные права.
 Сажайте, чтоб потом собрать плоды могли вы,²²
 Пусть спеют яблоки, и персики, и сливы:
 Созрев, среди листвы они везде пестрят,
 Их яркие цвета преображают сад!
 Пусть зеленеет лук; пусть над щавельной грядкой
 Смородина глядит из-под листа украдкой,
 Сверкая, как рубин; и, соком налитой,
 Пусть сверху абрикос свисает золотой.
 Пусть, меж цветочных клумб в саду произрастая,
 680 Капуста даст кочан; пусть рядом с ней густая
 Моркови с брюквою кудрявится ботва. . .
 Мне критики в вину поставили сперва,
 Что я полезные растенья опускаю
 И божество полей тем самым оскорбляю.
 Искусство красит все! Уверен твердо я,
 Что мы, друзья садов, лесов и нив друзья,
 Хотим лишь одного: чтоб все уместно было,
 Чтоб мешанина смысл и вкус не оскорбила.

Любого вида сад хорош уж потому,
 690 Что соответствует владельцу своему.
 Остерегайтесь же бездумно ставить рядом
 Нарядность с простотой и будничность с парадом.
 Коль привлекательность и свежесть будут там, —
 Природа все сама расставит по местам,
 И все с естественной гармонией приладит.
 Советы я даю лишь вашей пользы ради.
 Нелепо одного держаться образца
 Для парка короля и сада мудреца!

Есть в городах сады публичные, в которых
 700 Все собираются на отдых. В разговорах,
 Прогулках, танцах там проводит время люд:
 Веселье делят так, как в будни делят труд.
 Там любопытному внимательному взгляду
 Нигде, ни в чем нельзя установить преграду:
 Он хочет видеть все и рядом, и вокруг:
 И шляпы всадников, и позументы слуг,
 Атлас и бархат дам в затейливых прическах,
 Кареты с золотом гербов на дверцах плоских;
 Весь этот праздничный, сверкающий парад
 710 И будоражит кровь, и услаждает взгляд,

И веселящимся смешливым парижанам
Ничто не кажется нелепым или странным.
Так некий сказочник, поклонник красоты,
Героев превратил в недвижимые цветы,
И стали короли, принцессы и вельможи
На розу, гиацинт и лилию похожи.
И здесь волшебный сад, но — сад иных чудес.
Здесь ожили цветы, пустился в танец лес;
Теснятся мак, парцисс, гвоздика с георгином
720 В порыве радостном, беспечном и едином;
Тут каждый — как цветок, и каждый весел тут.
Так Елисейские поля у нас цветут.

Весной, в погожий день, безоблачный и жаркий,
Гуляют лондонцы в своем любимом парке.
Там весел гордый бритт и воодушевленец,
И зритель, и актер одновременно он.
Давай же, муза, мы наш милый край оставим
И полетим в другой, чей образец прославим.
Воспой же Кенсингтон: ²³ ведь в нем превзойдены
730 Ленотра мастерство, сады моей страны,
Таланта нашего величие и сила.

С утра, едва взойдет на небеса светило
И звонкий птичий хор означает дня приход,
Толпою радостной весь лондонский народ
Бежит от черных труб, дымящих неустанно,
От будней городских, от зимнего тумана;
Который дупною и мрачной пеленой
Висит над крышами и застит свет дневной;
Уходят лондонцы, свои покинув норы,
740 На воздух, в Кенсингтон, в зеленые просторы.
Толпа крестьян глядит во все глаза на них.
Здесь мы увидим знать в одеждах дорогих,
Которыми она кичливо щеголяет
И бедных жителей деревни изумляет
И упряжью коней, и роскошью карет.
Тот, в бархат и шелка богато разодет,
Гарцует на коне породистом, горячем,
Как будто говорит: «Смотрите, как мы скачем!»
Тот в дрожках легоньких летит во весь опор,
750 И копы резвые, не знающие шпор,
Несут его стремглав и тонут в вихре пыли,
Как привидения, что в воздухе проплыли;
Толпа, все возрасты в себе соединив,
Растет и ширится, как утренний прилив;

- В ней движутся, теснясь, возки и экипажи,
На шляпах пышные качаются плюмажи,
Повсюду говор, шум, и толкотня, и смех,
Свет солнца и весна развеселили всех.
Вот стайкой пестрою нарядные девицы
760 Легко скользят, стремясь вперед других пробиться;
Вот мальчик, розовый и свежий, как бутон,
Он весь — сама весна, весною полон он,
Задорный, как Зефир, прелестный, как Аврора, —
С цветов не сводит он сияющего зора.
Вот статный юноша, румяный, полный сил,
А рядом с ним — больной: он долго мучим был
Недугом тягостным, но выздоровел все же;
Неверной поступью, свое покинув ложе,
Впервые вышел он на воздух погулять,
770 И бережно его поддерживает мать.
Вот старец немощный — он вышел на дорогу
Под теплым солнышком кровь отогреть немного.
Да, все сословия собрались нынче здесь.
Как, право, радостно смотреть на эту смесь!
Вот публики кумир, оратор знаменитый,
А вот известный всем, богатый, именитый
Почтенный деятель, высокородный лорд;
Ведет супругу он, невозмутим и горд,
Дочь, опустив глаза, шагает рядом с нею,
780 Под взглядами мужчин смущаясь и краснея,
Мать улыбается, успехом польщена,
Хоть знает, что ее краса побеждена.
Вот молодой отец с супругою счастливой,
Ребенка на руках он держит горделиво,
Шагая широко; за ним жена спешит
И сына, на ходу целуя, тормозит;
Тот отбивается и прячется упорно,
Отец глядит на них и хмурится притворно;
А вот влюбленные спешат укрыться с глаз
790 В тот самый уголок, где оба в первый раз
Решились, оробев от страсти и испуга,
Сказать: «Я вас люблю!», не глядя друг на друга:
Вот старые друзья идут гулять вдвоем,
Неспешный разговор ведя о том, о сем;
Вот взбалмошный нахал, в карете пролетая,
Кричит: «Поберегись!», все на пути сметая,
И вызывает смех его надменный вид. . .
Люд развлекается, хохочет и гудит,
Одни встречаются, другие расстаются,
800 Порой издалека приветствия несутся. . .
Но все же есть и здесь, среди прочих отличим

И видом, и лицом нерадостным своим,
Угрюмый человек. Кто он? Усталый странник?
Или тоскующий по родине изгнанник?
Вокруг него шумит смеющийся народ,
А он задумчиво и медленно идет,
В ликующей толпе чужой и одинокий,
И, вспомнив свой Лоншан,²⁴ вздох издает глубокий. . .]

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Пока на лире я песнь о садах бречал,
Беллопы грозный клич внезапно прозвучал,
И тут же, бросив дом, детей и жен, солдаты
Помчались, рвением воинственным объаты,
Прославить родину желанием горя,
Одoleвать врага за дальние моря.
Увел их грозный Марс из светлых рощ Венеры.

Но, боги мирные, не бойтесь новой эры!

Она нисколько вам не причинит вреда.

¹⁰ Нет, хочет Франция и вас призвать туда;

Ей нужно, чтобы вы и там, за океаном,¹

Содействовали в их стараниях крестьянам,

Чтоб в Пенсильвании спокойно фермер мог

Возделывать поля и жать посевы в срок.

О юные бойцы! Вам рукоплещут страны.

Отважно переплыв моря и океаны,

Вы доблестно с врагом сражались на войне.

Ждет победителей триумф в родной стране,

И встреча с близкими, и радость возвращения,

²⁰ А муза вам свое готовит угощенье.

Вас встретит родина журчаньем тихих вод,

Ждет сад хозяина и поле жадно ждет,

Вас жены юные прелестными руками

Любовно уберут цветами и венками

И будут, трепеща и не спуская глаз,

Впивать о странствиях и подвигах рассказ.

А мы вернемся вновь к тому, как земли наши

Усовершенствовать еще и сделать краше.

Давно ль у нас в садах повсюду был песок?

³⁰ Он скучен был для глаз и жесток был для ног,

Все голо было с ним, и сухо, и уныло. . .

И вот нас Англия однажды научила,

Как для земли создать наряд из мягких трав,

Зеленый их ковер повсюду разостлав.

Но травы требуют заботы постоянной.
 Прополки тщательной, поливки неустанной;
 Подстрижен должен быть, причесап, обновлен
 И нежно шелковист ухоженный газон.
 Но он хорош в местах, что примыкают тесно
 40 К жилищу вашему; а дальние — прелестны
 И так; не нужен им особенный уход,
 Их сочная трава стадам на корм пойдет.
 Там для коров и коз поистине раздолье.
 И пусть они себе пасутся на приволье,
 На тучных пастбищах жиреют в добрый час —
 Повеселел пейзаж, и польза есть для вас.
 А если у кого и вызовет досаду,
 Что телка или бык гуляет вдруг по саду,
 То вы и этого стесняться не должны;
 50 Быки полезны всем и музам не вредны.

[Запомните: ваш труд напрасен на газонах
 В засушливых местах, лучами обожженных:
 Утратят быстро цвет и выгорят они,
 А выжженный газон — он пустырю сродни.
 Когда у нас жара и солнце жжет нещадно,
 Становится порой и грустно, и досадно,
 Что мы не в Англии: как нежен воздух там
 И как легко расти и травам, и цветам!
 Питательных веществ в земле на все хватает,
 60 Что пынче скошено, назавтра подрастает,
 И даже в летний день нам закрывает даль
 Струящихся паров туманная вуаль.
 Быть может оттого природный англичанин
 ■ среди зеленых роц задумчив и печален.]

Наш климат не таков. Но в климате любом
 При небе пасмурном иль ярко-голубом
 Должны подумать мы, как наш ковер цветущий
 Расположить умней: где реже, где погуще
 Деревья посадить, как выстроить их в ряд.
 70 По мне, скучней всего окружность и квадрат.
 Давайте же газон свободно расположим:
 Сломав симметрию, мы красоту умножим.
 Пусть слева встанет лес и край его прямой
 На землю бросит тень зубчатую каймой,
 А редкие стволы сквозистой роци справа
 Пусть обведут его как светлая оправа.

Теперь вам лишь цветов в саду недостает.
 Они прекраснее всего, что нам дает

- Природа на земле; то — дар ее бесценный.
 80 Для всех искусств цветов — образчик неизменный.
 Любое торжество не может человек
 Устроить без цветов уже который век.
 К ногам возлюбленной кладет цветы влюбленный;
 Они — и дружбы знак, годами закрепленной;
 И наслажденье нам в счастливый час дарят,
 И облегчают боль в дни горя и утрат;
 У алтаря цветы благоухают в храме,
 Издревле празднества украшены цветами,
 Цветы венчают все великие дела,
 90 Их яркость нежная всем возрастам мила,
 В гирлянде, в вазе ли — они везде прелестны,
 А в зелени садов — тем более уместны.
 В наш век особенно привержены к цветам,
 И я им должное с охотою воздам.
 Я сам люблю цветы, но здесь не собираюсь
 Перечислять их все в отдельности, стараясь,
 Как страстный иногда любитель норовит,
 Их форму описать, и цвет, и общий вид,
 Лишь им присущие оттенки аромата. . .
 100 Да, по-иному все любили их когда-то,
 Чем любят многие свои цветы теперь.

Так житель Гарлема * один, закрывши дверь,
 Без сна и отдыха, по суткам, как влюбленный,
 Ждет с трепетом, когда распустятся бутоны;
 Он караулит сад, как падишах — гарем,
 Делиться красотой не хочет он ни с кем,
 Стараясь выведать соперников секреты,
 Готов не пожалеть любой цены за это,
 И, как скупец свой клад, бессменно, круглый год
 110 Изысканный тюльпан ревниво бережет.
 Цветы полей, не я один вас песней славил.
 Так радуйте же нас, не соблюдая правил!
 Не надо строить вам докучливых преград.
 Пускай луга, поля сияют и пестрят,
 Вы яркой лентою струитесь вдоль тропинки,
 Свисаете со стен, сверкаете в корзинке,
 Цветете радостно и пышно у воды
 И оживляете газоны и сады!

Но пусть Рапен ² вам все изобразит подробно.
 120 Я ж — розу опишу. Ты, роза, бесподобна!

* Гарлем — город в Голландии, где торговля цветами поставлена на широкую ногу. Известно, до какой экстравагантности доходят в этом деле любители редкостей и изысканных насаждений.

В садах Венеры ты царила и цвела,
 Гирлянды и венки Весна из роз плела.
 Была воспета ты самим Анакреоном,
 Гораций пировал в венце, из роз сплетенном,
 А твой волшебный сок, перегнанный в настой,
 В экстракт дурманяще-душистый и густой,
 Мог, каплей надушив большой дворец восточный,
 Десятилетиями хранить свой запах прочный.

- Так иногда и мы всю жизнь свою храним
 130 Воспоминание, не расставаясь с ним.
 Есть нимфа дивная, о коей трактовало
 Мое перо уже и ранее немало, —
 Разнообразие. Зовет меня она
 И мне велит менять и тему, и тона.
 Петь о цветах давно любили все поэты,
 И мне понравилось описывать букеты.
 Но скучно будет нам тянуть мотив один.
 Готова кисть моя и для иных картин.
 Взгляните вон туда! Там громоздятся скалы.
 140 Наука о садах их из садов изгнала,
 И лишь теперь, когда художник в руки взял
 Ее бразды, мы вновь узрели прелесть скал.
 Есть и у нас сады, устроенные смело,
 В которых мастерство использовать сумело
 Их дикую красу, — где высится их ряд.
 Попытки ж их создать успеха не сулят.
 Коль вместо истинной скалы стоит подделка,*
 То это выглядит и вычурно, и мелко,
 И даже там, где наш обманут будет глаз,
 150 Природа поглядит и не одобрит нас.

О Вейтли,³ за тобой я следую. Веди же
 В Мидлтон иль Даудейл ** — мне не известны ближе

* Как правило, невозможно искусственно воссоздать скалы, как и любые величественные эффекты природы. Искусству довлены подобные дерзания лишь в том случае, когда оно вооружено всеми ресурсами гения и изобилия. Именно так возникла по рисункам Робера великолепная скала в Версале: ее эффект можно предугадать лишь с помощью воображения, которое позволяет нам представить себе, какой она может стать впоследствии, увенчанная прекрасными деревьями и украшенная естественностью и очарованием, которые способны создать одно лишь время.

** Мидлтон и Даудейл — долины в Дербишире, известные живописными очертаниями цепочки скал, описанными Вейтли, знаменитым рисовальщиком, набросавшим эскизы английских парков. Я, как и Морель, заимствовал некоторые черты из его прелестного трактата о садах, как то: хижина и мост, повисший над пропастью. Но я попытался выразить на свой лад чувства, рождаемые этими устрашающими душу видами.

Такие дикие гористые места.
Их мрачная меня пленяет красота,
Повсюду черные зубцы вершин скалистых
В глубоких трещинах, в кривых провалах мглистых;
Торчат их острые и резкие углы,
А в вышине парят могучие орлы.
Там башнями встают суровые громады,
160 Там кажутся они подобием аркады,
А там — кусок скалы над пропастью повис,
Как будто он вот-вот, гремя, сорвется вниз;
То небо вдруг блеснет в мелькающих просветах,
То заблестят ручьи, сочась из льдин согретых. . .
Все романтично там: все возвышает дух. . .
Но все-таки угрюм такой ландшафт и сух,
И нужен чародей, который этим глыбам,
То в кучу сваленным, а то стоящим дыбом,
Придал бы новый вид, чтоб мрачный тон исчез.
170 Искусство — этот маг; его орудье — лес.

Оно велит — и лес тотчас оденет скалы;
Смягчатся линии; углов как не бывало,
И местность ожила, сама удивлена. . .
Теперь для зелени обдумайте тона.
Старайтесь сделать так, чтоб скалы выступали
Лишь кое-где: то здесь, то там, то чуть подале,
Чтоб черный камень их был зеленью прикрыт,
Но сохранил пейзаж свой необычный вид.
Есть много разных средств у вас в распоряженье;
180 Меняйте цвет и тон и их расположение,
Обвейте стены скал узорчатым плющом, —
И он укроет их как бархатным плащом.

А разве здесь, в горах, нет ни одной долины?
Ее земля вам даст прелестные картины:
Там свежая трава и множество цветов, —
И вот пленительный контраст уже готов,
Как будто созданный рукою чародея.
Да, можно восхищаться, такой землей владея!
Но ежели пейзаж наг, мрачен и суров,
190 Искусству следует соткать ему покров,
Хотя есть случаи, когда мы получаем
Эффект тем именно, что вовсе не смягчаем,
А нагнетаем в нем таинственность и жуть.
Так, если между скал отвесных протянуть
Качающийся мост иль наверху утеса
Построить хижину у самого откоса,
То будет выглядеть опасней глубина

И станет высота особенно страшна.

Да, может дрогнуть тут и человек неробкий.

200 Невольно взгляд его взберется вверх по тропке,
Он вспомнит всех, кто был лавиною снесен
Иль сам рванулся вниз, по чудом был спасен...
Легенды мрачные, что ходят средь народа
И в горных хижинах бытуют год от года, —
Рассказывают их по вечерам зимой, —
Еще страшней, когда вокруг все скрыто тьмой.
И сами вы, взглянув на гор нагроможденье,
Им вдруг поверите на краткое мгновенье.

Но непривычен нам и чужд такой пейзаж.

210 Как ни прекрасен он, милей нам все же наш.
Да, пики скал горды, ущелья величавы,
А нас влечет гуда, где шелковисты травы,
Где не займется дух от страшной высоты,
Где улыбаются лужайки и цветы,
Где радует нас лик приветливой природы
И где под сенью роц поют негромко воды.

О, скалы голые! Коль скромный мой урок
Помог украсить вас и тем пошел вам впрок,

220 Теперь, когда и вы в лесной наряд одеты,
Откройте мне свои подземные секреты!
Пусть речки, родники, каскады, гладь озер
Всю местность оживят, людской чаруя взор!
От века нас вода и радует, и манит.
В ней — жизнь: все без нее хиреет, чахнет, вянет,
Она поит луга, и нивы, и леса,
В ней отраженные сияют небеса.

Ах, если бы мой стих, звучащий вяло, сухо,
Как чистый звон ручья, приятен был для слуха,

230 Был нежен, как в листве шуршащий ветерок,
Прозрачен, как с горы струящийся поток!

О вы, кто по своей их направляет воле,
Взгляните, где и как они текли дотоле!

Не надо выпрямлять их прихотливый путь:
Ведь живописность им потом уж не вернуть!

И в самом деле, кто нам дал такое право
Стеснять их вольный бег, препятствовать их нраву,
Сжимать их мрамором тяжелых, твердых плит?

Недаром в них вода разгневанно бурлит!

Вы видели хоть раз дикарочку-пастушку,

240 Когда, едва дыша, из леса на опушку

В погоне за овдой вдруг выбежит она,
Юна, растрепана, наивна и вольна?
Полощет ветерок ее одежды складки,
И волосы летят за нею в беспорядке;
С кнутом в руке, смеясь, она бежит стремглав,
Не видя пред собой ни кочек, ни канав...
Все в ней пленяет нас естественностью милой,
Небрежной грацией, и свежестью, и силой...
А помести ее в роскошнейший сераль,
250 Увянет свежесть в ней, ее сомнет печаль.
Не станем же стеснять красу живой природы,
А, покорив ее, украсим наши воды.

Морель,⁴ который был красноречив весьма,
Умел живописать, как хороша сама
Природа без прикрас. Но мне по вкусу — каюсь! —
Фонтаны, где вода, искрясь, переливаясь,
Взлетает вверх тугой алмазною струей
И, пенясь, падает в бассейн округлый свой.
Да, тот, кто создал все великолепье это,
260 Любуясь дивною игрой воды и света,
Им может с гордостью: «Я ваш творец!» сказать,
Но эти чудеса не всякому подстать.
Им место — во дворцах, где властвуют вельможи,
Простым же смертным в том им подражать негоже.
Ведь крохотный фонтан, который на вершок
Поднявшись, тут же сник, — и жалок и убог.
Фонтаны — волшебство! И это впечатленье
Должны усиливать красоты обрамленья,
Как будто фея здесь, летая невзначай,
270 Волшебной палочкой околдовала край.

Таков Сен-Клу⁵ с его сиянием и блеском.
Там все наполнено журчаньем, звоном, плеском.
От водяной пыльцы трава как изумруд,
Там птицы то поют, то сладостно замрут,
И лес, живительною влагой окропленный,
Весь дышит, трепеща листвою ярко-зеленой.
Но не всегда нужны и роскошь, и парад:
Обычный сельский вид украсит водопад.
Он восхитителен вблизи и издалёка
280 И даже там, где он недостижим для ока,
Немолчным пением все радует вокруг
И оживляет лес, поля, холмы, и луг.
Бесспорно, нелегко устройство водопада,
Но красота его — строителю награда.
А чтобы был красив, могуч, естествен он,

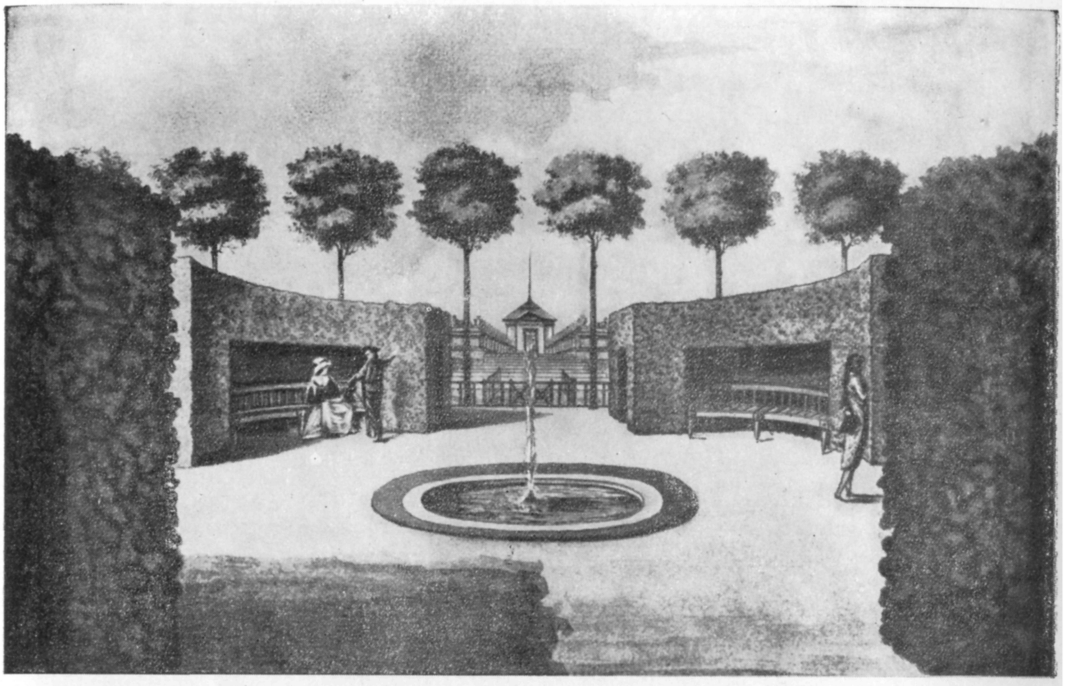
То нрав самой воды здесь должен быть учтен.
Хотите видеть вы бурление и кипенье —
Не стройте равные, пологие ступени:
Уныло, медленно с них воды потекут,
290 И втуне пропадут старания и труд.
Но, впрочем, разные бывают водопады,
На разный вкус для них и делают преграды:
Тем нужно, чтобы он свергался с высоты
В ущелье узкое и бурно под мосты
Тек, яростно рыча; другим — иное надо:
Чтоб плоская струя стеклянного каскада
Стекала в озеро бесшумною рекой,
Не возмущив его мечтательный покой,
И, словно зеркало, оттенками богата,
300 Играла красками янтарного заката,
Когда вечерний луч румяно-золотой
Как бы прощается с дневною красотой.
Решайте же, чего хотите вы добиться,
И, вам покорные, потоки будут литься,
Как вы прикажете. Но всюду и всегда
Картины дивные нам создает вода.
Кто не испытывал неволью их влиянье?
Одни внушают грусть, другие — ликованье.
Посмотришь, как бежит щебечущий ручей, —
310 И станет на душе и легче, и вольней,
А голубой реки медлительные волны
Уймут смятение души, печали полной.

В божественной красе Венеры, говорят,
Был притягательней всего ее наряд —
Полупрозрачного тумана покрывало:
Оно надежду, страх и пыл подогревало;
А одеяние Кибелы — прелесть вод.
Разнообразие — источник их красот.
Я как никто другой их власть и силу знаю:
320 Вода сейчас одна, а через миг — иная,
И тем она еще прекрасней каждый миг.
Я эту истину уже давно постиг.

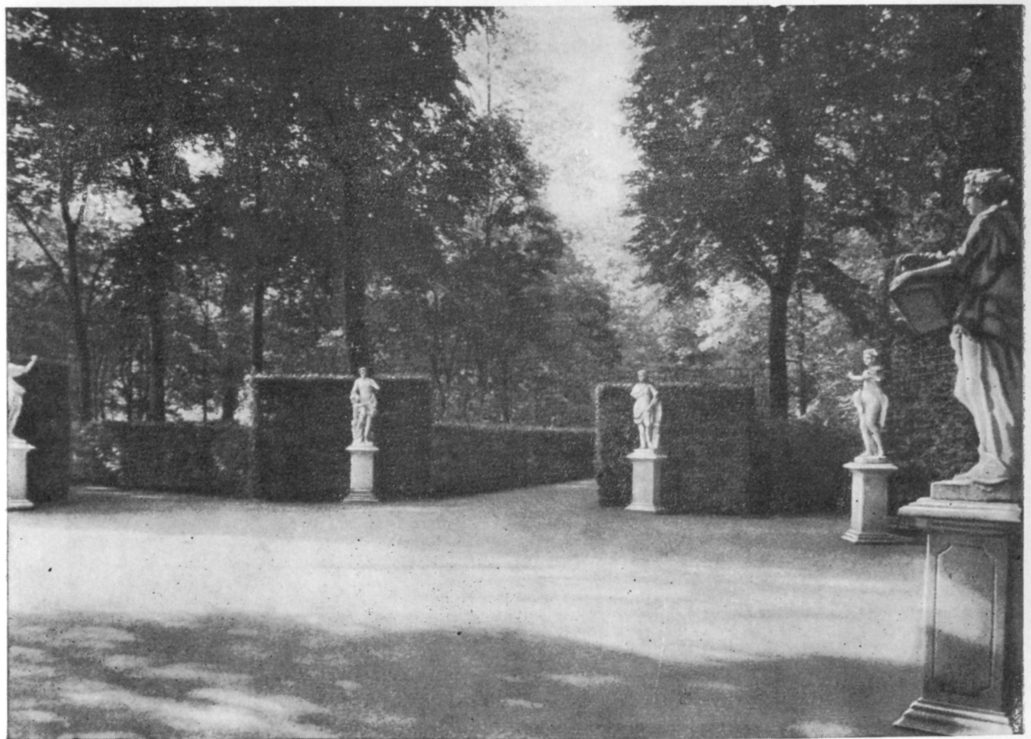
Как много раз к концу мучительно бессонной
И тяжелой ночи я, усталый, истомленный,
Под утро выходил из дома на часок
И слышал ручейка беспечный голосок.
Я тотчас шел к нему. Его журчанье, пенье,
Сверканье резвых волн, их быстрое движенье
Лечили душу мне, как сладостный бальзам,
330 И радовался я, чему — не зная сам,

А мысли мрачные вдруг таяли, как тучи. . .
 Нас исцеляет звук и вид струи текущей.
 Так пусть же мастерство к капризному ручью
 Приложит трезвую обдуманность свою.
 Наивность сохранив в его веселом праве
 И только кое-где его чуть-чуть исправя.
 На плоской местности теряется ручей,
 Среди телистых кущ — бежит куда бойчей.
 Он любит течь в лесах: вот там, меж пней и кочек,
 340 Резвится, вьется он, бежит, куда захочет,
 То вдруг рассердится, на камень налетев,
 То, успокоившись, струится меж дерев,
 То скроется в траве кустистой и высокой,
 То станет озерцом и обрастет осокой.
 То слышен явственно, то незаметен он,
 То виден, но молчит, как будто бы смущен;
 Там обнимает он ряд островков цветущих.
 Там вдруг разделится на две струи, текущих
 Отдельно каждая, но наперегонки, —
 350 И, вновь соединясь в подобие реки,
 Они сливаются и с радостною песней
 Бегут, довольные, и став еще прелестней.
 Нет, мне не описать различия ручьев:
 Любой из них всегда неповторим и нов.

Теперь меня к себе зовет река большая.
 Просторные поля, равнины орошая,
 Она широкою, как скатерть, полосой
 Течет, как бы гордясь спокойною красой.
 В отличие от ручья, круглы ее изгибы,
 360 И проследить их путь мы далеко могли бы,
 Но, как под сень лесов скрываются ручьи,
 Так любит и река два берега свои
 То ивой оживить, задумчиво склоненной,
 То корни тополя омыть водой студеной.
 Какое множество возможностей дает
 Соседство близкое деревьев, трав и вод!
 Нам нравится смотреть, как грустно и красиво
 Склонясь к воде в волнах купает ветви ива,
 Иль, как через поток соединясь, плетет
 370 Высокая лоза сплошной узорный свод,
 И в зелени воды, сквозь заросли густые
 Сверкают проблески и блики золотые.
 Река, питая их, деревья молодит,
 Они же придают ей живописный вид,
 И в этом дружеском и радостном обмене
 Рождается пейзаж, ласкающий нам зренье

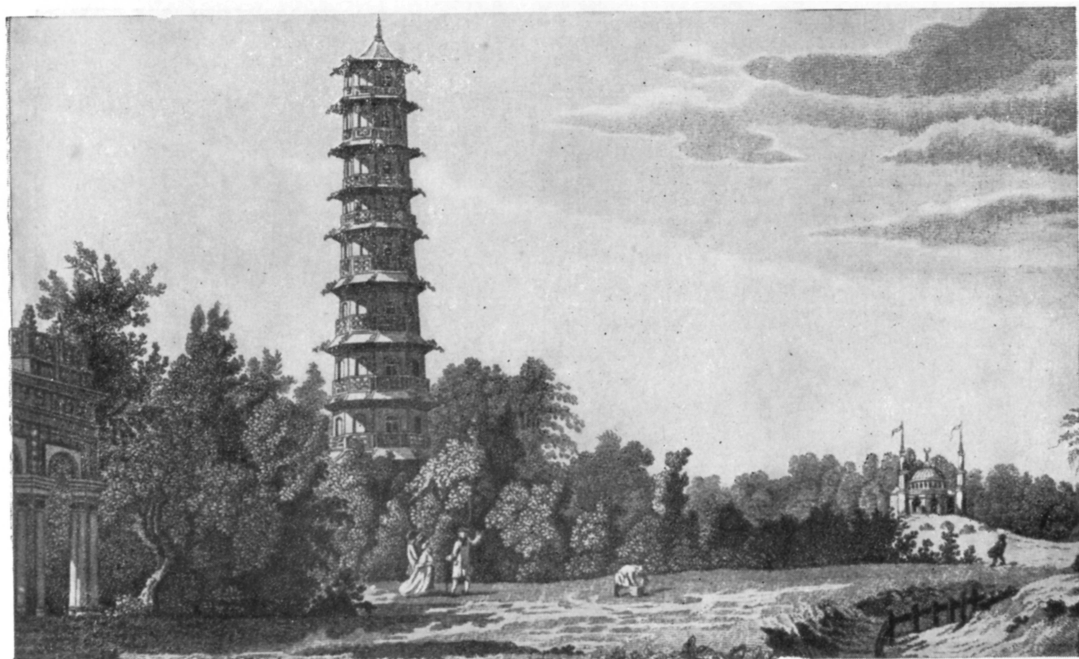
8. Шантильи. Круглая площадка в саду. Акварель Делagarдета.

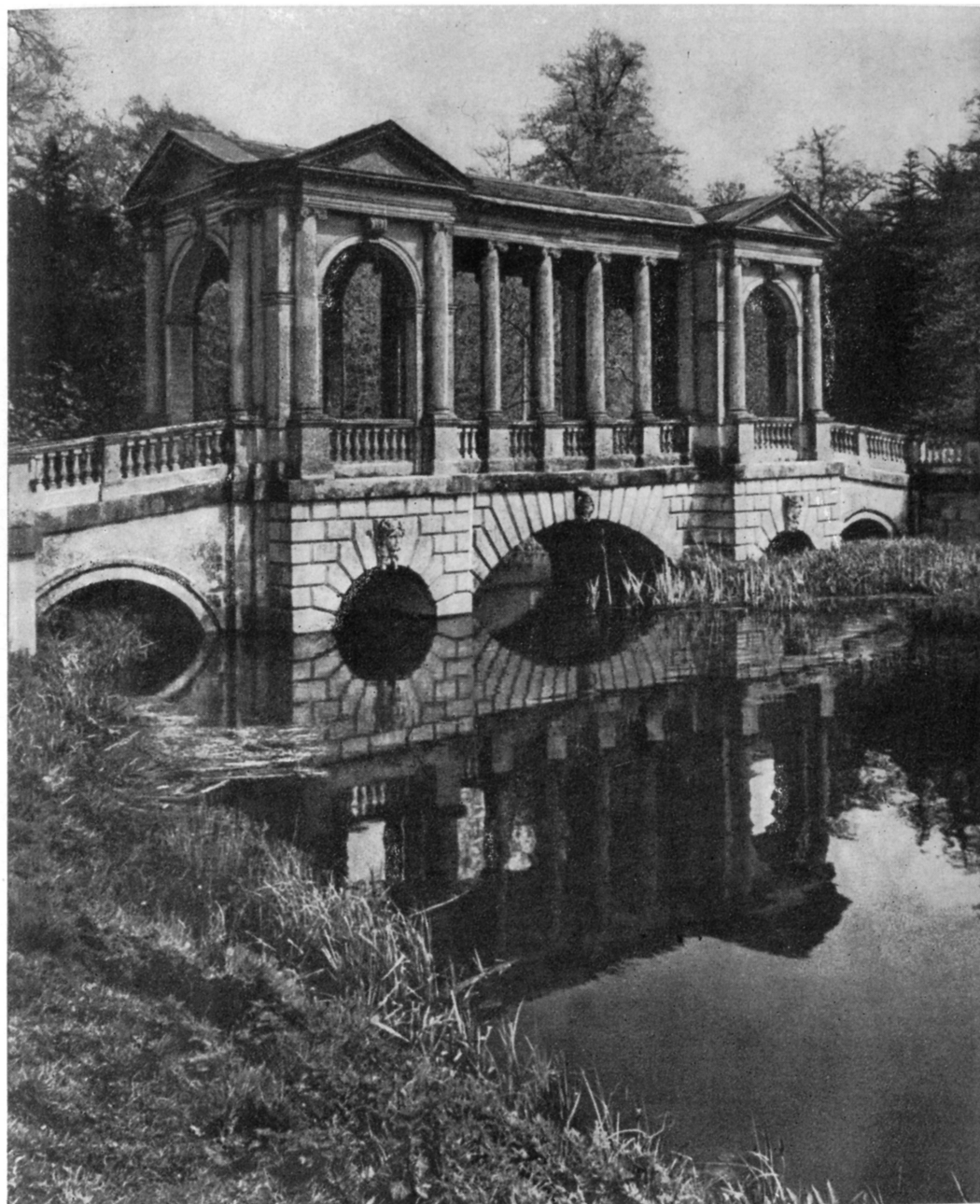
9. Потсдам. Сан-Суси. Площадка муз.

10. Бленем. Замок герцога Мальборо.

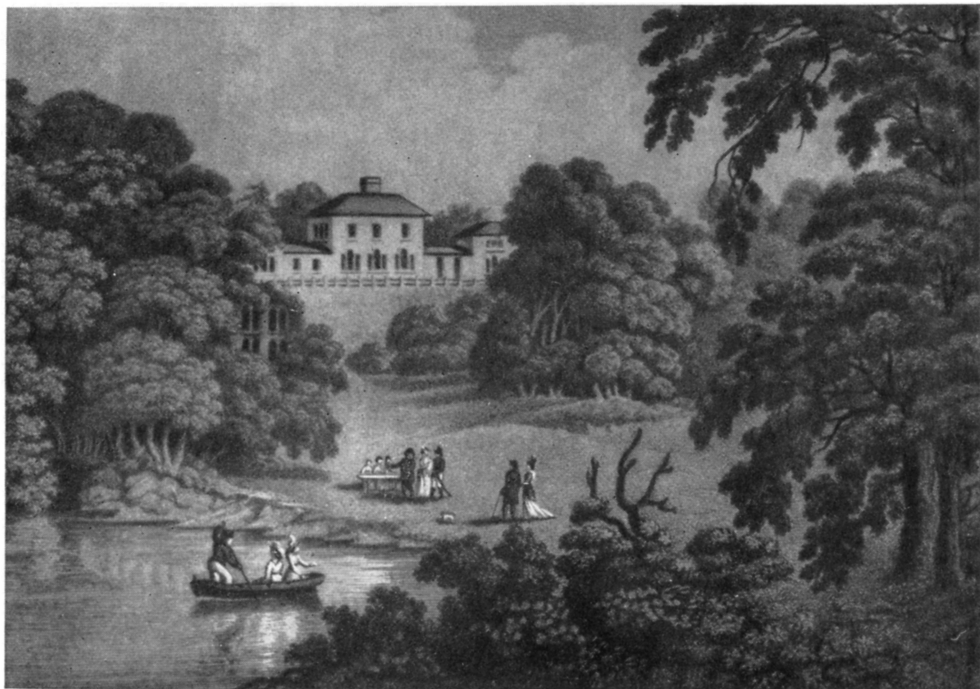
11. Кью. Вид на пагоду, Альгамбру и мечеть.

12. Стоу. Палладиев мост.

13. Стоу. Елисейские поля.

14. Лизаус. Имение поэта У. Шенстона.

И построением, и сочностью письма.
 Природа создает его без нас, сама.
 Все гармонично в нем, и это сердцу люблю.
 380 Не трогайте ж его, не нарушайте грубо!
 Испортит красоту любая из прикрас!

О, дорогой Ватле! * Я вспоминаю вас
 И тихий ваш уют, философа жилище,⁶
 Где ваша жизнь течет скромней, свободней, чище
 Кристальных Сены струй, когда они тайком
 Заполнили канал, что обогнул ваш дом.
 Канал весь затенен цветущими кустами,
 Он тих, нетороплив, задумчив, как вы сами.
 Такой же и ваш вкус в манере строить сад.
 390 Невежды в наши дни подобный вкус не чтят:
 Благоговейное к природе отношенье,
 Как к чистой деве, что не любит украшения,
 Но целомудренно стыдится наготы,
 Не в моде — не хотят старинной простоты.
 Коль испокон веков тут мельница стояла
 И думы тихие о прошлом навевала, —
 Долой ее! Убрать лязг старых жерновов!
 Не нравится изгиб зеленых берегов —
 Что ж! Их безжалостно и грубо выпрямляют,
 400 В оковы жесткие из камня обрамляют...
 Но вянет без воды густая мурава,
 А лозы прежние утратили права
 И чахнут, лишены необходимой влаги...
 Кусты ж найдут уют лишь поодаль, в овраге...
 Постойте, варвары! Умерьте злобный пыл!
 Не лучше ль сохранить пейзаж, каким он был?
 Леса, луга, река, — о, как я вам желаю,
 Чтоб сохранилась здесь естественность былая,
 Которую всегда я с жаром воспевал
 410 В своих стихах, хоть им я и не жду похвал,
 Чтобы владелец ваш любил ее такую
 И без тревог жила душа его в покое!
 [Порой, коль режет глаз уродливый изъян,
 Пусть выправят его. Пусть даже будет дан
 Реке другой изгиб, пусть берег он изменит!
 Но нужен верный глаз, который все оценит
 И, новым линиям придав красивый вид,
 Лицо живой реки при этом сохранит.

* Клод-Арни Ватле, главный сборщик податей, родился в Париже в 1718 г.; один из сорока членов Французской Академии, член многих иностранных академий, он умер в Париже 13 февраля 1785 г.

- Образчик созданной искусными руками
 420 Картины, словно бы не тронутой веками, —
 Пленительный Отленд,* владение четы
 Тех йоркских герцогов, где дивной красоты
 Дворец и старый парк с редчайшими цветами,
 Просторами лугов, пещерой, — здесь пред нами
 Открыл свои дары весь сказочный восток;
 Всего ж прекраснее искусственный проток.
 Там создана река в изгибах прихотливых,
 Прелестная везде, на всех своих извилах.
 Из Темзы там она, вся в зелени, течет,
 430 И восхищенный взор теряет ленту вод.
 Вдали, где все уже скрывается в тумане,
 Воздвигнут легкий мост, чей круглый контур манит
 Как купол призрачный, как тающий мираж,
 И в дымке марева взгляд утопает ваш;
 Вам видятся холмы, и рощи, и долины,
 И четкий горизонт с каймою леса длинной. . .
 Искусства власть сильна! Художник-чародей
 Умеет восхитить — и обмануть людей.
 Играя красками, владея перспективой,
 440 Он может с помощью работы кропотливой,
 Все видоизменить: приблизить к вам одно,
 Другое отдалить иль скрыть ему дано,
 Смягчить все линии, скруглить углы и даже
 Заставить видеть то, чего и нет в пейзаже.]

- Река, как правило, углов не признает,
 Ей резкий и крутой не свойствен поворот.
 А шири озера — и бухты, и лагуны,
 Неровность берегов и легкие буруны
 Вокруг больших камней иль там, где берег крут,
 450 Неповторимую причудливость дают.
 И углубления, и выступы, и складки
 С озерною водой как бы играют в прятки,
 А если ветерок волну поднимет вдруг,
 Они сплетаются, как пальцы нежных рук.
 В озерах хороши их гладь и протяженность;
 Но утомительна любая монотонность,
 И, чтоб могли глаза немного отдохнуть,
 Они должны вдали увидеть что-нибудь.
 Прекрасно, если есть над берегом строенье,
 460 Что тихо смотрится в свое же отраженье;
 Сам берег следует повисить кое-где:

* Отленд — замок в окрестностях Ричмонда и резиденция их высочеств герцога и герцогини Йоркских.

Там пусть песчаный склон спускается к воде
 И пусть колышется над ним лесок высокий;
 Где низок берег — там пусть заросли осоки
 В укромной бухточке с кувшинками растут —
 Сей уголок тенист и в нем царит уют;
 Пусть часть воды от нас уступ иль холм скрывает:
 Воображение невольно наделяет
 То, что не видно нам, особой красотой;
 470 Нередко, следуя за собственной мечтой,
 Мы украшаем все, как сами пожелаем,
 Хоть от реальности далеко улетаем.
 [Так изощренный вкус, хитро составив свод
 Воображаемых и видимых красот,
 Порою может нам доставить наслажденье,
 На помощь наше же призвав воображенье.

Хотите, чтобы сад пленял и привлекал?
 Все водоемы суть подобия зеркал.
 В них отражается игра лучей и тени,
 480 Сияние небес, ветвей переплетенье,
 Склонивших кружево над чешуей волны,
 Заката зарево и бледный свет луны. . .]
 В любой сезон и час, днем пасмурным и ясным
 Пруд, озеро, река вид делают прекрасным.
 Используйте же их! Они обогатят
 Гармонией, душой, поэзией ваш сад!

Теперь, когда лишь все искусственное модно,
 Для модников моя система непригодна,
 А я в моем простом, естественном саду,
 490 Свободой дыша, простую жизнь веду.
 Лужайки у меня раскинулись привольно;
 Деревья разрослись — от ножниц им не больно;
 Угольников цветы не видели мои,
 Кустарники — щипцов; игривые ручьи
 Текут, куда хотят: то влево, то направо.
 Природа здесь царит, щедро и величала!

Добавлю, что само наличие воды
 Нам недостаточно, пока мертвы пруды.
 Нельзя, чтоб гладь озер пустынная дремала.
 500 А оживить ее есть способов немало.
 Во-первых, лодочек флотилию пустить:
 Как весело за их движением следить,
 Когда невелика поверхность вод; когда же
 Просторно озеро, то там возможно даже
 Открыть движение для небольших судов:

Красив и смел полет их белых парусов,
 Когда их ветерок упруго наполняет
 И, словно стаю птиц, по водам подгоняет.
 Бассейны, во-вторых, вы оживить могли б,
 510 В их волнах разведя разнообразных рыб:
 Пусть плавают, резвясь, плодясь и подрастая.
 Коль часто их кормить, то к берегу их стая
 Привыкнет подплывать, услышав голос ваш.
 И — птицы, наконец! Вот кто внесет в пейзаж
 Движенье, гомон, жизнь! Позвольте всякой птице,
 Что плавает, у вас на берегах гнездиться!
 Разнообразны их повадки, голоса
 И оперение, но лучше всех — краса,
 Царь плавающих птиц, медлительно спокойный
 520 Прекрасный лебедь: он, своею шеей стройной
 Покачивая чуть, плывет по глади вод,
 Как царственный фрегат, свой возглавляя флот.

А если родника, реки, ручья названье
 Упоминается в каком-нибудь сказанье,
 С легендой связано иль с чьей-нибудь судьбой, —
 Неважно, то была любовь иль жаркий бой,
 История иль миф, — оно уже отныне
 Прославлено навек; оно уже — святыня.
 Воспоминаньями овеяно оно
 530 И в некий ореол для нас заключено.
 Кто без волнения увидит Аретузу? ⁷
 Кто не поклонится Алфею иль Воклюзу? ⁸
 Воклюз! Как может быть тобою не пленен
 Поэт, да и любой, кто молод и влюблен!

Воклюз, кольцом вершин, как цепью, окруженный,
 В чьих недрах издавна струился потаенный
 Поток, что столь же чист, как на вершинах лед;
 Из трещины в скале он вылился под свод
 Пещеры каменной, таинственной и мрачной.
 540 Теперь — источник он, холодный и прозрачный,
 Хозяйкой-нимфой от посторонних глаз
 Укрытый в полумрак, как сказочный алмаз.
 Как я любил его теченьем любоваться!
 То в тихом озере пещерном оставаться
 Он был готов, то вдруг, заценившись, вскипев,
 Он бурно изливал волны нежданный гнев
 И, выплеснувшись вон, каскадами по скалам
 Бежал в долину, вниз, где — словно бы устал он —
 Смирался и, блестя небес голубизной,
 550 Поил и украшал Воклюза рай земной.

Но больше всех красот долины этой яркой
Меня волнует то, что связано с Петраркой.
У этой вот реки, — я говорю себе, —
Божественный поэт пел о своей судьбе.
Он о Лауре пел с любовью и томленьем,
И медлил светлый день расстаться с дивным пенъем.
Быть может, на одной из этих диких скал
Он имя нежное любимой начертал,
А рядом — вензель свой, с ее переплетенный...
560 Вот грот. Не довелось ли в нем чете влюбленной
Изведать счастья миг? Я эхо вопрошал,
И голос эха мне «Лаура!» отвечал.
Их тени я искал повсюду. Труд напрасный!
Но как мне дорог был тот уголок прекрасный!
[Коль вам принадлежат места, где раньше жил
Великий человек — вас жребий одарил
Сокровищем! Вы так и обращайтесь с ними,
Чтоб вспоминали все прославленное имя.

И кто хоть чем-нибудь изменит прежний вид —
570 Кошунственной рукой святыню осквернит,
Нарушит мертвого покой в его могиле.
Тут ново только то, что годы изменили;
Здесь ценно все — любой осколок иль изъян.
Останкам прошлого не наносите ран!
Оставьте стены, сад, руины — все как было:
Ведь зелень, что медаль античную покрыла,
Не станет очищать хороший нумизмат.

Подобен ей Туикнем,* большой старинный сад,
Что создал Поп. Вот где любовно, осторожно
580 Оберегают все, что оберечь возможно!
С каким восторгом я бродил меж старых лип!
Дух Попа там царил, хоть сад купил Миндип.⁹
Любая мелочь мне внушала умиление.
Прославленный поэт в минуты вдохновенья
Об Элоизе здесь печально слезы лил.¹⁰
Здесь возникал пред ним воинственный Ахилл,
И мудрый Одиссей, и нежно пела лира
О женском локоне и о законах мира.¹¹
Вот спальня — как была. Я узнаю альков.
590 Здесь отдыхал поэт, усталый от трудов.

* Туикнем — деревня, расположенная в трех лье от Лондона на берегу Темзы: и ныне там можно видеть дом и сад, принадлежавшие Попу, которые он приобрел на деньги, полученные за перевод Гомера. Это владение, прославленное благодаря Попу, перешло к лорду Клеру, печально известному своими вымогательствами в Индии в своем плачевном концом.

Вот тихий уголок в саду. Не раз бывало
 Ему мелодии тут Муза напевала.
 А вот могильный холм. Как часто, недвижим,
 Вздыхал печальный сын о матери пред ним.
 Кусты, деревья здесь особенно ветвисты,
 Дыханием цветов насыщен воздух мгlistый;
 В последние свои перед кончиной дни
 Поэт любил сидеть в их сладостной тени,
 И умер он вблизи от дорогой могилы,
 600 Последний бросив взор на камень, средцу милый.
 О, ива славная, посаженная им!
 Твой ствол согнувшийся, пока еще храним
 Суровым временем, хоть ветки вниз клонятся. . .
 Погибнешь ты, увы! Стихи же — сохранятся.
 Но ты утешься: тот, кто над родной рекой
 Впервые посадил тебя своей рукой.
 Впервые же для нас и возродил Гомера.
 В садах, в стихах — во всем неоценима мера
 Его заслуг. Теперь плывущий в челноке, —
 610 Едва почтенный ствол увидит на реке, —
 Поднимет весла вверх и глаз не отрывает,
 Когда уже вперед далеко проплывает.
 Мне легче: тайною любовью одержим,
 Я здесь живу, чтоб быть все время рядом с ним.
 Не только сад меня и память тут пленяет —
 Нас с Попом многое в судьбе объединяет:
 Гомера красоту он воссоздать сумел,
 Я — за Вергилием пуститься в путь посмел.
 Я, как и он, люблю свое уединенье,
 620 Безлюдные леса, и тень, и птичье пенье,
 И в рощах, где бродил он с Музою своей,
 Мне голос чудится прекрасный средь ветвей.
 Заглядывая в грот, устроенный поэтом,
 Надеюсь я, что там, где смешан мрак со светом
 И полн поэзии таинственный уют,
 Достойные его стихи ко мне придут.
 О, поддержи мою застенчивую Музу!
 Ведь лишь благодаря духовному союзу
 С тобой, кого всегда считал за образец,
 630 Вниманье я обрел чувствительных сердец.
 Я подношу тебе с любовью и мольбою
 Мои цветы: они посеяны тобою!]

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Нет, страсть мою к полям ничем не остудить!
И кто бы за нее рискнул меня судить?
Вергилий и Гомер средь яростных баталий
И множество красот природы описали.
Гомер нарисовал неистовых коней,
И рать архейскую, и тучи стрел над ней,
И юношеский гнев бесстрашного Ахилла,
И бой, в котором кровь равнину обагрила,
И стены, что крушил трезубцем сам Нептун.
¹⁰ Но он порой любил смирять звучанье струн
И лучеразные живописать картины,
Где плодородные зеленые долины
Питают тучные обильные стада, —
Картины мирного довольства и труда.
Певец! Охотно я оставлю за тобою
Героев древности с их славною судьбою!
Наука о садах — вот мирный мой удел,
И нечто, кажется, я сделать в ней сумел.
Покрыли землю сплошь теперь в садах газоны,
²⁰ И Флора щедрая на их ковер зеленый
Рассыпала цветы. Вершины скудных гор
Короной из ветвей украсил пышный бор.

Но, чтоб богатствами такими насладиться,
Над доступами к ним вам нужно потрудиться,
Разумно проторить удобные пути,
Где, не топча траву, могли бы мы пройти
К пестреющим лугам, к сплетающимся кронам,
К твореньям скульпторов и стройным павильонам.
Дорожки, тропки нас к пейзажам поведут,
³⁰ Что втуне, до поры невидимые, ждут;
Но намечать их план нельзя, не кончив сада,
А будет сад готов, — подскажет сам, где надо
Их проложить, дабы они туда веди,
Где спрятаны дары ухоженной земли,

Где лучшим образом откроются красоты —
 Плоды трудов, любви, и вкуса, и заботы.
 Закладывая сад, подумайте о том,
 Что чужеземец-гость вдруг посетит ваш дом
 И вы покажете ему владенья ваши,
 40 Стремясь представить то, что необычной. краше;
 Все и порадует его, и удивит:
 Внезапность перемен, за видом — новый вид —
 И гость уйдет от вас душою обогретым.
 Пусть будет сад живым хозяина портретом!

Чтоб этого достичь, старайтесь избегать
 Шаблонных образцов! Нам хочет навязать
 Их мода, и теперь повсюду их засилье.
 Сады Италии однажды нас пленили
 Своей симметрией и пышностью. С тех пор
 50 Усвоил этот стиль наш королевский двор,
 А вслед за ним — и все. Линейкой без пощады
 Все было спрямлено. Аллеи — как аркады,
 Деревья — как полки подстриженных солдат —
 Безмолвно ровными шеренгами стоят.
 Такая красота слепит и поражает,
 Но наших склонностей отнюдь не отражает.

А время новое — и вкус несет иной.
 Идеи Англии к нам хлынули волной
 И утвердили власть кривых, волнистых линий.
 60 В почете лишь зигзаг, спираль и круг отныне.
 Теперь, когда в такой ты попадаешь сад,
 То, в нем запутавшись, поймешь — и сам не рад! —
 Что ты уже устал, блужданья надоели,
 А чем виднее цель — тем дальше ты от цели!
 Бегите крайности! Срок моды невелик!
 Как должен каждый сад иметь особый лик,
 Так и дорожки в нем пусть вьются, как вам надо.
 Одна бежит к ручью, и в том для вас отрада,
 Другая — к статуе прекрасной приведет,
 70 К беседке иль скамье; но каждый поворот
 Не прихотью слепой быть должен продиктован,
 А ясным замыслом того, кем сад основан,
 Так, чтобы на пути встречался всякий раз
 Какой-нибудь сюрприз, ошеломляя вас.
 Но прихотливые изгибы, повороты
 Не утомлять должны, не отбивать охоты
 По множеству витков вышагивать спираль, —
 А отдых дать душе, вам открывая даль.
 Природа и сама подскажет вам порою

- 80 Рельефом местности — оврагом иль горою.
 Удобно провести дорогу иногда
 Там, где идущие на пастбище стада,
 Ведомые чутьем, невольно выбирают
 Кратчайший путь; по ней пастушки пробегают,
 Спеша к себе домой, как будто невзначай, —
 И ты, им следуя, дорогу намечай.
 А коль она длинна или трудна преграда,
 То нужно, чтоб в конце тебя ждала награда.
 Коль красоты достичь стоит пред вами цель, —
 90 Великих авторов примите за модель.

- Онп, чуть отклонясь от линии сюжета,
 Вас новой радостью вознаградят за это.
 Вставной и словно бы ненужный эпизод
 Своею прелестью в восторг вас приведет,
 И вы, на миг забыв вам дорогих героев,
 Потом вернетесь к ним, внимание утроив.
 Вам дружбой жертвенной ужели Нис¹ не мил?
 Вас Андрوماхи плач ужель не умилил?
 Вот так же и тропа, загнувшись вдруг подковой,
 100 Откроет вам пейзаж негаданный и новый,
 Мгновение назад не видный за холмом, —
 И, не досадуя, пойдете вы кругом,
 Поняв, что лишний путь — не труд и не помеха,
 Коль вас пещера ждет, где вам ответит эхо,
 Где свежесть влажная, и тень, и тишина;
 За нею — синяя гладь озера видна,
 А дальше — новый вид, широкий и просторный:
 Бескрайние луга и рощ шатер узорный. . .
 В мерцающей дали теряется ваш взгляд,
 110 Доносит ветер трав медвяный аромат. . .
 Вы восклицаете: «И это мне не снится?
 О, как здесь хорошо! Куда еще стремиться?»
 Но тропка вас ведет все дальше. . . Поворот —
 И поражает вас внезапный переход
 От радостных картин — к печали и покою,
 И меланхолии, окрашенной тоскою
 По прошлому, любви, беспечным юным дням,
 По хрупкости того, что было мило вам.

- Здесь забываешься невольно в размышленьях
 120 О прожитых годах, о целях, о стремленьях,
 О времени пустых волнений и тревог;
 Пытаешься подвести свой жизненный итог,
 Всплакнешь о светлых днях, столь быстро промелькнувших,
 С улыбкою вздохнешь о горестях минувших.

Средь садоводов есть — увы! — немало тех,
 Кто думает, что сад — лишь место для утех,
 Всего, что может грусть навеять, избегает,
 Деревья и кусты нарядно подстригает;
 Там он изобразит гирлянду, там — фэстон,
 130 Амуру, Флоре храм среди них воздвигнет он.
 Но приедаются, как сладости, забавы,
 И, заскучав от них, вы, несомненно, правы.
 Дерзайте, думайте! Но — помня, что контраст
 Ландшафту живость, мысль, оригинальность даст!

Вглядитесь: в чем секрет бессмертного Пуссена? *
 Он пишет пастухов; вот праздничная сцена,
 Где, взявшись за руки, кружится хоровод,
 А тут же, рядом с ним, могильный холм встает.
 Он, жизнь изобразив и смерть одновременно,
 140 Напоминает вам о том, что счастье бренно,
 И вот, любуясь тем, как юность хороша,
 Печалью легкою смягчается душа,
 Когда читаете вы надпись, где навечно
 Стоит: «И я жила в Аркадии беспечно». ²
 О, как Пуссен был прав, когда соединил
 С весельем праздников торжественность могил!
 Нет в жизни радостей без горестной изнанки.
 И там, где издавна покоятся останки
 Вам дорогих людей, пусть памятник стоит.
 150 Не бойтесь, что другим веселье он смутит.
 Растите же в местах, которые свящённы,
 Деревья, что зимой и летом неизменны:

* Это знаменитое полотно, без сомнения, самая прекрасная из пейзажных картин. Если бы мы не знали из других источников, насколько воображение Пуссена питалось произведениями великих древних поэтов, эта картина была бы достаточным тому подтверждением. Почти всем сладострастным одам Горация присущ тот же характер: всюду среди празднеств и наслаждений он показывает нам в отдалении смерть. «Спешите, — молвит он, — кто знает, будем ли мы живы завтра? Мы умрем, придется покинуть этот прекрасный дом, эту прекрасную жемчужину, и из всех возвращенных вами деревьев один лишь кипарис последует за своим хозяином — увы! — столь недолговечным». Все та же философия, почерпнутая у поэтов древности, продиктовала Шолье строки, исполненные мягкой грусти:

О, Музы, в дивном месте этом
 Вы привлекли меня к перу;
 В сени дерев я стал поэтом,
 Под их же сенью и умру.

Такие контрасты ощущений, наполовину сладостных, наполовину грустных, волнующих душу противоречивыми чувствами, всегда производят глубокое впечатление. Это и заставило меня поместить среди жизнерадостных сцен в садах меланхолические образы урн и могил, увековечивших дружбу и добродетель.

Тис, темная сосна и строгий кипарис
 Пусть караул несут, печально глядя вниз.
 Чувствительной душе они друзьями станут.
 Зеленый лавр и мирт — ведь и они не вянут —
 Для славы и любви назначены. И пусть
 Лишь кипарис хранит воспоминаний грусть.
 Но здесь опасна фальшь. Придумывать не надо
 160 Печали уголки для украшения сада.³
 Кошунствен монумент иль урна — символ слез, —
 Коль похоронен там ваш попугай иль пес!

А если близких нет, что спят в родной могиле, —
 Оставьте место тем, кто век свой посвятили
 Тяжелому труду на вашей борозде
 И прожили всю жизнь в лишениях и нужде.*
 Пусть мир вкушают тут неизвестные потомки
 Тех, кто не ведал битв прославленных и громких;
 Побед на их плите могильной не сочтут;
 170 Уделом их всегда был неустанный труд,
 И скажут лишь о том посмертные скрижали,
 Что родились они, страдали, умирали;
 Но мы за то должны быть благодарны им,
 И, уважение являя к их родным
 И к тяжелой жизни их, достойной, честной, скромной,
 В саду им выделить хоть уголок укромный.
 Ведь каждый, увидав свой роковой порог,
 Оглянется назад и подведет итог,
 И каждый в этот миг — без всякого изъятия —
 180 Так хочет ощутить родной руки пожатье
 Иль горестной слезы хоть капельку тепла!
 Кто может, не стыдясь, сказать, что жизнь прошла
 В служенье родине, семье, престолу, богу,
 Тот в свой последний час утешится немного
 Сознанием, что покой заслужен наконец.
 А камень скажет нам: «Он добрый был отец,
 Супруг и сын. Земля ему да будет пухом!»
 И, глядя на него, возвысимся мы духом.

О, Муза, голос твой столь чист и столь глубок!
 190 Так посети и ты смиренный уголок
 И память малых сих, простых и незаметных,
 Почти мелодией и парой строк заветных!
 Другие пусть поют любовь и красоту,
 Пусть муза их, держа зеленый мирт в цвету,

* В этих строках, посвященных смиренным могилам поселян, я подражал некоторым стихам «Сельского кладбища» Грея.

В одеждах праздничных танцует, веселится. . .
 Мы будем петь с тобой тех праведников лица,
 Их добрый, честный взгляд и кроткие черты,
 И на могилы их мы принесем цветы,

- Вернемся же к садам. В них роль архитектуры
 200 Бесспорна. Здания среди живой природы —
 Не памятники тем, кто нас покинул, нет! —
 А те строения, чьи формы, вид и цвет,
 И так прекрасные, чаруют нас сильнее
 На фоне зелени и в сочетании с нею.
 Да, надо строить их! Но — меру соблюдать.
 Легко утратить вкус, коль моде угождать.
 Стремясь соединить различнейшие стили,
 Иные модники подряд нагромоздили
 Ротонду, пагоду, беседку, обелиск —
 210 Европу, Индию, Китай и Рим! А риск,
 Что создан лишь хаос — бесвкусицы примета —
 Их не страшит: зато там есть все страны света!

- [Сад Стоу *4 — образец, где вкус на высоте.
 Непревзойденные по редкой красоте
 И сами здания, и их расположение.
 Вас точно в Грецию уносят на мгновение
 Иль в Рим; но там живет и стиль иных времен,
 Который предками хозяев привнесен,
 И теми, кто поздней своим трудом по праву
 220 Ему как первому в Европе создал славу.
 Его гармония, пропорций красота
 Показывают нам, что сделала чета,
 Где добродетели гражданские блистали
 И где семья, любовь и дружба процветали.
 Привет тебе, искусств, добра и мира храм!
 Что ж сострадания алтарь не виден там,
 Хоть человечностью хозяева известны?
 — Он есть у них в душе, а значит, повсеместно!
 Не только дивный парк — их щедрости приют:
 230 Они вокруг себя повсюду создают
 В селе иль в городе, куда бы ни ступили,
 Благополучие и, как бы без усилий,
 Всем облегчают жизнь и помогают всем,
 О благодарности не думая совсем.]

* Стоу — замок и сад, расположенный в графстве Бекингем. Нынешний его владелец — лорд Темпл. Именно сад Стоу послужил первым образцом так называемых английских парков.

Любой величины и внешности строенье
Пусть соответствует его предназначенью,
И украшеньями пустыми не должно
Быть смыслу вопреки оно отягчено.

- Пусть ферма, коею хозяин так гордится,
240 В наряд, для города приличный, не рядится;
Дворец, который ей обязан красотой,
Богатство должен скрыть под строгой простотой.
Ведь и Армида сад с его красою дивной
Поблек пред девичьей улыбкою наивной.
О, ферма! Тучность нив, фруктовые сады,
Стада и пастухи, и кони без узды,
Златого детства мир — поры, чей образ ясный
Живет в моей душе как некий сон прекрасный
И поднимает рой воспоминаний в ней;⁵
250 В ветвях рулады птиц, что к вечеру слышной,
И мерный стук цепов, и скрип телег груженных,
И лица поселян, загаром обожженных. . .

- Украсить сельский дом владельцу не во вред,
Но во дворец его преображать не след:
Нарядность сочетать здесь нужно с простотою,
Напоминающей идиллию по строю,
А расточительность и роскошь не нужны:
Вся прелесть этих мест в том, что они скромны.
И незачем скрывать и прятать то, что надо
260 Для жатвы, и косьбы, и сбора винограда.
Пусть веялки, плуги и бороны стоят,
Сараи, птичники пусть выстроятся в ряд.
Вы без стеснения их покажете любому —
Они на месте здесь, где примыкают к дому.
Украсит сельский вид любой домашний скот,
Когда он сыт, здоров и вдоволь ест и пьет.

- Пусть живность всякая — собаки, овцы, птица
Свободно по двору гуляет и толпится.
Здесь — не дворец с его холодной красотой:
270 Все движется, живет естественной, простой
И шумной жизнью; здесь, под крышей из соломы
Иль черепичною, с порядком незнакомый
Кудахчет, крикает, гогочет и ревет
Четвероногий и летающий народ:
Здесь их республика, их царство, их правленье.
Какое разное по правам населенье!
Так любопытно их повадки наблюдать.
Вот выводок дыплят ведет степенно мать.

Вот царственный петух. Надменной нет фигуры!
 280 Он падишах, король. Беспрекословно куры
 Бегут на зов его; он, властью упоен,
 Повелевает здесь; легко взлетев на «трон»,
 Топорщит гребешок и, перья распуская,
 Когда сбегается к нему наседок стая,
 Оглядывает всех и в этот славный миг
 Победно издает гортанный громкий крик.
 Весь в перьях золотых, он, как султан в гареме,
 Ревниво стережет своих наложниц племя.
 Вот вышла птичница с корзинкою зерна.
 290 Мгновенье — и она уже окружена,
 Как вихрем, тучею кудахчущих пернатых.
 Шум, драка, хлопанье. . . Забывши о цыплятах,
 Слетелись куры к ней, хватают корм из рук,
 И ей не разогнать их суетливый круг.

Да, ферма требует забот и попеченья,
 Ухода, чистоты. А вот уж украшенья —
 Излишни. Петуху красоты ни к чему.
 Хорошее зерно куда нужней ему,
 Чем золотой узор в курятнике по стенам.
 300 Об этом сказано мудрейшим Лафонтеном.⁶
 О, если б Лафонтен попал на этот двор,
 То все бы охватил его орлиный взор:
 Высокомерного павлина одеянье,
 И злого индюка глухое бормотанье,
 И пары нежные влюбленных голубков,
 И схватку молодых драчливых петухов,
 Поддетых курочки кокетливой игрою, —
 И он бы рек: «Любовь, ты погубила Трюю!»

Но с удивлением вблизи я слышу вдруг
 310 И неожиданный, и непривычный звук —
 Рычанье, клекот, писк. . . Откуда бы им взяться?
 А, здесь зверинец есть! Не надо удивляться:
 Невиданных зверей и редких птиц свезли
 Сюда из разных стран, со всех концов земли.
 Здесь в клетках все они печально обитают;
 Иные яркою окраскою блистают,
 Иные — только тем, что трудно их достать
 И стоит дорого их редкостная статья.
 Красивых особей я предпочел бы редким.
 320 И раз уж все они размещены по клеткам,
 То сделал бы для них нарядной их тюрьму,
 Коль все равно они не служат ничему.
 Но жаль мне хищных птиц. Привыкшие к просторам,

К полету в небесах, угрюмо за забором
 Они, нахохлившись, недвижные, сидят,
 И полон горечи их потускневший взгляд.
 Верните волю им! Расправьте дайте крылья!
 Они зачахнут здесь от скуки и бессилья.
 Не может нравиться прикованный орел!

- 330 Однако аромат вдруг до меня дошел
 Растений, что еще мне не были знакомы,
 И я отправился, их запахом влекомый,
 Туда, где под стеклом они растут в тепле,
 Как на своей — увы! — покинутой земле.
 Ах, как изысканна их хрупкая порода!
 Но, кроме климата, ведь есть и время года!
 Растениям холодá не повредят извне —
 Ведь в парниках тепло — но в северной стране,
 Где лето коротко, темны и долги зимы,
 340 Не надо торопить цветенья: пусть, хранимы,
 Они распустятся, когда и за стеклом
 Пригреет солнышко, на них дохнув теплом!
 Меня всегда влекли к себе оранжереи,
 Их влажное тепло, когда, сквозь стекла грея,
 В них солнце климат стран далеких создает,
 И там цветет жасмин и ананас растет.
 [Париж и Трианон составят нам гербарий⁷
 Деревьев и цветов обоих полушарий.
 Кью тоже всяческой экзотикой богат; *⁸
 350 Оранжереи в нем огромны — целый сад,
 Где попадете вы на все широты света;
 Там тысячи цветов и круглый год там лето,
 Его растения в зеленой полутьме
 Забыли родину и прижились в тюрьме.]

Есть тьма возможностей и веских оснований
 Для размещения в садах различных зданий
 И множество для них удобных уголков.
 Средь пышных елей — дом охотников-стрелков,
 В излучине реки, под ивюю склоненной,
 360 Устройте изгородь купальни потаенной,
 У тихой заводи, где речка глубока, —
 Простую хижину, приют для рыбака;
 Вдали от шумных мест воздвигните строенье
 Для встречи с музами в тиши, в уединенье,
 Для размышления. Поставить можно там

* Кью — королевская резиденция в двух лье от Лондона. Она замечательна своим ботаническим садом, где собраны редчайшие растения обоих полушарий.

Достойный памятник отважным морякам,
 Отдавшим жизнь свою волнам в краю далеком.
 И он вас наведет на мысли о высоком.
 [Пусть башня вырастет повыше над холмом,
 370 Там, где видна она издавека кругом,
 Пусть наверху, над ней, пестрея и блистая,
 Как птицы крыльями, полотниц машет стая;
 Сигнальные флажки так оживляют вид,
 И каждый флаг цветной нам столько говорит,
 Что вызывает гнев и ревность у богини
 Стоустой, но — увы! — уже не нужной ныне.]

Вот так все здания, что есть у вас в саду,
 Не будут пустовать без пользы. Но в виду
 380 Имейте каждый раз, что местоположенье
 Диктует зданью вид, размер и назначенье.

Пропорций нарушать строенье не должно,
 Чтоб выиграл пейзаж и нравилось оно.
 И дело знающий сообразит строитель,
 Что одиночества пустынную обитель,
 Разумно поместить в безлюдье и глуши,
 Где запустение и скромность хороши;
 На людной площади смешно уединенье,
 А храм в густом лесу не обнаружит зренье, —
 На холм иль косогор его мы поместим,
 390 Чтобы окрестности простерлись перед ним,
 А сам он с вышины смотрел спокойно, строго,
 Как чудо зодчества и как жилище бога.
 Зато приют молитв, напротив, пусть стоит
 Там, где от глаз чужих он тщательно укрыт.
 Так среди озера часовня Радзивилла
 Стоит на островке, где зданье зелень скрыла;
 Столь пышен и ветвист деревьев плотный круг,
 Что контур здания ты различишь не вдруг.
 Внутри там нежный свет, покой и дух печали,
 400 Распятые — перед ним колени преклоняли
 Владельцы в тишине, не поднимая глаз;
 Снаружи — множество цветов в десятках ваз,
 И портик мраморный, водою окруженный,
 Удвоен, зеркалом озерным отраженный.
 Чуть дальше древние развалины видны,
 А рядом спят быки, жарой утомлены,
 У стен, где предков их дымилась кровь живая,
 К языческим богам о милости взывая.
 Так мастерство и вкус, историю и миф
 410 С природной прелестью своей соединив,

Нам возвышая дух и услаждая чувства,
Стал этот островок созданием искусства,
Где каждый праздник — муз и граций торжество,
Часовня же — венец, жемчужина его.

Но свежесть, роскошь, блеск строений современных
Сравнятся ль прелестью с таящеюся в стенах
Старинных крепостей суровой красотой?
Как привлекателен шершавый и простой
Их камень, мхом, травой и плесенью покрытый,
420 Хранящий дух легенд, дождем веков омытый!
И учит многому и утешает нас
Неслышный будто бы, но внятны сердцу глас
Самой истории и судеб быстротечных,
Который нам несет познание истин вечных.
Несчастий Мария свидетель, Карфаген,⁹
Среди разрушенных до основанья стен
Искал себе в своих невзгодах утешенья
Тем, что прекрасен был и после разрушенья.

И ты, поэзия, моя судьба, мой рок!
430 Ты прочь меня вела от хоженных дорог,
От многолюдных мест: ведь ты была сестрою
И тайнам зодчества, и живописи строю;
Тобой научен я к минувшему любви.
Так ныне старину воспой, восстанови!

Вот остов небольшой часовенки старинной.
Сюда давным давно шли чередою длинной
Десятки жен, детей и чистых юных дев,
Сюда они несли молитв своих напев,
Прозя всевышнего о щедром урожае.
440 Пред ней склоняюсь я, руины уважая.
Здесь пять веков назад стоял могучий форт.
Он защищал страну от вражеских когорт,
Вассалы буйные не раз пред ним дрожали —
Бойницы башен их в покорности держали, —
И в те нелегкие для мира времена
Не раз гремела здесь осада и война,
Летели тучи стрел и хлопали петарды,
Здесь бились Генрихи и храбрые Баярды...¹⁰
А нынче меж камней кудрявится трава,
450 Но память о делах и подвигах жива.
Осколки давних лет и отгремевшей славы!
Да, выросли вокруг вас тенистые дубравы,
Но ваших стен зубцы легендами манят,
И ржавые мосты историю хранят.

А рядом — детский смех, птенцов выводят птицы...
 Лишь тени тех, кому здесь доводилось биться,
 Напоминают нам о предках, о боях...
 Так помните, что здесь покоится их прах,
 И сохраняйте все — мосты, бойницы, стены, —
 460 Пусть юность пред былым склоняется смиренно.

А вот монастыря забытый, мертвый дом.
 Все лесом заросло: найдешь его с трудом.
 Молчание вокруг. И лишь сестра пустыни —
 Задумчивость — одна здесь обитает ныне.
 А прежде по ночам здесь теплились огни.
 Молитвой и постом свои заполнив дни,
 Жизнь богу посвятив, ютилась в кельях тесных
 Покорная толпа монахинь бессловесных,
 И таяли они, как свечи; так горят,
 470 Мерцают, огоньки негаснущих лампад.
 Витает до сих пор здесь дух молитвы истой,
 Сосредоточенной, безропотной и чистой.
 Весь контур здания, весь этот строгий вид
 Чувствительным сердцам о многом говорит:
 Массивных толстых стен замшелый грубый камень,
 И купол, и алтарь, источенный веками,
 И темных витражей затейливый узор,
 И каменный, с цветной прохладной плиткой двор,
 И свод святылища с его тяжелой кладкой,
 480 Где было пролито немало слез украдкой
 О детстве, о любви — о том, что навсегда
 Зачеркнуто судьбой с вступлением сюда...
 Порою кажется в прощальный час заката,
 Что Элоиза здесь, раскаяньем объята,¹¹
 Рыдает о грехах и обнимает крест...
 Храните красоту и святость этих мест!

Но только никогда не делайте попыток
 Подделкой заменить событий древний свиток*
 И заново создать приметы давних лет
 490 Там, где их не было, не может быть и нет.
 Подъемный старый мост с бойницами на башнях,
 Напоминающий о доблестях вчерашних,

* Г-н де Шабанон в весьма приятном послании, написанном в защиту иррегулярных садов, еще до меня заметил, что старые памятники пробуждают воспоминания: преимущество, которого лишены искусственные руины. Та же мысль содержится и в других сочинениях и, в частности, в сочинении Вейтли: впрочем, она столь естественна, что к ней нетрудно прийти. Быть может, труднее ее выразить, особенно после г-на де Шабанона, но, если мы с ним совпали, чего я пытался избежать, повторяю, его стихи были написаны раньше моих.

Нельзя соорудить — на нем печать веков,
А сделанный вчера — увы! — он не таков!
Так, в шутку стариком одевшийся ребенок
Ни благородно сед, ни юношески тонок,
И выходки его нелепы и смешны.

Иное — подлинный кусочек старины:

Он в памяти хранит минувшие столетья.

- 500 Как на портрет, люблю ему в лицо смотреть я,
Легенды вспоминать из рыцарских времен,
И верю в то, что мне о них расскажет он.
Чем выше подвиги, тем память больше чтима.
Поля Италии! Блеск и победы Рима! —
Пример того, как все — богатство, слава, власть —
Непрочно, суетно и может быстро пасть;
Но памятники с их красотою величавой
Любой украсят вид, служа ему оправой.

С течением веков руин растёт число,

- 510 И пусть их большинство травкою поросло —
Рим с Капитолием вовек неувядаем.
Мы и сейчас к нему в восторге припадаем,
Всегда прекрасен он, как время ни бежит,
И вечности портал его принадлежит!
Здесь мощных рек текли клокочущие воды,
Стенали в рабстве здесь плененные народы;
И термы, и дворцы разрушены давно,
И форумам восстать из праха не дано,
Но все ж с Овидием Гораций и Вергилий
- 520 Для нас величье их навеки сохранили,
И трижды счастлив тот искусный садовод,
Кто их использует и место им найдет.
Ведь время жадное их поглотить стремится,
Природа норовит заставить с нею слиться,
И даже в тех местах, где праздновал Помпей
Победу над врагом со свитою своей,
Опять луга цветут и раздаются трели
Бесхитростной как вздох пастушеской свирели.
Зазеленели вновь поля былых боев,
- 530 Пасутся мирно там стада овец, быков,
А гордый обелиск, героям посвященный,
Повержен и зарос травой густо-зеленой;
На выжженной земле, из крови и золы,
Поднялся новый лес, растут его стволы,
И над останками воителей сраженных
Оливы, финики, кустарники в фестолах
Стремятся к небесам, чтоб каждою весной
Деянья римлян скрыть зеленою стеной,

А виноград и плющ, руины обвивая,
 540 Хотят украсить их, морщины их скрывая.

Бывает часто так, что земли лишены
 Остатков подлинной, почтенной старины,
 Но в бронзе есть у вас иль в мраморе созданья —
 Скульптуры мастеров, имеющих признание.
 К несчастью, нынче вкус стал непомерно строг:
 Любой языческий в садах запрещен бог, —
 И Рим, и Греция равно гонимы стали.
 А почему? Ведь мы их с детства почитали.
 Они — работники: тот — пахарь, тот — кузнец,
 550 Охотник, иль пастух, иль воин, наконец.
 Зачем же их лишать и почвы, и опоры?
 Как зацветут цветы без лучезарной Флоры?
 Скульптура нам дает богатство, тонкость чувств.
 Язычество, друзья, ведь это — культ искусств!
 Но — только подлинных! Подделки мы отринем!
 Богам без мужества, без грации богиням
 Закроем путь в сады. А тех, кто дорог вам,
 Распределим по их занятиям и правам.
 Пан должен жить в лесу. Что делают Дриады
 560 В воде? Пусть там живут Тритоны и Наяды.
 За что наказан Нил? Ему поручен пост
 Под старым деревом, среди шума птичьих гнезд!
 Нетрудно потерять, увлекшись, чувство меры,
 Но для чего в саду львы, тигры и пантеры?
 Ведь даже чучела — и те внушают страх!
 Не надо помещать в укромнейших местах
 Фигуры бдительных, свирепых, злобных стражей,
 Пусть Цезаря они изображают даже!
 Там привлекательны и отдых, и досуг,
 570 Они же мрачный тон дают всему вокруг.

Владельцу каждому всегда стремиться надо
 Устроить маленький Элизиум из сада.
 Так пусть белеют там, в концах прямых аллей,
 Из мрамора Амур, Гермес и Гименей,
 Пусть, натянув свой лук, как солнце из тумана,
 Возникнет гордая, прекрасная Диана!
 Там, где прозрачна тень и где листва густа,
 Спокойствие их поз и линий чистота,
 На теплом мраморе игра теней и света,
 580 И рядом темный пруд, бездонный, словно Лета.
 Столь уопительный подарят вам покой,
 Что вы забудете о толчее людской,
 О предках вспомните со светлую печалью,

Невзгоды отойдут и станут зыбкой далью,
 И добродетели преодолеют зло,
 Как будто бы с земли оно навек ушло. . .
 Пусть не воитель там стоит, увековечен,
 А тот, чей путь добром, гуманностью отмечен;
 Там мудрый Фенелон, иль Генрих и Сюлли ¹²
 590 Сресть статуй место бы по праву обрели.
 Сажайте там цветы! Я бы осыпал ими
 Тех, кто вдали от нас деяньями своими
 Добру и знаниям прокладывали путь.

Здесь Кука хочется, вздохнув, упомянуть.*
 О нем и Франция, и Англия жалели.
 Отвагою своей он доказал на деле,
 Что в страны дикие, где нрав племен суров,
 Мы можем привезти коней, овец, коров,
 Создать культуру там и дать ремесла людям,
 600 Коль их не угнетать, а обучать мы будем.
 Кук! Жизнью заплатил ты за чужой разбой!
 Лишь добрые дела водились за тобой.
 Когда твой суда к туземцам подплывали,
 Благодеянья им и мир они давали,
 И, хоть британец ты от головы до ног,
 Ты сыном Франции достойным быть бы мог.
 А родина тебя не так благодарила,
 Как доброта твоя и смелость заслужила!
 Тебя щадил Нептун, тебя жалел Борей,
 610 Но светоч разума стал жертвой дикарей! ¹³
 [Ах, память бед его и жертвы не напрасной
 Природу сделает лишь более прекрасной:
 Хоть сырый прах его от наших мест далек,
 Бюст Кука осенит эдемский уголок
 И благородством черт, и мудрости сияньем,
 И нашей гордости и жалости слияньем.

Учить сажать сады — полезный, нужный путь.
 Нужнее — научить любить их: в этом суть!
 А интересные истории играли
 620 В ученье роль важней, чем прописи морали;
 И я попробую вам рассказать одну —
 Про давние века, глухую старину,
 О мудром короле, седом Абдолониме.

* Всем известны поучительные и отважные путешествия знаменитого и несчастного Кука, а также изданный Людовиком XVI приказ щадить его корабли на всех морях — приказ, который делает честь равно науке, славному мореплавателю и королю, чьим подданным он как бы стал вследствие этого нового рода покровительства и благодеяния.

- Средь царственных особ его известно имя.
Он жил в тиши, уйдя от королевских дел,
И сам возделывал земельный свой надел.
Решив о царственном забыть происхождение,
В труде и отдыхе он черпал наслажденье,
И безмятежен был покой его души,
- 630 Владенья же его — отменно хороши.
Там слева был Сидон и порт морской широкий,
А справа — темный лес: ливанский кедр высокий
Там рос ступенями огромных мощных крон
На некрутых холмах, горами окружен.
Холмы спускались вниз пологою долиной,
Где две реки слились и синей лентой длинной
Стекали в дивный сад; к востоку обращен,
От знойных ветров он был лесом защищен:
Там кипарисов круг и сосен с пышной кроной
- 640 Над садом распростер большой шатер зеленый,
И сад легко дышал в его густой тени,
Весь в наливных плодах — лишь руку протяни.
Надрезов на стволах не делали руками —
И нард, и мирра с них сочились струйкой сами;
Куда ни посмотри — благоухая, рос
Лимон иль апельсин, гранат иль абрикос;
А рядом белизной сверкали небывалой
Из разных мраморов искрящиеся скалы
С прожилкой пурпурной, лазурной, золотой —
- 650 И наслаждался глаз их дикой красотой, —
Не тронутой резцом, природной, первозданной, —
Сильней, чем скульптора работой филигранной.
Меж них кудрявились цветущие кусты,
И нежный аромат их яркие цветы
Своим дыханием вокруг распространяли;
К ним ивы грустные свои власы склоняли,
А рядышком паслись на бархате полей
Стада — древнейшее наследье королей.
Не раз говаривал Абдолоним брадатый:
- 660 «Король был пастырем для подданных когда-то,
Теперь же, в новые, лихие времена,
Власть короля одних опасностей полна».
Чтоб в государственных не погрязать вопросах,
Он царский жезл сменил на свой пастуший посох
И с радостной душой, как жил в раю Адам,
То убирал свой сад, то уходил к стадам.
А юный сын его всегда с отцом был рядом.
Абдолоним был стар, но статен, с твердым взглядом,
С могучей, возрастом не согнутой спиной,
- 670 С кудрявой бородой, блестящей сединой,

С румянцем на щеках, упругою походкой,
С улыбкой мудреца, приветливой и кроткой,
Но на челе его прочли бы вы без слов:
«Любой удар судьбы я отразить готов».
Любимый сын его входил в года расцвета,
Но, как весну в саду уже сменяет лето,
Он от младенчества шел к юности: пушок
Уже, как тень, ему на подбородок лег,
680 Взгляд был открыт и горд, и даже в эти годы
В нем что-то виделось от царственной породы.
Когда под вечер зной спадал и уходил,
Кончался день труда и ужин кончен был,
Они вдвоем не раз большую книгу брали
И в ней историю печальную читали
О царствах, о войне, жестокостях, боях,
О преступлениях, интригах, королях,
Погибших от руки родных сынов иль братьев...
Отец вздыхал о них, но не жалел, утратив
Их власть, о том, что с ней утратил также трон.
690 А сын, напротив, был взволнован, распален,
В нем гордость юная и предков кровь играла,
И хоть рука отца тот детский пыл смиряла
И скромность жизни их ему была мила,
Его душа уже томилась и ждала.

Так маленький росток, невзрачный и тщедушный,
Корнями влагу пьет, листвою — нектар воздушный,
Дубами защищен, он прячется в тени,
Но знает: станет он могучим, как они.
Там издавна стоял посередине сада
700 Алтарь, увитый весь ветвями винограда.
Однажды вечером, в час отдыха, когда
Ухожены кусты и вылита вода,
Чтоб напоить цветы, поникшие от зноя,
Отец и сын вдвоем с их жертвою дневною
Явились к алтарю, дабы богам воздать
Дань благодарности за мир и благодать.
Все лаской, тишиной и благостью дышало,
И солнце алое свои лучи бросало
На розовый морской мерцающий простор,
710 И нежный ветерок слетал неслышно с гор.
В тот час природа им с улыбкою внимала
И снисходительно их жертву принимала.
Все пело гимны ей: свободно в небеса
Вздымались песнь цветов, деревьев голоса,
И ароматы трав, и вьющихся растений
Сливались в стройный хор неслышных песнопений.

- И, первым обратясь к богам — по старшинству, —
 Воздевши руки ввысь, в густую синеву,
 Абдолоним просил о милости верховной
 720 К нему и к отроку, весь род людской греховный
 Молил он оберечь от горестей и бед.
 И вторил сын мольбам Абдолониму вслед.
 Один был образцом безгрешной жизни длинной,
 Другой — наивности и юности невинной.
 Олимп растроган был их искренней мольбой,
 И боги слушали, в согласие меж собой,
 Как пылкий юноша и старец умудренный
 Взывали к ним четой коленопреклоненной.
- Но эту тишину прорезал грубо вдруг
 730 Протяжный вой рогов и труб военных звук.
 Отрядами солдат заполнилась округа,
 И мальчик побледнел и вздрогнул от испуга.
 Но молвил, сохранив спокойствие, старик:
 «Пусть не страшат тебя, мой сын, их шум и крик.
 Богач нашествия чужих солдат боится,
 А с бедным ничего дурного не случится».
 И он у алтаря, как был, спокойно встал.
 Но резкий голос труб вторично зазвучал
 Так, словно оглушить намерен был полмира.
 740 То был сам Александр, завоеватель Тира!
 Да, полководец к ним решил явиться сам.
 Устал он, проходя по выжженным дворцам,
 Сметать царей, как пух, с опустошенных тронов,
 И в этот сад вступил, ни лепестка не тронув.
 Понравились ему — то был его каприз —
 Ворота скромные и их резной карниз,
 Живая изгородь из роз и из жасмина,
 И мирная пред ним представилась картина.
 Разрушив тысячи оград, дворцов, колонн,
 750 Пред этой простотой остановился он,
 Остановил солдат, идущих в окруженье,
 И, сделав шаг, застыл в невольном уваженье,
 Увидев, как пред ним спокойные стоят
 Отец и сын. На них он устремил свой взгляд
 И вдруг почувствовал, что страсти в нем смолкают
 И пыл воинственный в душе его сникает.
 Увидел мысленно он свой кровавый путь
 И понял, что пора душою отдохнуть.
 Он к старцу подошел и, словно ненароком,
 760 Сказал: — Как странно! Здесь все служит мне упреком.
 Я понял вдруг, что жил всю жизнь свою не так.
 Король любой страны был мой смертельный враг,

- Я их свергал, брал в плен и многих уничтожил...
Но счастья я не знал и жизнь напрасно прожил.
Теперь мне не уйти от справедливой мзды.
Ты правил некогда. Прими теперь бразды!
Устал я всем нести нужду, несчастья, беды,
Так не лишай меня единственной победы,
Необходимой мне, народам и богам.
- 770 Тебе я с радостью правленье передам!
— Я знаю, ты всегда распределял короны,
То отбирал, а то дарил их благосклонно,
И даже вот такой укромный уголок
От глаз твоих спасти правителей не мог, —
Сказал Абдолоним. — Ну что ж, бразды правленья
Приму я. Видно, то — самой судьбы веленье.
Здесь мирно, счастливо я дожил до седины
И жил бы до конца. Но у меня есть сын.
И только для него моя рука готова
- 780 Дать подпись. Я уйду из-под родного крова,
Но эту ночь дай здесь побыть мне одному,
А завтра скипетр я из рук твоих приму.
И гордый Александр доволен был ответом,
А мальчик, что дрожа присутствовал при этом,
Был так ошеломлен и горд отцом, и рад,
Что сплел венок из роз — был ими полон сад —
И лавров, издавна одобренных Беллоной,
И преподнес царю. С улыбкой умиленной
Тот голову склонил и дал надеть венец.
- 790 Он обнял мальчика, как любящий отец;
Был взгляд его в тот миг уверенности полон,
Что наконец себе преемника нашел он,
И, удаляясь, он со вздохом оглядел
Сад, сына и отца, счастливый их удел.
Он им завидовал. Но уходил в надежде,
Что ныне станет жить совсем не так, как прежде,
Когда гордился тем, что мир завоевал,
Но счастлив истинно ни часу не бывал.
Да, лишь теперь, познав тщеславие мирское,
- 800 Остаток дней своих он проведет в покое.

Абдолоним не спал. Когда взошла заря,
Он сына разбудил и обнял, говоря:
— Ну, что же, час настал. То — час закабаленья.
Я слово дал — и вот беру бразды правленья.
Я этот груз беру не радуясь — скорбя.
Когда же я умру — он ляжет на тебя.
Мне жаль тебя, мой сын. Как тяжело это бремя!
Как быстро протекло свободы нашей время!

- Здесь труд не в тягость был, и сад наш круглый год
810 Лишь радость нам давал — ни тягот, ни хлопот!
Отныне жизнь нас ждет — увы! — совсем иная,
И мы не раз вздохнем, о прошлом вспоминая. . .
О, если бы хоть тем был облегчен мой рок,
Что счастье подданных я обеспечить смог!
Здесь, в этой хижине, где жизнь легка простая,
Мы были счастливы и жили, не считая
Ни дней, ни месяцев. Они легко текли.
Так безмятежно жить не могут короли!
Их жизнь идет в борьбе, в опасных поворотах. . .
820 Утешь меня в моих мучительных заботах!
Лишь зная, что народ от бедствий огражден,
Я встречу смерть, сочтя, что я вознагражден.
Последний бросив взгляд на дом, плющом увитый,
Он двинулся к дворцу с торжественною свитой.
Но только он вступил на мраморный порог,
Как на сердце ему обрушился поток
Дум, ликом прошлого, теней, воспоминаний
О детских радостях и о поре страданий,
И, проходя палат знакомый длинный ряд,
830 Он сам не понимал, несчастлив он иль рад.
Но радость подданных, веселье, вина, яства
Утешили его, и понял он, что паства
Ждет от него добра. И этим окрылен,
Он твердою ногой вступил на царский трон.
Он мудрым был царем, и мы считать не будем,
Как много добрых дел он сделал честным людям.
В его руке для них был скипетр не тяжел,
А по его следам потом и сын пошел.
Но часто, от забот и дел ища улады,
840 Он уходил тайком в тень дорогого сада,
Садился на скамью под дубом, над рекой,
И как бы вновь впивал минувших дней покой.]

ДОПОЛНЕНИЯ

I

ПИСЬМО КНЯГИНИ ЧАРТОРЫСКОЙ К АББАТУ ДЕЛИЛЮ (1784)

Простите, сударь, что я посягаю на Ваше время: Ваша репутация и Ваши творения единственно тому виной. Кружок друзей обращается к Вам в надежде, что Вы не обманете его ожиданий. Мы собрались в небольшой деревушке, которая стала нашим главным местопребыванием; нас связывают дружба, сердечная склонность, узы родства и положение в обществе; все соединилось, чтобы льстить нас надеждой, что мы никогда не разлучимся.

Нетрудно понять, почему мы жаждем украсить свое уединение: поэма «Сады» пояснила нам, как это сделать; нами движут чувствительность, воспоминания и признательность, и в этот час все мы заняты тем, чтобы воздвигнуть памятник писателям, столь часто наполнившим нашу жизнь полезными поучениями, приятностью и чувством умиления. Их имена будут в соответствии с их рангом высечены на четырех гранях мраморной пирамиды: с одной стороны Поп, Мильтон, Юнг, Стерн, Шекспир, Расин и Руссо; с другой — Петрарка, Анакреон, Метастазιο, Тассо и Лафонтен; с третьей — госпожа де Севинье, госпожа Риккбони, госпожа де Лафайет, госпожа Дезульер и Сафо; наконец, с четвертой — Вергилий, Геснер, Грессе¹ и аббат Делиль. С каждой стороны будут посажены деревья, кустарник и цветы. Розы, жасмин, сирень, кустики фиалок — там, где имена женщин; Петрарке, Анакреону и Метастазию достанется мирт, Тассо — лавр; плакучая ива, скорбный кипарис и тис станут спутниками Шекспира, Юнга и Расина; для четвертой же стороны наше сообщество отберет все лучшее, что могут предложить плодовые сады, леса и луга, и каждый житель посадит деревцо или куст, чтобы увековечить поэтов, внушивших ему вкус к сельской жизни и тем самым способствовавших его счастью.

Нам не хватает только надписи, которая бы выразила нашу мысль и передала ее потомству; она будет высечена у подножья памятника, и все наше сообщество единодушно решило, что автором ее должны быть Вы. Мы обращаемся с этой просьбой к Вашему сердцу и к Вашему уму. Эта дань признательности поэзии, простая и искренняя, достойно будет выражена создателем поэмы «Сады», переводчиком Вергилия и прежде всего чувствительным человеком.

Примите, сударь, заверения в самых искренних чувствах, которые питают к Вам поклонники Ваших сочинений.

II

Антуан Ривароль

КАПУСТА И БРЮКВА

Г-ну Делилю на его поэму «Сады»

КАПУСТА — АББАТУ ДЕЛИЛИЮ

Как, ты — поэт, в своих писаниях пространных
И мысли и слова собратьев иностранных,
Чтоб скудость скрыть свою, стремящийся вернуть,
В «Садах» про огород забыл упомянуть?
Ведь он иссякшее твое воображенье
Вновь возродил бы, внес живое украшенье
В унылый вид тобой описанных полей;
С капустой бы они глядели веселей!

А прежде, хилое дитя, скажи не мы ли
Совместно с брюквою всегда тебя кормили?
Не мной ли до поры, пока оставил скит,
И в праздничные дни, и в будни ты был сыт,
Покуда с лирою своею слабосильной
Ты не попал в Париж на княжий пир обильный?
Теперь ты, выродок, стесняешься меня!
Но берегись! Моя оверньская родня¹
Неблагодарного накажет, и жестоко!
Не только вскормлен мной, но, также, волей рока —
Хоть и осмелился ты позабыть о гом —
Младенцем найден был ты под моим листом!²
Со мною связаны извечные порядки.
Меня еще Адам сажал в раю на грядки,
Выращивал меня с любовью древний Нил,
Вергилий много строк капусте уделил.
Что ж не идет за ним твоя шальная Муза?
Нет, воспеваешь ты лишь прелести Воклюза,
Петрарке гимн поешь, рассудку вопреки,
А мне не посвятишь ни буквы, ни строки!
Ты слышишь громкий крик? То злятся артишоки;
Лук сыплет горькие и гневные упреки;
Красна от ярости, ботвою бьет морковь;
Чертополох готов тебя изранить в кровь!

БРЮКВА — КАПУСТЕ

С тобой согласна я, оскорблены равно мы.
 Но, все ж, я не из тех, кто, яростью влекомы,
 Готовы броситься с обидчиками в бой.
 Я — не чеснок, не лук — нрав у меня иной.
 Презренье к наглости — вот мудрых утешенье.
 Я знаю: чтоб снискать Парижа одобренье,
 Поэт все овощи из сада выгнал вон,
 Хоть огород и был Вергилием взращен.
 Красоты тащит он в свои стихи недаром.
 Конечно, странствуя по дамским будуарам,
 Неловко вспоминать про нас, простую снедь:
 Вдруг грубые слова заставят дам краснеть?
 Он, зная вкусы их, рисует без опаски
 И для своих картин такие ищет краски,
 Чтоб пейзаж ласкал изысканнейших взор:
 С китайских ваз берет он очертанья гор,
 С тарелки — вид морской, леса — с миниатюры —
 И вот вам образцы приятной всем натуры:
 Его луга, поля нарядны как букет,
 И потому нигде ему отказа нет.
 Везде желанный гость, он по дворцам порхает,
 Им сочиненный сад всегда благоухает,
 И невдомек ему, что для прелестных роз
 Земле потребен пот и надобен навоз.
 А наши имена ему терзают ухо:
 Они для нежного невыносимы слуха,
 И запах овощей ему шибает в нос,
 Хотя он среди нас родился, жил и рос.
 Теперь, как мотылек, по воздуху летая
 И радужным плащом над клумбами блистая,
 Сменяя легким па изящный пируэт,
 От розы к лилии порхает наш поэт.
 Капризная, к другим безжалостная мода
 К нему благоволит все больше год от года,
 Все чествуют его — и умный, и дурак,
 Увенчан лаврами капусты, брюквы враг
 И назван именем «Наш нынешний Вергилий»,
 Хоть более, чем он, достойные — в могиле!

КАПУСТА — БРЮКВЕ

О, не досадуйте! Непрочен сей успех!
 Блистательный Париж сперва ласкает всех,
 А надоест ему писателя старанье —
 И вот в опале он, в забвенье, иль в изгнание.
 Ведь слава улетит — она, как дым, легка,
 А брюква всем нужна и будет жить века!

III

Жак Делиль

САДЫ

Перевод А. Ф. Воейкова

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Весна слетела к нам с лазоревых небес;
Воскреснули поля, и ожил спавший лес;
Природа облеклась в зеленую одежду;
Встречаем и любовь, и счастье, и надежду,
Ходящих об руку в долинах и лесах.
Пускай теперь поют другие о боях,
И в юных ратниках жар воскрешают ратный;
Нет! Флора бросила мне взор благоприятный,
И я пою Сады; желаю дать урок

- ¹⁰ Об том, как нарядить лужайку, холм, лесок,
Извить в кустах ручей, расстановить утесы,
И над картинами развесив дров завесы,
В дали приятные предметы рассыпать;
Ваянье, зодчество на помощь призывать:
Одно кумирами лес мрачный населяет;
Другое зданья творит и украшает.
А ты, полезное с приятным сочетава,
О Муза, некогда и жизнь и прелесть дав
Урокам и стихам Лукреция холодным,
²⁰ Соперника его ты слогом благородным
Работы сельские учила воспевать,
И языка богов чрез то не унижать.¹
Будь, благодатная, и мне доступна ныне,
Путеводи меня — и будь моей богиней!
Обильнейший предмет со мною ты воспой;
Виргилий сам его пленялся красотой;
Как утром облако луч солнца озлащает,
Так выражений блеск предмет мой украшает.
Не будем мы чужих заимствовать венцов,
³⁰ Сплетем себе венок из собственных цветов.

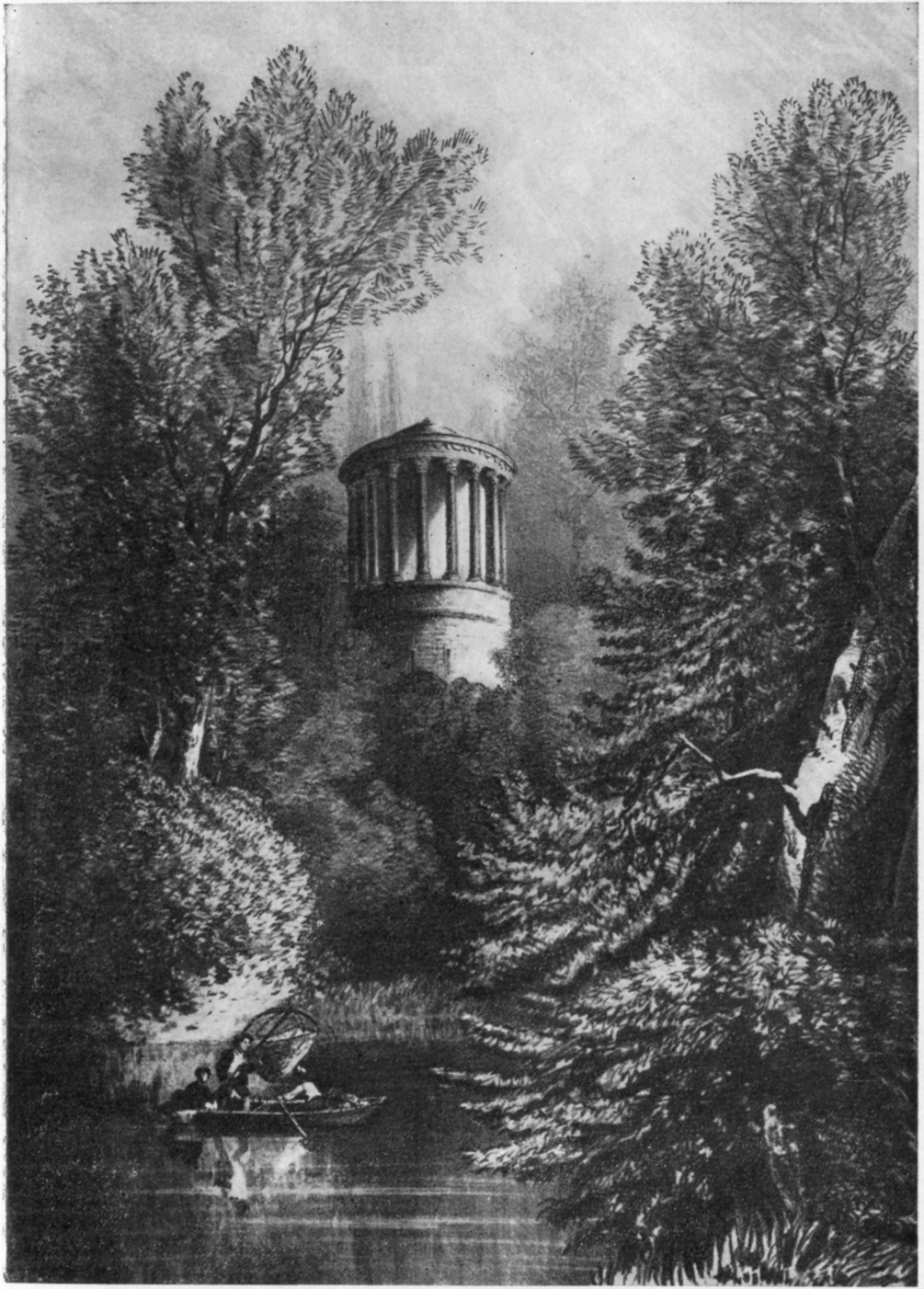
Лишь смертный покорил серпу и плугу нивы,
Близ хижины своей избрав себе счастливец,

15. Пулавы. Маринкин дворец.

16. Пулавы. Вековой каштан.

17. Пулавы. Храм Сивиллы.

18. Пулавы. Дерево богоматери.

19. Пулавы. Английский проход. Аркады.

Прекрасный уголок, любимые цветы,
 Любимые древа, избранные кусты
 Пересадил, чтоб их иметь всегда пред взором;
 Их освежил ручьем, и оградил забором.
 В сердечной простоте бесхитростной рукой
 Убрал свой огород и садик Алкипой;
 И чудо Вавилон явя очам вселенной,
⁴⁰ Сады на воздухе повесил ухищренно.
 Римляне, покоря во бранях целый свет,
 В садах, украшенных трофеями побед,
 Труды, опасности и битвы забывали.
 В садах и мудрецы не редко обитали;
 Под сению древес они уча людей,
 И снисходительней являлись и нежней.
 За добродетели святым и мудрым боги
 Сооружали ли высокие чертоги?
 Нет! Елисейские цвели для них сады,
⁵⁰ Где вечная весна и вечные плоды.

Но время! — Я спешу — предмет мой ожидает:
 Мой Меценат меня зовет и ободряет. —
 Когда желаешь ты сады свои убрать,
 Не золото, но вкус старайся расточать:
 Великоленные, блестящие уборы,
 Богатством ослепя, лишь утомляют взоры;
 Нарядна без убранств, одета с простотой,
 Природа милая мила сама собой.

Сад есть обширная и сельская картина:
⁶⁰ Рисуй! Полянка, холм, ручей, гора, долина,
 Оттенки муравы, деревьев и листов,
 Отливый, яркой блеск и пестрота цветов,
 Часы и времена, переменная погода,
 И дневный малый круг, и круг великий года:
 Вот краски, полотно, вот кисть, соображай:
 Твоя Природа! Сам рисуй и поправляй.
 Но не спешив садить: смотря и замечая,
 Учися украшать, Природе подражая.

Случалось ли тебе, в глухих местах бродя,
⁷⁰ И неожиданно прекрасный вид найдя,
 Как пораженному, пред ним остановиться,
 И в думу сладкую на долго погрузиться?
 Заметь же лучшие и резкие черты,
 И украшать поля в полях учися ты.

И быть в украшенных местах искусством должно:
 Вновь выбирать еще из выбранного можно.

Великолепие мешая с простотой,
 Белёль пленяет нас изящной красотой;
 Шантильи время, вкус, Природа украшали,
⁸⁰ Век веку, вождь вождю прелестнейшим вручали;
 Шантлу, гордясь собой, еще не позабыл,
 Что знаменитому герою ссылкой был.
 Как роза юная при обновленьи мира
 Стыдливо нежится в объятиях зефира,
 Весенний ранний цвет — лугов, долин венец:
 Тиволи нового искусства образец.
 Резвяся Грации Монтрель нарисовали;
 Рипси, Отель, Лимур меня очаровали;
 Как сладко в их садах прохладой дышать,
⁹⁰ И по запутанным тропинкам пробежать!
 Тень Генриха еще Наварру посещает!
 Величием с красой пленяя, подражает
 Владычице своей волшебный Трианон:
 Для ней украшенный — украшен ею он!
 О Принца доброго сад тихой и спокойной!
 Смиренное тебя название недостойно;
 Молю, да обретет с избытком у тебя
 Все блага, коими осыпал он меня —
 Свободу райскую, убежище от света!
¹⁰⁰ Благотворитель сей и Музы и Поэта,
 В беседу избранных, увенчанных певцов,
 Не по достоинству простых моих стихов,
 В саду, украшенном Парнасскими цветами,
 Приемлет и меня. На бреге под древами
 Так с лилей растет фиалка притаясь.
 О если бы я мог, возвыся слабый глас,
 Безвестный спутник сих Поэтов славных в мире,
 Играть подобно им на громозвучной лире:
 Воспел бы я твой сад и бога твоего,
¹¹⁰ Науки, дружество, гостящих у него!
 Будь раем ты ему! — О если б Провиденье
 Мне дало уголок земли в распоряженье,
 Которой бы я сам смиренно мог убрать,
 И благ моих творцу сердечный долг отдать;
 Там образ бы его поставив под древами,
 Осыпал свежими весенними цветами,
 Кругом бы два ряда тополей посадил,
 И на чело его мирт с лавром возложил:
 И мирт и лавр всегда Бурбонам драгоценны!
¹²⁰ Прохладой, тишиной, свободой вдохновенный,
 Когда почувствую в душе священный жар,
 Отважно воспою: ему все песни в дар!
 Богатый рощами, лугами и водами,

- Германец с новыми знакомит образцами.
 Кому, кому из нас быть может незнаком
 Лесистый Рейнсберг и озеро кругом —
 Искусств и храбрости, и славы там обитель!
 Потсдам, то мирных дней, то бурь военных зритель,
 Потсдам, столь памятный и миром и войной;
¹³⁰ Бельвю, где тихою плескает в брег волной
 Река, привыкшая в венки свой осоко́вый
 При торжествах побед вплетать венки лавровы;
 Гозов, гордящийся роц темных густотой,
 Ворлиц, гульбищ своих прохладой и красой,
 И Кассель, свежестью и негою богатый,
 Пенистые с холмов лиющий водоскаты?
 Земля, вода, леса, смесь гор, холмов, долин,
 Не предлагают нам нигде таких картин.
- В отчизне цесарей, вокруг древней их столицы,
¹⁴⁰ Кумир и памятник, чертоги и гробницы
 Меж тополей густых разметаны лежат,
 И о событиях минувших говорят.
 Обломки в видах здесь столь многих! Рим великой
 И в прахе кажется вселенныя владыкой.
 Пришлец, зашедший в сад, чудясь мнит, что он
 В палату редкостей волшебством заведён.
- Иберия, гордясь, Эскурнал поныне
 За пышность царскую, за древность чтит святыней,
 И превозносит нам Аранжуец хвалою;
¹⁵⁰ Но больше Идельфонс! Роскошствуя водой,
 Его ручей журчать, ключ бить не перестанут,
 Не опечалят лес и эха не обманут;
 Неистощимые — увеселяя взор,
 Во образе столпов, снопов, алмазных гор,
 Вверх воду с силою ужасною кидают,
 И гор отеческих вершины достигают.
 В сем замке пышностью Филипп обворожал,
 Версаль срисовывал — и с дедом спор держал.
- В Китае множество пленительных явлений,
¹⁶⁰ Картин, разительных противоположений,
 И грубых иногда, в садах встречает взор,
 И злато куполов, и пестрых стен фарфор,
 И страшное божниц, чертогов устроенье,
 Которых пышный блеск приводит в удивленье.
- Скажу ль об роскоши садов Турецких я?
 В купальнях мраморных красавицы себя
 Под водометами там в полдень освежают;

Княски их манят, иль рощицы прельщают;
 Лес розовых кустов у входа в грот возрос;
 180 Везде, всегда цветы: восток есть царство роз.

Под небом менее счастливым у Сармата
 Отчизна видами веселыми богата:
 Там блещет замок тот, где пышно Радзивил
 Великолепную Природу нарядил,
 Аркадия, где все прелестно — виды, зданья,
 Достойна своего прекрасного названья.
 Рассеянны искусств, Природы красоты,
 Пулава, счастливо одна вместила ты!
 Любимица богов, вокруг тебя чудесно
 190 Картины сельские расставлены прелестно;
 Богатство гордое, очарователь-вкус,
 Чтоб нарядить тебя, составили союз.
 Как пышно рама гор Пулаву окружает!
 Как над окрестностью полей повелевает
 Без стражи, без двора, уединен и сир
 Дворец, где обитал великий Казимир!
 Тропинки тайные, аллеи величавы,
 Зеленые холмы, луга, леса кудрявы,
 И виды собственны, и виды чуждых мест,
 200 Все нравится внутри, все нравится окрест.
 Представлю ль рощами вершины гор венчанны?
 Скажу ль, как дуб и кедр — лесные великаны,
 Ста зим свирепое стремление презрев,
 Хламьдой новою широкой стан одев,
 Как будто в юности цветущей зеленеют,
 От лет пригожеют и старясь молодеют?
 И Висла вокруг твоих покрытых злаком гор
 Широко разлилась, чтобы прельщать наш взор:
 Белеет для тебя под легкими судами,
 210 Объемлет острова, сверкает меж лесами.
 Вид восхитительный! Как вечера в лучах
 Рисуется в ея пылающих водах
 На чистом серебре, на чистом ярком злате
 Восходящая луна, и солнце на закате.
 Большой дороги там живой, веселой вид,
 И путник радостной, узрев тебя — стоит,
 Глядит — и уходит, в восторге, в удивленьи
 Уносит милое твое изображение.
 Попеременно взор манит издалека
 220 То лес твой, то ручей, то роща, то река,
 То колокольни шпиль, мостов огромны своды,
 Вертепы скруглены твои рукой Природы,
 Скалы устроены чертогами для глаз.

Но здания искусств равно пленяют нас:
В одном — призвав весну и обманув морозы,
Смеется ананас, благоухают розы;
Ряд мраморных столбов украсил их приют,
И запах изменя, вещает: Флора тут.
Другое мýзеум: книг, бронз. картин собрание,
²²⁰ Уму занятие, глазам очарование;
Быть может, те, кого Расин, Вольтер дивят,
Здесь и мои стихи улыбкой подарят.

Афины! Рим! Каким вас чудом вижу вместе?
По виду узнаю храм, посвященный Весте.
На страшной сей скале гремел Сивиллы глас,
Теперь уже давно рука ея для нас
На подвижных листках не пишет предвещаний,
Но здесь минувшее живет для воспоминаний;
Богатств Истории сокровищница там,
²³⁰ И храмом памяти достоин быть сей храм.
Там виден добрый царь и хищник царства рядом,
И подле Генриха Кромвель грозит мне взглядом.
Там зрю молитвенник Антуанетты я,
Оков Стuarтовых пугает звук меня,
Чета злосчастная! Об вас скорбим сердцами,
При вашем имени лиются слезы сами.
Близ храма, где веков минувших ряд лежит,
Другой — из разных мест обломков дивный вид...
Воображение! Будь ты путеводитель
²⁴⁰ Певцу твоих чудес туда, где посетитель
Зрит, как могущею рукой похищены —
Часть Византийския старинныя стены,
Шотландского дворца, Парижския ограды,
И храма, зверские свершая где обряды,
Кровь братий лил Друид на олтаре богов, —
Похищены с своих отеческих берегов,
И храм составили на сем им чуждом месте,
Дивяся власти их соединившей вместе.
Опустошением прославившийся Рим
²⁵⁰ В развалине между других развалин зрим:
Над Капитольскою скалою здесь мир отмщает!
Из сих обломков храм вселенну представляет;
Он лесу красоту величия дает,
И время дела рук своих не узнает.
В пустынном месте сем, внутрь рощи отдаленной,
Я приближаюсь к развалине священной;
Придите все сюда, кто любит жить душой,
Питаться горестью, беседовать с тоской;
Придите, вас давно с печальною улыбкой

²⁶⁰ Ждет Меланхолия под сей березой гибкой,
 Которая, главу на мавзолее склонив,
 И ветви до земли печально опустив,
 Восточной иве тем подобясь унылой,
 Роняет бледный лист и плачет над могилой.

А ты, создавшая здесь сад твоей рукой!
 Он нежный памятник и для тебя самой:
 Тебя он зрел — и тем гордится справедливо
 Супругой, матерью и дочерью счастливой.
 Здесь дочь твоя всему и жизнь и красота;
²⁷⁰ При ней прелестнее тебе сии места,
 И слаще в летний зной прохлада в поле дышит,
 И слаще ветерок поверхность вод колышет,
 И слаще для тебя лесов родная сень.
 В забавах сельских здесь проводите вы день:
 Хотя сады у вас отделены межою,
 Но счастье одно, и вместе вы душою.

Живописующий поля, я, может быть,
 Мог ваши бы сады потомству сохранить;
 Но счастливым себя и тем уже считаю,
²⁸⁰ Что именем в местах прелестных обитаю;
 Там камень в честь ему влечет к себе ваш взор;
 Там пляшут пастухи, гремит пастушек хор,
 И оживляет луг, где тих, уединенный,
 Стоит при ручейке мой памятник смиренный.

[У Россиян кратка прекрасная весна;*
 Но сильно действие небесного огня,
 И быстро, быстро зной за хладом наступает;
 Весна нисходит к нам, а к ним она слетает.**
 Старинные сады, мовархов славных их

* «Воейков приводит французский текст описания Делилем русских садов, — Ю. Л.» — Делиль, не имея достаточных сведений о состоянии Русских садов, сими красивыми стихами, совсем не принадлежащими к его предмету, отыгрывается и прикрывает свое незнание, так же как Вольтер в Истории Петра Великого смело повествует о древности и обычаях предков наших. Я не захотел переводить сего отрывка, как весьма неудовлетворительного для Руской публики. Я предлагаю здесь отрывок о лучших Руских садах, написанный мною, как легко усмотреть могут читатели, для соблюдения общего тона, от лица Французского Поэта.

Долженствуя соблюсти ту же краткость, с какою Делиль описывает славные дачи около Парижа, Русский переводчик очень жалеет, что не может сказать особенного о Павловском, о Царицыне, о славной даче графа Л. К. Разумовского Петровском, о даче графа П. А. Строгонова и о многих других садах, которые Природою и искусственными украшениями не уступают ни Английским, ни Французским, ни Итальянским.

** Как предполагается, что это говорит Делиль, то к нам значит к Французам, а к ним — к Руским.

290 Останки славные, почтенны век для них,
 Вельмож, царей, цариц святятся именами,
 И вкуса древнего им служат образцами.
 Увеселительный Коломенский дворец,²
 Где обитал Петра Великого отец,
 И где Великий сей младенец в свет родился,
 И в Вифлеем чертог царя преобразился;
 На берегу Москвы обширный сад, густой,
 Лип, вишен, яблонь лес, где часто в летний зной,
 Любя прохладу вод и тени древ густые,
 300 Честолюбивая покоилась София.*

Но императоров потешные дворцы
 Искусства нового суть лучши образцы:
 Волшебством созданный чертог и сад Тавриды,
 Где мило все внутри, где вокруг приятны виды.
 Чесма и Гатчино и дивный Петергоф,
 Жилище пышное героев и богов,
 Где Петр свой каждый шаг означил чудесами,
 Где море над головой, где море под ногами,
 Где с львовых челюстей кипящая река
 310 Из бездны мрачныя летит под облака
 И водометы всей вселенны посрамляет;
 Так царь величьем дел монархов превышает;
 Так быстро создал флот, полки, престольный град,
 Россию превратил в великолепный сад.

Забуду ли тебя, сад Царскосельской славной!
 Отдохновение жены, героям равной,
 Где не зарос ея любезный Россам след,
 Где каждый памятник есть памятник побед,
 Где эхо имя сей царицы не забыло?
 320 Но ах! Все пусто здесь, все мрачно и уныло!
 Увы, давно ли здесь дымилась олтари,
 Дивиться мудрости стекались цари?
 Давно ль гремела здесь Екатерины слава,
 И первую была Российская держава? **

Пример двора священ вельможам, богачам;
 Во всех родилась страсть изящная к садам:
 В Архангельском *** сады, чертоги и аллеи,

* В селе Софьино, в 40 верстах от Москвы по Коломенской дороге.

** Облака застлали было горизонт нашего отечества; но Российское солнце воссияло ярче прежнего. Теперь мы не вздыхаем ни о времени Петра Великого, ни о счастливых днях Екатерины Великой: век Александра есть век славы!

*** В 17 верстах от Москвы по Воскресенской дороге село, принадлежащее кв. Н. А. Голицыну.

Как бы творение могущей некой Фей,
 За диво бы почли и в Англии самой.
 330 Село Кусково,³ где боярин жил большой,
 Любивший Руское старинно хлебосольство,
 Народны праздники и по трудах спокойство.
 Люблино милое,* где легкой, светлый дом
 Любуется собой над серебряным прудом.
 Нескучное,** отколь с чертогами, с церквами
 Великая Москва лежит перед глазами
 С Кремлем, возвышенным во образе венца;
 Пред взорами Москва — и нет Москвы конца.

О Муза! Зрелищем роскошным утомлены,
 340 В деревню поспешим под кров уединенный,
 Туда, где Лопухин с Природой жизнь ведет,**
 Древ тенью Савинских укрывшись от забот;
 Не знаешь, в сад его вошед, чему дивиться,
 Куда скорей спешить, над чем остановиться,
 Сюда манит лесок, туда приятный луг;
 Тут воды обошли роскошные вокруг;
 Там Юнг и Фелелон, в дали кресты, кладбище
 Напоминают нам и вечное жилище
 И узы жизни сей; умеют научать,
 350 Не разрывая их, помалу ослаблять.
 Здесь памятник Гюёц,⁴ сея жены почтенной,
 Христовой ратницы святой и исступленной,
 Которая, сложа греховной плоти прах,
 До смерти, кажется, жила на небесах,
 Которая славна и у врагов закона
 Примерной жизнью и дружбой Фелелона.]

И наконец к тебе, цветущий Албион!
 Устраивать сады тебя учил Бакон;
 Мильтон и Поп ему стихами помогали;
 360 Вняв глас их, насыпи старинные упали;
 В негодовании ты равномер разбил
 И вольностью сады, как грады, подарил.
 Возможно ли исчезеть чертоги, парки, кущи,
 Долины злачные, луга, поля цветущи.
 Там, где роскошная царица пышных вод
 С веселым торжеством во океан идет,

* Прекрасная дача Н. А. Дурасова, недалеко от Перервы.

** Кто из Московских жителей не знает Нескучного? Кто не встречал там весны, не провожал лета?

*** *Савинское*, подмосковная сенатора И. В. Лопухина. См. «Вестник Европы», 1809 г., № 4.

Богатством вод и Ганг и Рейн посрамляя,
 И коей урна днесь есть урна роковая.
 Как я люблю Паркплас, где рощицы в тени
³⁷⁰ Посол царей весной проводит ясны дни;
 Пинчальль, пленяющий смиренной красотой,
 И Галлей сельскою прелестной простотою.
 Ливзгов, где Чинстон жил: все вспоминает здесь
 Поэзию, любовь, невинность и поднесь.
 И Бовтон, и Вокзали со вкусом насажденный,
 Законов данных им сам исполнитель верный;
 Богами сельскими и тот и сей любим;
 И оба смежные они один с другим,
 Хотя несходные наружной красотой,
³⁸⁰ Но как владельцы их согласны меж собою.

И ты, Чизвик, приди, живи в стихах моих!
 Ты волн сокровищей и сельских и градских:
 Смотрю ль из рощицы на красоты Природы,
 Или на здания, столпы и переходы,
 На чудо зодчества, огромный павильон,
 Который дерзостно Палладьем вознесён;
 Вхожу ль в палату я, где дышит холст и камень,
 Где Фландрия и Рим влияли в стены пламень,
 Где поражают взор картины красотой;
³⁹⁰ Но Девоншир их все мрачит одной чертой;
 Завидные места, для ней вы украшайтесь!
 Облаговоньте все, цветите, отеняйтесь.

Я назвал здесь сады, которым подражать;
 Но крайностей везде старайся убегать;
 Дух подражания бывает часто вреден;
 Изведай прежде, чем твой сад богат и беден,
 И к гению сих мест прибегнувши с мольбой,
 Прилежно сохраняй устав его святой;
 Ему всегда внимать, советовать с ним должно,
⁴⁰⁰ И безнаказанно презреть его не можно.
 Творя сады, или преобразая их,
 Наперекор ему артист без вкуса — в них
 И смешивает все, и все переставляет,
 И с помощью искусств Природу искажает.
 Печать отличия святыней почитай;
 Картины сельские рисуй и украшай
 Чертами красоты им свойственного рода:
 Природа лучше там, однако все Природа;
 Картина верная, хоть нет ей образца.
⁴¹⁰ Так Бергем⁶ и Пуссен, два славные творца,
 Умели выбирать и овладеть красами;

Над их бессмертными учись образцами,
И все, что живопись могла в Природе взять,
Садовник, поспеши обратно ей отдать!

Приступим к выбору земель и мест готовых
Принять благий устав твоих законов новых.
Прошли те времена, когда везде в садах
Искусство брань вело с полями на полях,
Срывало гор верьхи, овраги засыпало,
420 Отличные места в Природе искажало,
И живописный вид пригорков и долин
Преображало в вид бесчувственных равнин.
Век новый — вкус другой! Художники-тираны
Теперь везде творят пригорки и курганы.
Беги сих крайностей! Весь труд напрасен наш
Равнять и прорывать земли холмистый кряж;
И горка бедная над степью луговой
Огромной силясь быть, лишь кажется смешною.

Желаешь ли земли успешной для трудов?
430 Беги сих плоских мест, и вымоин, и ров!
Приятны высоты, где холм негорделивый
Над долом скатистым возносит верьх красивый,
Где плодоносный кряж земли не каменист,
И сух, а не пещан; высок, а не горист;
Идешь — и горизонт простерт великолепно;
Земля склоняется иль всходит неприметно;
Раздастся, сдвинется; на каждом шаге тут
Явленья новые приятно развлекут.

Пусть грубый землемер, компасом вооруженный,
440 Идет в свой кабинет, от сада удаленный,
Соразмеряя все, премудрый план чертит,
И пусть по правилам хороший портит вид;
А ты иди в свой сад; на белый лист бумаги
Снимай там сколки с мест, вид в даль, холмы, овраги;
Все затруднения умей предузнавать,
Предвидеть способы и средства приискать:
Чудотворения из трудностей родятся.

Бесплодный самый кряж готов повиноваться;
Бесплодный самый кряж узнает красоту.
450 Он наг — одень леском, кустами наготу;
Дремуч — с секирою вступиай ты в лес дремучий;
Болотист — выкопай канал иль пруд текучий;
Посредством твоего полезного труда
Очистится земля, и воздух, и вода.

Он сух — ищи ключей; нет способа инова;
Быть может, выступить вода уже готова.
Так я усилием напрасным огорчен,
Сухой подробностью предметов утомлен,
Счастливую черту нечаянно встречаю,
460 И в радости свой путь бодрее продолжаю.

К урокам высшим нам уж время поспешить,
Не взору одному — и сердцу говорить.
Познал ли ты между бездушными вещами
И одаренными душою существами
Невидимую связь? Внимал ли разговор,
Витийство без речей воды, лесов и гор?
Употреби же их. — Слиянье мрака с светом,
Величья с нежностью имей своим предметом.
Разнообразие для нас уж красота!
470 Чтобы величие, приятность, простота,
Для угожденья всем, в саду твоём менялись;
Чтоб живописца кисть и вкус обогащались;
Чтоб там почувствовал восторг в душе Поэт;
Чтоб в сад входили твой, оставя шумный свет,
Мудрец обдумывать, красавицы рвать розы,
Счастливым вспоминать, несчастливый лить слёзы.
Но дерзость зрим везде, ум здравый не всегда;
Желая быть остры — мы странны иногда.
Страшись, не связывай предметов ты несвязных,
480 Ты сделаешь хаос вещей несообразных.
Все части целого обдумай не спеша;
Та только истинно картина хороша.
В которой видим связь, совместность и возможность:
Противоречие не противоположность.

Большое полотно готовь для сих картин!
Не должно скал, озёр, холмов, лесов, долин,
Без вкуса помещать в пределах рамы тесной;
Карикатурою твой будет сад чудесной
На сильные черты, блестящи красотой,
490 Природы смелою разбросанной рукой;
Нельзя всех видов вдруг представить на картине,
И область целую вместить на десятине.
На место множества запутанных таких
Предметов, выбери ты лучшие из них;
Разнообразь, дела, сближая, отдаляя,
И в двадцать видов вид один преображая,
Знай любопытный глаз привлечь, воспламенить,
И тайно действуя, внезапно поразить;
Чтоб украшения со вкусом размещались,

- 600 Не слишком крылись, или в глаза бросались.
 В картине действие потребно — без того
 Задремлет праздный ум: оно душа всего.
 На мертвые поля взираем мы без чувства.
 Опять возьмем в пример изящные искусства,
 И станем замечать, как живописца кисть
 Одушевляет холст, вливает в краски жизнь.
 Предметы движутся на полотне недвижном:
 Там ветер ломает лес в стремлении порывном;
 Вот вьется дым из труб; там слышен бури свист;
- 510 Тут овцы с яблони ощипывают лист;
 Там пляски пастухов, свирели, хороводы:
 Вот жизнь, вот действие! С согласия Природы
 Садите и кусты и гордые древа;
 Пусть колыхается от ветров их глава;
 Прохладную их тень в садах вы берегите;
 Железу оскорблять Природу запретите;
 Она творит и дуб и вяз красой лесов;
 От корня до сучков, от ветвей до листов,
 Все гибче, гибче их она образовала.
- 520 И рощу, как реку от ветров, взволновала.
 Я зрю невежество с секирою в руках...
 Бегите, Нимфы рощ!.. Нет помощи... О страх!
 Неумолимые срубили верьх красивый!
 Не видно, не слышать, как ветерок игривый
 Перебирается сквозь ветви их, жужжит,
 И негой утомясь, на их листочках спит.
 Однообразные, недвижные и мертвы,
 Деревья прихоти бездушной стали жертвы.
 Вид сельский есть ландшафт: пусть гордый лес шумит,
- 530 Пускай струится луг, пускай тростник звенит;
 Все, все бездушное в садах одушевите,
 И даль предметами живыми населите.
 Пусть водопад ревет, пускай журчат ключи,
 Пусть вьются по траве игривые ручьи.
 Все живо! Синий луг, уступы гор с кустами
 Пестреют, движутся, красуются стадами.
 Я вижу, как коза на крутизне скалы
 Висит на воздухе меж неба и земли;
 Я слышу рев быков, овец, ягнят бляенье,
 540 Зык рога по горам и эха хохотанье.⁶
 На жирной пажити, где ключ с холма бежит,
 Колена подогнув дебелий бык лежит;
 Меж тем ретивый конь, строптивый, разъяренный,
 Трезубцем — гордый зверь — для браней порожденный,
 Играет вокруг него, бодр, силен и красив;
 Или бежит к реке — и с розмаху вскочив,

Струи знакомые с храпением возмущают;
Иль гриву длинную по ветру распускает,
К любовницам своим на паству он летит;
560 Трясется тучный луг от топота копыт;
Глаза его горят, и дым с ноздрей клубится.
Летит — исчез; но взор мой в след за ним стремится.
Так вы безмолвное пространство населя,
Одушевили все: пустынные поля,
Дубравы мертвые в туманном отдаленье,
Все ожило у вас, и все пришло в движенье.

Желаешь ли ты глаз сильнее очаровать?
Движенью надобно свободный вид придать:
Не означать нигде границы точной саду;
560 Сломать или закрыть от нас его ограду.
Очарование с надеждою живет,
И пред оградою прекрасных мест умрет.
Стена вселяет грусть и даже раздражает.
Уже гуляющий в саду воображает,
Что скрыла новые явления она,
Что живописней там Природа быть должна;
И негодует ум на цепь, которой скован,
И опечаленный мой взор разочарован.

Когда и славою и всех торжеств душой
570 У предков наших был кровавый только бой,
Для безопасности в то время рвы, бойницы
Из замков рыцарских соделали темницы;
А нам что пользы ров и башня принесет?
Страх стены изобрел, а гордость бережет!
Оне стесняют вид, печалят наши взгляды,
И я им предпочту иглистые ограды,
Зеленые валы, где робкою рукой
Срываем дикий терн, шиповник полевой.
Перелетим скорей от скучного забора
580 В других прекраснейших местах искать для взора
Неограниченных преградами картин!
В сем роде образец Эрменонвиль один.
Доселя дикие поля в сады вступали;
Теперь, теперь сады в поля вступать уж стали.

Сидя на высотах, отколь объемлет взор
Рассланные поля, необозримость гор,
Природа Гению сокровища вручает,
Их пышность дикую дав обозреть, вещает:
«Богатствам грубым сим не достает души;
590 Мой труд не совершен; иди и доверши!»

Скопчала — он летит в леса и доли спящи,
 Преображает все, льет дух животворящий;
 Одно соединил, другое разделил;
 Иное выставил, иное же сокрыл;
 Там он раздвинул лес, а здесь навесил тени,
 И душу дал всему; — но сей художник — Гений,
 Как волхв невидимый глазам умея льстить,
 Не смеет нового в садах своих творить;
 Он только старое с разбором поправляет,
 600 Черты, Природою начатые, кончает.
 Велит — и мрачное стремнистых гор чело,
 Липшившись ужасов, улыбкой расцвело;
 Покрылся цветным ковром пески сыпучи;
 Велит — суровый вид теряет лес дремучий,
 И на воды склоняясь, в их зеркало глядит;
 Велит — падут древа, — открылся новый вид;
 Ручей не ровно тек — он бег его исправил,
 Прочистил озеро, и бить ключи заставил.
 Велит дорожкам он резвиться и бежать,
 610 Сходиться, путаться, искать, соединять
 Далеко по саду разбросанные части,
 Которые досель неведомой им власти
 Всеобладающа искусства покорясь,
 Друг с другом сладкую почувствовали связь,
 И прежде чуждые — составили едину,
 Великолепную, всецелую картину.

Но ежели страшат такие вас труды,
 Заглянем хоть на час в старинные сады!
 Что мы увидим в них? Решетки золотые,
 620 Пустые утвари, строенья мелочные;
 Поверь, что уголок дорожке стоит там,
 Чем будет целый сад обширный стоять нам.
 Ничтожный, жалкий блеск! Тебе сокрыться должно:
 Искусство ложное пред истинным ничтожно.
 Уж скоро Францию глаза мои узрят
 Преображенную в Эдемской вертоград.

Еще желал бы я вам дать урок пространный,
 Как приготовить вид, или открыть нежданный;
 Но два соперника, два способа садить
 630 Сады, зовут меня их долгий спор решить:
 Один представит нам порядок, пышность, стройность,
 И в украшении холодную пристойность;
 Наряды чуждые присвоивший полям,
 Древам дает закон, оковы шлет водам,
 И гордый царь рабов блистателен, опрятен,

Он величавее, но менее приятен.
Другой, почтительный любовник, с простотой
Природу нарядив бесхитростной рукой,
Все милые ея привычки сохраняет,
640 И благородную небрежность уважает;
Умеет странности в красу преобразовать,
И случай действием обдуманым являть.
Кто прав, Ленотр иль Кент, решить я не умею,
Дать преимущество ни одному не смею:
Сей любит роскошь, блеск; тот рощу, луг, ручей;
Один для мудрецов, а этот для царей;
У каждого свой вкус, законы и пределы;
Различны свойства их, различны и уделы.
К великолепию цари осуждены;
650 Их всемогуществом умы воспалены.
Народ вокруг трона их ждет алчными глазами,
Чтоб блеском роскоши, художеств чудесами
Очаровал монарх, свою прославил власть,
И к пышным зрелищам его насытил страсть.
Искусству покорять дозволим мы Природу;
Но похититель сей, отняв ее свободу,
Под блеском пышности обязан власть сокрыть,
Великостю дел прощенье заслужить.
Прочь скучные сады и жалкие безделки!
660 Владелец скучный их, хваля талант свой мелкий,
Беседки крытые показывает нам,
Подводит с торжеством к обстриженным деревьям,
Чертеж свой правильный переменить не смея;
Там древо с деревом, с аллеєю аллея,
Дорога у шнура в неволе злой всегда,
Узорчатый цветник и тощая вода,
Кустарники — шаров, животных образ страшный,
И деревянные вокруг пруда истуканы.
Пусть скудной роскошью гордится он в садах,
670 Я более найду приятности в полях.
Далеко от таких смешных садов и здалий
Перелетим теперь в страну очарований,
В богатую Версаль, в смеющийся Марли,
Достойные от нас восторгов и хвалы;
Природой, Людвигом, искусством сотворенны;
Там смелость с пышностью Искусств соединенны,
В обворожении все представляют нам;
Великолепные сады Альцины там,
Или Армидины чертог и вертограды,
680 Обитель роскоши, и неги, и прохлады.
Нет, это не мечта! Зрим въяве пред собой
Тот замок, те сады, в которых царь-герой,

Ни с кем и в отдыхе действительном несходный,
 Всегда возвышенный, повсюду благородный,
 Пылает страстию препятствия побеждать,
 И чудесами трон блестящий окружать.
 Взгляните — и земля, и воды, и дубравы
 Приемлют от него с покорностью уставы.
 Двенадцать дивных там чертогов вознеслись,
 690 Деревья, зеленью венчая их, сплелись;
 Лес старческой главой и ветвями колышет.
 Сюда взгляните — медь бесчувственная дышит;
 Там реки, вырвавшись из подземельных труб,
 Висят и падают, свиваясь в пенный клуб.
 В каналах с роскошью обделанных сверкают;
 То пеленой струи прозрачной расстилают,
 То снежным встают ко облакам столпом,
 И чистым солнечным воспламенясь огнём,
 Вниз сыплются уже в блестящих изумрудных,
 700 Рубиновых, золотых, сафирных каплях крупных.
 Когда в палатый зной спеша укрыться в тень,
 Я углубляюся лесов дремучих в сень,
 Встречаю в чаще дров то Фавна, то Сильвана;
 Венера милая и скромная Диана
 Присутствием дают жизнь новую лесам:
 Здесь каждый мрамор — бог; лесочик каждый — храм.
 Здесь Людвику отдыхал от битв, побед гремящих,
 И мнилось, весь Олимп на пиршествах блестящих
 Роскошно угощал: вот торжество Искусств!
 710 Но устаёт душа от напряженных чувств.
 Рукоплескаем мы, когда, перед собором
 Народа, возгремя высоких слов набором
 И мыслей пышностью Оратор нас дивит;
 Но краток сей восторг и скоро утомит;
 Я от Оратора поспешно удаляюсь,
 И к тихой дружеской беседе возвращаюсь.
 Так бронз и мраморов скучает блеск пустой,
 Тщеславья пышною рассыпанных рукой;
 Но воды, но луга, но свежих рощей кровы
 720 В невинной роскоши всегда для взоров новы.

Любите ж простоту в садах! Благий творец
 В Эдеме первый нам оставил образец.
 Мильтон изобразил прекрасно, как зиждитель
 Для первых четы готовы сам обитель,
 Прямых и правильных дорог не пролагал,
 И вод свободного разлива не стеснял.
 Младенчество земли, весна в прелестном цвете
 Не представлялись там нигде им в чуждом свете;

Природа чистою и нежною рукой
⁷³⁰ В цветы и зелень трав оделась с простотой.
 Полянок и холмов приятное смешенье,
 Вод независимых веселое течение,
 Небрежность милая, запутанность тропин,
 И поразительность нечаянных картин, —
 Взор выбором красот приятно затруднили,
 Разнообразили восторг и продолжали.
 Коврами на дугах цветы и мурава:
 По ним высокие и стройные древа
 Свои волнистые уборы раскидали,
⁷⁴⁰ Вкус, обаяние и взор очаровали,
 То станут кучкою, то разойдутся в луг;
 Бегут друг за другом, встречаются, и вдруг
 Неожиданно откроют вид далёкой;
 То ветви опустя и разостлав широко,
 Задерживали их преградой такой,
 Иль вязью легкою висели над главою,
 Иль сыпали цветы на них идущих мимо.
 Леса кустарников в чаще непроходимой
 Беседкой, сводами, навесами сплелись,
⁷⁵⁰ И сладострастные друг с другом обнялись.

Здесь Ева, грустию томимая безвестной,
 Здесь руку отдала с беспечною прелестной
 Супругу юному, — и розы на щеках
 Блеснули как рассвет на тихих небесах.
 Их брак был торжеством для целыя Природы:
 Свод неба просветлел, живей журчали воды;
 Земля от чистых их лобзаний потряслась;
 Зефиры легкие, из грота в грот носясь,
 Их вздохи страстные кругом передавали;
⁷⁶⁰ Деревья весело ветвями помавали,
 И роза, красотой пленяющая взгляд,
 На ложе брачное струила аромат.

Блаженная чета! Счастливая обитель!
 Благополучен тот, кто, мирных благ любитель,
 Забыв тщеславия о гибельных мечтах,
 Невинный, радостный, живет как вы в садах,
 И разнообразными роскошествует цветами,
 Зеленой муравой и сочными плодами.*

* Переводчик не рассудил за благо переложить большого отрывка после сего стиха, к первой песни Делилем прибавленного. В первом издании песнь кончалась на сем стихе; прибавление не имеет ни пиитического жара, ни отделки, которою стихи сего Поэта отличаются. Особенно же оно слабо после описания Версали и Эдема.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

О если б голосом и лирою моей
 Я двигать мог леса и горы как Орфей:
 Мне липа, яблонь, кедр и сосны бы внимали;
 Но силу прежнюю Поэты потеряли,
 Не внемлют горы им, не движутся леса;
 Искусство и труды творят лишь чудеса.
 Искусство насаждать деревья научает,
 Дарит им красоту, плодом обогащает.
 Древа приятностью листов, цветов, плодов —
¹⁰ Роскошнейший убор и благодать садов —
 Сколь много образов они приемлют разных!
 То пышностью сучков пленяют безобразных;
 То стана гибкою и стройной вышиной;
 То величавостью, то скромной красотой.
 Дрожат от зéфира, иль мощны, коренисты,
 Спокойно вокруг главы внимают ветров свисты.
 Шероховата ль их поверхность иль гладка,
 Сучки пригнуты ль вниз, стремят ли в облака,
 Переменяя рост, плоды, цвет листьев, тени,
²⁰ Протеи свойствами они между растений.

Искусство должно здесь богатства почерпать;
 Вкус запрещает их без цели расточать.
 Лесов различный вид, округлость, протяженье
 Явлений разностью пленяют наше зренье;
 Широко стелет тень необозримый лес;
 Из малого числа отборнейших древес
 Художник рощицу приятно образует;
 По зелени из клумб узоры он рисует;
 Иль смелой новости примеры подает,
³⁰ Выводит дерево на чистый луг вперед,
 И там оно одно все поле украшает.
 Так, если вид полей вид браней вспоминает,
 Так грозно воинство по манию руки
 Делится, строится в дружины и полки,
 И впереди рядов, надежный битв решитель,
 Стоит осанистый и гордый предводитель.

Для рощиц, клумб, лесов особенный закон:
 Бродящие древа искусство гонит вон,
 Воспринимает их в свои сады Природа.
⁴⁰ Случайность мудрая, счастливая свобода,
 И беспорядок их порядочный пленит.
 Дай древу каждому особый возраст, вид,

И расстояние меж них назначь различно.
 Всегда за красоту, за стройный рост отличной,
 Для одиночества деревья выбирай,
 А безобразные в густой толпе скрывай.
 Когда же дуб чело почтенное подъямет,
 Иль явор на холме, маститый старец, дремлет,
 Из уважения ко прадедам своим
⁶⁰ Все племя одаль став, уступит место им.
 Так одинокие древа в полях прекрасны,

Но клумбы более еще разнообразны.
 Здесь выбор тонее и вкус еще нежней:
 То больше, меньше дров; то реже, то густей,
 Семейства братьев сих прелестны в отдаленье!
 Вот средство каждый вид и каждое явление
 В различных видах нам и красках показать;
 Соединять, делить, сближать, отодвигать,
 И над картинами роскошных отдалений —
⁶⁰ Завесой свертывать, развешивать их тени.
 Священные леса, благословляю вас!
 Уж к трепету людей гремющий Барда глас
 Не потрясает днесь вертепов, сводов темных,
 Убежища певцов, восторгом вдохновенных;
 Под вашу тень спешу, чтоб нежною рукой
 В вас тесно сочетать убранство с простотой;
 Искусством новый вид дать прелести природной,
 И вместе сохранить ваш милый вид, свободной.

Леса все образы готовы принимать;
⁷⁰ Но украшая их, страшитесь исказить.
 Смотрите, там древа раскинулись шатрами;
 Там бледные лучи прокрались меж листьями;
 Тут свет сражается с приятной темнотой;
 Здесь челами древа склонились над водой;
 Здесь разбрелись они, ветвями помахают,
 Как будто издали друг друга призывают;
 Вот вместе, вот они друг с другом обнялись,
 И вдруг как будто врозь опять уж разошлись.
 Природа нам урок прекрасный и великий!
⁸⁰ Но образуя лес природно-мрачный, дикий,
 Все сильные черты потщитесь сохранить
 И мелочных убранств нигде не поместить.
 Единство, полнота, да будут свято чтимы,
 Да будет прост, велик сей лес необозримый!
 Потщитесь хитростью своею удержать
 На нем величия высокую печать.
 Люблю седые пни; хочу, чтоб воды яры,

Шумя по рытвинам, свергались в крутояры;
 Оставьте по лесам глубокие следы
 90 И времени, и бурь, и ветров, и воды.
 Пускай меня страшит вид грозный скал висящих!
 Оставьте! Пусть в местах, величием блестящих,
 Все дышит дикою и гордой красотой.

Но что, — мрак пустыни нам ужасов виной?
 Вот признак тайного жить в обществе влеченья!
 Воздвигните в лесу вы храм благотворенья:
 Недужный в нем елей, бездомный кров найдет,
 И пустыня как рай пред вами расцветет.

Бывают бури царств, порывы те народны,¹
 800 В которые граждан выбрасывают волны
 На чужеземный брег с берегов отчизны их;
 Возможно ль не скорбеть о несчастливцах сих?
 Ах! Плачьте, но своей хвалитесь судьбиной;
 Нежнейшей всех других в садах своих картиной
 Конечно будете обязаны вы им.
 Отдайте уголок в лесу пришельцам сим;
 Чертогам хижины противоположите;
 Страннопримством лес пустынный освятите.

Хвалитесь, если к вам из отдаленных мест
 800 Придут отшельники, несущи тяжкий крест,
 Которые дотоль храм божий украшали,
 Страданья вольные от света сокрывали;
 Последователи Рансея и Брюно,
 Для настоящего умершие давно,
 Между раскаяньем и сладким упованьем,
 В мир лучший, в горний мир устремлены вниманьем.
 Молите сих отцов, и дайте тихий кров
 Сим гражданам небес под сению лесов.

Молва расскажет вслух о жительстве пришельцов:
 820 Со всех сторон толпы жен, старцов и младенцов,
 Святых гостей туда придут посетить;
 Богатство нищету придет навестить;
 Веселье муки зреть, гордыня зреть смиренье.
 Вы сами, полюбя лесов уединенье,
 Чертоги пышные оставите для них;
 Придете сладкий мир вкусить в беседе их;
 Разочаруете здесь сердце обольщенно,
 Мечтам и суете мирской поработченно.
 Мир низок будет вам — там воздух заражен
 830 Дыханием страстей, — ваш лес для вас священ.

Там познакомитесь с суровым воздержаньем
Пустынножителей, и с вечным их молчаньем.
Там покаяние, чуть движуще рукой,
Вас встретит с заступом, в одежде гробовой:
Оно заранею могилу изрывает,
И смерти не страшась, ее предупреждает.

Сходящу благодать почувствует земля!
За радость ваших дней, за жатву, за поля,
Воздеты руки их к правителю всеенной —
¹⁴⁰ И Бог, молитве вняв безмолвной и усердной,
Небесной милости прольет на вас лучи.
Когда ж затеплятся надгробные свечы,
И ночи тишина обширная прервется,
И всенощной мольбы на небо понесется
Перерываемый, протяжный, тихий глас,
Быть может, гимны их растрогают и вас;
Завидуя слезам, прольете слезы сами
Перед Христовыми святыми олтарями;
И телом на земле, а духом в небесах,
¹⁵⁰ Возжете фимиам хваления в сердцах —
И облеснет восторг лик иноков молящий; —
Тогда лес примет вид не столь уже грозный.
Необитаемость его вы населив,
Умеря ужасы, безмолвье оживив,
Вдруг наслаждаетесь лесов очарованьем,
И счастьем добрых душ — святым благоденьем.

Смирнее лесов — роскошнее, нежней,
Нам роща развернет картины веселей;
Приятных ищет мест, округлостей слианных;
¹⁶⁰ Пойдет, воротится — и заблуждает в дальних
Излучинах долин — по дерну, по цветам;
Дает свободный путь извивистым водам,
И мнится, праздности в счастливом упоенье,
Там Эпикур дает урок о наслажденье.

И в рощи и в леса — сколь ни были б они
Богатством внутренним красот наделены
И негой дышащих и грубых — но потребно
С разнообразием и вкус призвать волшебной;
Он вождь его равно в искусстве сочинять,
¹⁷⁰ Как и в искусстве сад садить и украшать.
Разнообразие, сердца людские зная
И их пристрастия к пременам угождая,
Всегда является с стеклом своим в руке,
Показывает всю вселенную в райке,

- Меняет свет и тень, пестрит, чертит, стирает,
 И сто картин в одной картине представляет.
 Пусть будет человек, создания венец,
 Твоим созданиям верховный образец:
 Какие красоты глава его являет!
- ¹⁸⁰ В ней, мнится, все творца величие сияет!
 Чело, престол души невидимой — оно
 В овал искусною рукою скруглено;
 На нем под темною власов кудрявых сенью
 Смесь яркой белизны с пленительною тенью;
 В очах собирается блистание лучей,
 Над ними две дуги сенистые бровей;
 На свежей розе уст, жемчуг зубов блестящий,
 И нос приятною чертой лице делящий,
 И круглость нежная и нежный цвет ланит,
- ¹⁹⁰ И стройность гибких рук и ног могущих вид,
 И беглых пальцев ряд и сходство их и разность —
 Единство целого — в частях разнообразность.
 Вот образец! Твори создателю во след!
 Чтоб взор, летающий с предмета на предмет,
 Без утомления всечасно наслаждался,
 И одновидным лес нигде бы не казался.
 По выкройке одной лесов не размеряй,
 Край в ответственность другому не скругляй,
 Да стены зелени, печальный вид забора
- ²⁰⁰ Не закрывают их больших семейств от взора;
 Хочу их в рощицах зеленых осмотреть;
 Хочу различный вид деревьев различных зреть.
 Одни из них красой цветущи, в летах зрелых;
 Другие ж дряхлые и в летах престарелых;
 Одни ползущие и низкие всегда;
 Другие, соком их питаясь без труда,
 Тиранствуют в лесах по праву благородства:
 В их нравах, возрастах и видах много сходства
 С летами, правами и жизнью людей.
- ²¹⁰ При зрелище таком приятно ль для очей
 Бездушную дерев в аллее стену видеть,
 Где нечего им ждать, где нечего предвидеть?
 Разнообразие, утеха глаз, приди,
 И жалкий угломер разбив, освободи
 Природу, скованну позорными цепями.
 Смешеньем счастливим заливов с ручейками
 Излучистых лесов опушку нам укрась.
 Однообразием наскуча, утомясь,
 Взор ищет, взор спешит найти конец отрадной;
- ²²⁰ Напротив же он здесь перебегаёт жадно

Волнообразные округлости лесов;
В бесчисленности сих извивов и кругов
Играет, путает, от сгиба к сгибу бродит,
Теряется в кругах — и с ними вон выходит.
Встречая новые премены каждый шаг,
И длинный ряд картин, разбросанных в лесах,
Он с наслаждением на каждой отдыхает.
Лес кольцами края свивает, развивает,
И, кажется, совсем границы позабыл.
²³⁰ Уже и абрис ты для леса начертил:
Тебе пожертвовать древами вкусу должно;
Согласен я на то; однако осторожно
И с бережливостью руби не спешно их;
И помни, что уже прохладных теней сих
Не можешь ты купить на все свое именье:
Древа суть трудное время произведешь.

Неблагодарный их владетель иногда
Секире предает без нужды, без стыда.
Повержены древа на матернее лопо.
²⁴⁰ Умерщвлены! . . . Уж кров покинули зелёной
И скромная любовь и сладкие мечты.
Не прикасайся к их главам священным ты,
О святотатец! В их сенистые беседки
Дышать прохладою твои ходили предки;
Здесь игры сельские, и пляски, и свирель,
И время самое щадило их досель.
Ах! Скоро без тебя древа изнеможенны
Падут безжалостным железом посеченны,
И юным отраслям места свои отдав,
²⁵⁰ Увидят с горестью честь благородных глав
Лежащую в пыли, попранную стопами.

Версаль, столь гордая высокими лесами,
О чудо славнаго царя, Ленотра, лет!
Топор в твоих лесах, последний час их бьет...
О грусть! Сии древа, до облак возвышенны,
Скрыпя, шатаясь, при корне пораженны, —
Великолепными главами пали в прах.
Аллеи далеко завалены в садах,
Аллеи пышные, над коими цветущи,
²⁶⁰ Скруглялись сводами, образовали кущи,
И сумрак вечера раскидывали днём
Над Лудовиковым увенчанным челом.
И нет уж сих лесов с их тенью сладострастной!
Торжествовали все искусства здесь согласно
Победы мирные в обители прохлад,

Сладчайшие побед военных во сто крат.
 Амур! Куда исчез сей лес очарованный,
 Где гордость пышная томилась Монтеспаны?
 Амур! Где тот навес сенистый и густой,
 270 В котором милая и нежная душой,
 Едва надеяться, едва мечтать дерзая,
 Подругам Лавальер страсть тайную вверяя,
 Любовника в восторг внезапный привела,
 Когда своей души любимцем нарекла?
 Все гибнет, все падет! Из рощи опустелой,
 Смотрите, вон летит хор птиц осиротелой;
 От стука топора все гости сих лесов,
 Которые, гордясь, под тихой мглой листов,
 В убежище царей любовь и радость пели,
 280 Из охладевших гнезд с печалью улетели.
 И боги, коими резец искусный здесь
 И рощи населил и бесконечный лес,
 Завесой зелени доселе покровенны,
 Прискорбные, своих обителей лишены,
 Увидя свой позор, оплакивают вас,
 Навесы темные! — Страшась нескромных глаз,
 Венера самая немного изумилась,
 И наготы своей впервые устыдилась.
 Раскινήтесь, сад пустой спешите заселять,
 290 Младые отрасли! Спешите вырастать.
 А вы, утештесь, дожив кончины века,
 Деревья дряхлые. зря бренность человека!
 При вас погиб Корнель, Тюрень и Лудовик;
 Жизнь ваша — полный век; а наша — краткий миг!

В то время, как скорбя лесов об истребленье,
 Мой глас хотел сердцам вдохнуть к ним сожаленье,
 Какой спасительный, утешительный слух
 Внимает, радостен, старинных сеней друг?
 О будь благословен твой дар животворящий,
 300 Ты силу новую древам недужным давший!
 Душистая смола бескожный пень мягчит,
 И возрожденный сок с усилием бежит,
 Побегу новые и отпрыски пускает,
 Весне ее венки, тень рощам возвращает.
 Древ обнаженное, печальное чело
 В зеленых кудрях вновь красою расцвело;
 Превознося твою могущественну ревность,
 Пленяет юностью, уважено за древность.

Счастлив, кто старый лес в наследство получил;
 310 Не менее счастлив тот, кто сам древа садил

И сада чертежом старинным не был связан;
Он скажет так как Кир: «Я всем себе обязан!»
Их первую весной он сладко восхищён,
Их первые ростки благословляет он.
Так сотворен Пирфильд! И рощи над берегами
Новорожденными склонились ветвями.
Так Ева юная, прелестный мира цвет,
Ишедшая из рук, из коих вышел свет,
Пред ясным зеркалом воды остановилась,
320 И с тайным трепетом сама себе дивилась.
Уже древа бегут долины отенять,
Струиться на холмах, утесы одевать,
И добрым делом рук довольный и блаженный.
Создатель роц возлег под их покров зеленый.

Художник истинный! Твой жребий быть творцом,
И к наслаждениям итти своим путем.
Тебе ли в след другим робея пресмыкаться?
Терпеньем надобно и здесь вооружаться;
Останови труды; обдумывай еще;
330 Поспешность свой венец сулит тебе вотще.
Как живописец кисть нескромну отлагает,
Картину мысленно сперва начертавает, —
Так ты в уме чертеж обдумай, нарисуй;
Так силу видов, мест, хвалений испытуй,
И красоту лесов, нависших с гор высоких,
И пышность роц, в полях разбросанных широких.

Сродство и образов и красок наблюдай,
Недружные заметь и дружные узнай.
Так ясень, ветви вверх густые распутивший,
340 Не сходен с ивою, вниз ветви наклонившей;
Так зелень тополя дубовой не под цвет;
Искусство дружески им руку подает,
И третье дерево к посредству приглашая,
Мирит их неприязнь, мир сладкий заключая.
Так тени подобрав Вернет своей рукой,
Мирит враждебные две краски меж собой.

А ты, всех прежде ключ к сим тайнствам открывший!
Свой холм различными древами насадивши,
Ты постепенностью теней озеленил,
350 Лоррена провзошел, Природу победил;
Законы объясня своей науки новой,
Ты правила нам дал и к ним урок готовой;
О, наслаждайся же плодом своих трудов,
И сохрани в душе надолго мир лесов!

Я слышу сердца глас пророческий и верный,
 Что некогда с полей неволью увлеченный,
 Важнейший при дворе твй подвиг совершишь,
 И ветвь от корени драгова возрастишь.
 Да будет милый сей младенец тих, незлобен;
³⁶⁰ Да будет он во всем родителю подобен;
 Да не постигнет ввек сей нежный, юный цвет
 Ни дуновенье зла, ни вихрь ужасный бед...
 Но между тем лесов окончи украшенья!
 А ты прими сии во благо наставленья,
 Отливы зелени старайся замечать,
 Чтоб лучше цвет к цветам, тень к теням подбирать.

Учись тому тогда, как осень увядает
 И томною рукой венков свой украшает:
 Какой богатый вид, величие и свет!
³⁷⁰ Оранжевый, золотой, багряный, алый цвет
 Льют великолепный блеск с сенистой древ вершины;
 Но, ах! Сей яркий блеск предтеча их копчины.
 В подлунном мире сем равен судеб закон
 Для древ и для людей! Уж скоро Аквилон
 Деревья обнажит своим дыханьем бурным,
 Туман расстелется по небесам лазурным;
 От ветров хрупкий лист в полянах зашуршит,
 Мечтателей в саду приятно устрашит
 И шумом выведет из думы их унылой;
³⁸⁰ Но разрушение такое сердцу мило.
 Когда к печали я судьбою осужден,
 Воспоминанием прошедшего смущен,
 С Природой горестной я горесть разделяю,
 И в общем бедствии отраду обретаю.
 Один с тоской моей брожу туда, сюда;
 Дни юности прошли как сладкая мечта,
 И ревность унесли, и радости с собою!
 О Меланхолия! Приди грустить со мною,
 Приди не с страшным ты, нахмуренным челом,
³⁹⁰ Как скорбь ужасная; приди в подобьи том,
 Как улыбается осенний день румяный,
 К нам прозирающий сквозь синие туманы;
 Чтобь спокойствие я видел на челе,
 Полузакрытый взор, на коем дума в мгле,
 Глаза готовые печаль делить с друзьями,
 И сердце облегчить горючими слезами.

Так я питал в душе печальные мечты,
 Как вдруг цветущие семействами кусты
 Предстали пред меня прелестны и кудрявы.

⁴⁰⁰ Простите, о дубы! О кедры величавы!
Прости обширный лес! Прости дремучий бор!
Теперь кустарники смиренные мой взор
Плени красой цветов, кудрей, оттенков, глянца,
Зовут меня к себе. Спешу, народ красавцов!
Чертами нежными сады украсить нам;
Вы краткий переход от дерева к цветам.
Когда б я не спешил к предположенной цели,
Вы надолго б меня остановить успели:
С какой готовностью я вам бы помогал,
⁴¹⁰ Прямил ваш гибкий стан и ветви расправлял;
С какою радостью под вашими теньми
Провел бы ручейки своими я руками;
То ветви сводами, то кущей бы согнул;
То лозы вокруг дубков зеленых обогнул,
И воображал бы зреть в картине этой милой
Эмблему красоты, соединенной с силой.
Я ваши краски бы смешал одну с другой,
От белой, розовой до темноголубой;
Разнообразил бы, как можно, наслажденья,
⁴²⁰ Чтоб пресыщенный взор избавить утомленья;
С завистной ревностью и ваши бы цветки,
И ваши чашечки, и ваши бы верхи
В блистательных моих ландшафтах съединились,
И Ван-Гюйзюмовы б картины постыдились.

А ты, кого творец с избытком наградил,
Чьей власти пышные кустарники вручил!
Рассаживай древа узором им приличным;
Дары их разделяй по временам годичным,
Чтоб каждое в чреду нам дань свою несло,
⁴³⁰ И года зрели б мы всегда в цветах чело.
Твой сад по временам свой образ пременяет;
Что месяц — то своя в нем роща расцветает;
Что роща — то своя особая весна;
Как птичка чуть мелькнет, и пролетит она.
Тогда мы к хитрости прибегнув в огорченье,
Получим от нее себе вознагражденье.
Весной отцветшие деревья и цветы
Не потеряют тем блестящей красоты:
Так Хлоя, наряжая искусною рукою,
⁴⁴⁰ И в зиму лет своей прельщает красотой.

Но Небо, несмотря на лютый зимний хлад,
Не всех лишило нас приятностей, отрад;
Деревья многие одежду сохраняют,
Суровость вьюг, снегов, морозов презирают.

Наследства не совсем зима отчуждена:
 Чернокудрявая, смолистая сосна,
 И терн светящийся, иглами вооруженный,
 И лавр божественный, сей лавр всегда зеленый,
 Отраду льют земле, за смерть Природы мстят.
⁴⁵⁰ Смотри, как с зеленью смешавшись блестят
 Кораллом почки их, плоды цветут багрянцом;
 Все краски собраны, покрыты ярким глянцем.
 Милее зелень их среди пустых полей —
 И неожиданность нас трогает сильней.
 Такие деревья сад зимний украшают,
 В тени их в ясный день морозы забывают.
 Зимой, когда земля везде обнажена,
 Там птички в зелени, забывши времена,
 Забывши мест обман, порхают и кружатся,
⁴⁶⁰ Поют возврат весны и летом веселятся.

Однако время, вкус, искусство и труды
 Одни бессильны нам очаровать сады;
 В последствии на все мы смотрим равнодушно;
 Что прежде нравилось, то после будет скучно;
 И часто, как в саду любуются чужой
 Великолепием, отделкой, красотой,
 Владелец одного средь радостей унылой
 Зевает, пресыщен. Какой же тайной силой
 Древа и рощицы возмогут привлекать,
⁴⁷⁰ Быть вечно новыми и вечно восхищать?
 О! Как обычаем лапландцев я пленяюсь,
 Как часто мысленно в их край переселяюсь!
 Умеют укрощать они суровость зим;
 Ни клену, ни дубов в полях их не узрим;
 Не вытерпят они мертвящего там хладу;
 Ель мрачная одна дана им на отраду;
 Ель скудной зеленью в проталинах блестит;
 Но самой мелкий куст, которой пощадит
 Жестокость долгих зим и лютость вьюг, мороза,
⁴⁸⁰ Им драгоценнее, чем мирты, лавр и роза.
 Там древо каждое друзьям посвящено;
 Для друга, для отца оно посажено,
 Для гостя, коего отъезд нас огорчает,
 Приемлет имя их, и вечно сохраняет.

Похвальному сему примеру подражай,
 Деревья очаруй, и саду прелесть дай,
 Счастливый житель стран веселых и картинных!
 Не будет у тебя тогда лесов пустынных;
 Безмолвные деревья нам станут говорить;

⁴⁹⁰ Воспоминания по роцам будут жить;
Отсутственны друзья им будут украшением,
И сердцу с милыми в разлуке утешеньем.

И для чего ж тебе деревьев и кустов
Не насадить в тот день, как благостью богов
Нетерпеливое желанье совершится,
И милое дитя от милых родится? . . .
Но что? Вдруг кликами весь воздух потрясен?
Наследник скипетра царей моих рожден!
И се! В градах, в полях, на океанах грозных
⁵⁰⁰ Перунов наших глас гремит победоносных,
И двум мирам сей час торжество благовестит!
Нет! Не цветы одни рассыпать надлежит
На колыбель его; нет! Пальмы принесите,
Лавр победительный младенцу посвятите;
Да славы день его взор первый облеснет;
Да песнь победная в слух первая дойдет;
Вот жертва чистая Бурбонов чистой крови!
А ты, чрез кою нас залогом сим любви
Творец благословил! Союз сердец святой,
⁵¹⁰ Златую цепью связавший меж собой
Германцев радостных, Французов восхищенных,
Супруга, брата, сим еще тесней сближенных —
Как ветви пышные высоких двух дубов
Соединенные гирляндю цветов —
Сестра, супруга, мать владык порфиросных!
Во смертном трауре, среди скорбей несносных,
Гимена первый плод тебе в отраду дав,
И слезы с смехами в очах твоих смешав,
Смягчилась грозная, всемогущая судьбина,
⁵²⁰ И отнимая мать, тебе дарует сына.
Другие пламенным восторгом закипят,
На лире, на холсте, на камне сохранят
Сей день торжественный, вовеки незабвенный; —
Я ж, скромный друг полей, прииду в сад священный,
Где Флора, Зефиры двор составляют твой, —
Прииду в Трианон — и памятник простой
И дар усердия, другим едва заметный,
Младую рощицу, деревья однолетны,
Новорожденному от сердца посвящу,
⁵³⁰ И при глазах твоих взлелею, возрощу.
И сын твой возрастет! Он, бегая по саду,
Под братней сенью их найдет себе прохладу.

Такой безделкой сад милее стал для нас;
Он привлекателен для сердца и для глаз.

Но с удовольствием желаешь ли ты славы
 Быть победителем, давать другим уставы?
 Уже ты за убор садов стяжал венец,
 Быв подражателем — теперь будь сам творец!
 Заметь, как скрытный жар, усилие Природы
 540 Растений новые извещать готово роды;
 Способствуй ей — она сторицей воздаст!
 Здесь испытателей за их терпенье ждет
 Бесчисленность богатств, явлений чрезвычайных,
 Хранящихся в ея сокровищницах тайных.
 Искусство проводить умеет водный ток;
 Почто же не провести ему древесный сок
 Сквозь безызвестные волокон тонких мраки?
 Свершай же новые между растений браки,
 И облегчай для древ, кустарников, цветов
 550 Промен взаимственный природных их даров.
 Древа, цветы, плоды, искусство улучшает;
 Их запах, краски, вкус и образ пременяет.
 Преображенная им роза — цвет иной,
 Уж диадимую украшена тройной,
 Тюльпан узорами атлас листков раскрасил:
 Дерзай, Бог создал свет, а человек украсил.

Когда же выше сил покажется сей труд,
 Тебя сокровища других климатов ждут;
 Присвой себе их все! Римлянин — победитель
 560 Художеств, и плодов, и тронов похититель,
 Дамасской чернослив, Армянской абрикос,
 Как бранную корысть в Италию принёс;
 Прекрасно получать такую дань с народов!
 Когда в державный Рим вступая из походов
 Над гордой Азией Лукулл торжествовал,
 Триумф и злата блеск взор черни ослеплял, —
 Мудрец с улыбкой зрел, что с лаврами в деснице
 В триумфе вишню он ввозил на колеснице.
 Подобно Римлянам и наши праотцы,
 570 В благословенные спеша земли концы,
 У завоеванных народов похищали
 Багряный виноград — и Вакху посвящали
 Окровавленные нектаром знамена.
 Герои дух плодом побед воспламеня,
 В отчизну с песнями несли трудов награду:
 Блестали на челе их кисти винограду;
 Висели гроздия на копьях, на мечех:
 Так возвращался бог, завоевавший Ганг;
 Плодом его и холм и дол возвеселился;
 580 Повсюду, где нектар небесный ни струился,

Повсюду торжества роскошные пвели,
Отвага, радости, веселья следом шли.

Потомки Галлов сих, за ними в след посмеем,
Добычей сельскою стран дальних овладеем!
На царские сады кинь быстрый взгляд со мной;
Увидишь, как они, хранимые рукой,
Державшею весы Фемиды — горделивы.
Ламуаньёна кровь, Мальзерб красноречивый
С поморья, с гор верхов, из климатов других
600 Растений тысячи переселяет в них.
С их избранной толпой я землю окружаю;
Хочу — из Африки я в Азию вступаю,
Иль из Америки в Европе я опять.
Растенья новые спешат места занять,
Дружатся с старыми, наш край благословляя;
И чужеземный гость, родную сень вкушая,
Не верит ссылке злой, мечтами обольщен,
Воспоминаньями растроган и блажен.

Будь мне свидетелем, о дикий сын природы,
600 Младый Потавери! От берегов свободы
Оторван, родины и детства не забыл;
Об Отаити он в Европе слезы лил,
Об Отаити, где любовь без покрывала
В сердцах невинности уставы сохраняла.
Он волю сладкую не редко вспоминал,
Веселый остров свой себе воображал,
Забавы легкие, и блеском ослепленный;
Но самым блеском сим столицы утомленный,
«Отдайте мне мои леса!» он возопил.²
610 Однажды горестный Индеец сей бродил
В садах, где Лудовик великою ценою
Собрал растения — и свел между собою
Концы вселенных, климаты, времена;
Бродил — и взором все окинув племена
Растений — прищипов в цветах, в плодах стоящих,
Дань добровольную Жюсьеру приносящих,
Знакомое в толпе он быстро угадал,
И с воплями к нему, как к другу, побежал;
Объемлет, к сердцу жмет, слезами омывает,
620 Целует — тысячи предметов вспоминает:
Прекрасные поля, прекрасный небосклон,
Под коим с тихим был знаком блаженством он;
Реку, что рассекал могущими руками,
Дремучий бор, где он зверей разил стрелами;
Бапаны, согнуты под тяжестью плодов,

И кров отеческий, и дальних тень лесов,
 Лесов, которые шатром над ним сплетались,
 На песнь любовную столь мило откликались.
 Все ожило пред ним: их негой дышит он,
 630 Вкушает сумрак их — и сладко восхищен,
 Хотя не надолго, но был в отчизне милой.
 Каких бы впрочем древ искусство ни садило,
 Желая угождать и льстить везде глазам,
 Да обратится днесь к полезнейшим трудам!
 Садовник без него между полей и саду
 Непроницаему из рощ творит ограду;
 Тогда уже древа завеса, не убор.
 Со вкусом насаждай кустарник, лес и бор,
 И даль обширную присвоить постарайся:
 640 Ты взором обладай и зреньем наслаждайся.
 Ты лъзя ли пренебречь сокровище таких
 Явлений счастливых, нечаянных, живых?
 Они пленяют взор, поля одушевляя.

Большой дороги там картина подвижная: ³
 Вот работающий вол плуг на поле тащит;
 Вот всадник вокруг себя рассеянно глядит,
 И поступь вольную коню предоставляет,
 Но встретясь с путником, бодриться заставляет;
 Прохожий с посохом идет своей тропой,
 650 И думу думая, путь коротает свой;
 Вот госпожа села ступает размеренно;
 А там молочница легко, непринужденно,
 Стан стройный выпрямив, одежду подобрал,
 На голове кувшин искусно уравнивая,
 И припеваючи, идет, не колыхнется;
 С тяжелым возом ось кряхтит, воз с скрыпом гнется
 По тряской мостовой; вот легкий фэзтон,
 В котором как стрела несется Ветрогон:
 Изгнанный скукою, он к скуке поспешает,
 660 Которая его, зевая, ожидает.

Здесь мельница! С колес ея вода шумит
 И дымом волн древа Церерины кропит.
 Другая, ветров, бурь по прихотливой воле
 Стуча, гигантскими руками машет в поле
 И миллион кругов описывает там.
 В дали — градской стены зубцы — и по холмам
 Рассыпаны дома, деревни, замки, селы;
 Над колокольною петух там виден смелый;
 Шпиль золотой ея как жар вдали горит.

670 Еще окрестностей торжественнее вид,
 Где храма славного главу мы зрим далёко,
 И башни, кинувши верьхи в эфир высоко;
 Святыя ревности минувших лет пример —
 Раемонт, Сен-Дени, иль древний Вестминстер,
 Где спят Герой, Поэт, Вельможа — и меж ними
 Чатам, великий муж заслугами своими.
 О сколь красноречив могил великих прах!
 Веллчие и тлен, лежащий на костях,
 Сиянье почестей и чёрный гроб — гордыне
 680 Там в поразительной являются картине.

Забуду ли реку и острова в дали,
 И море, и по нем летящи корабли,
 И волны, о скалы дробящиеся с ревом?
 Что мы сравним с его спокойствием и гпевом?

О Ниса, прелестей пленительных собор!
 О благодатный край, о виды славных гор,
 Гор, тмином, ландышем, лимоном окуренных!
 Из-под сеней твоих олив всегда зеленых,
 Которых бледный цвет слит вместе для очей
 690 С лазурью темною чуть зыблемых морей,
 Блуждая по водам, разостланным широко,
 В неизмеримости мое терялось око.
 Любил я созерцать осеребренный брег
 Прозрачной пеною, блестящею как снег;
 Любил зреть лоно вод клокочущим от гнева,
 Любил смотреть, как вал — сперва вдали — без рева,
 Струюю легкою белеется, растет,
 Протягивается, сердитый восстает,
 Клубится и шумит, утесы опеяя,
 700 Или как змей хребет кольчужный пзвивая,
 Или обрушася, как грозный гром гремит,
 И в каменных дуплах хлебещет и кипит.
 Сей плеск, сей шум, сей рев, сей океан мятежной,
 Взносяся, падая, катясь горою снежной,
 Мой ум, мой слух, мой взор дивил, обворожал,
 И вечер там меня недвижным заставлял.

И так, коль море сад волнами омывает,
 Пусть в разных видах нам свой важный вид являет:
 То вдруг сквозь ветви древ оно глазам мелькнёт,
 710 То в отдалении сквозь темный, скрытый свод,
 Как при конце трубы, в беседке серебрится;
 То среди рощицы нечаянно явится;

Но ступишь шаг — и нет; еще ступи — и вдруг
В величестве его сретаеи взор вокруг.

Так переменной сцен пленяи ты дух и чувства.
Природа, человек, и время и искусства,
Ты знаеишь, не везде являют для очей
Картины островов, утесов, гор, морей.
Авзонские поля! Темпейские долины!

⁷²⁰ Вы, Гению восторг вдыхающии картины!
При блеске сих морей, при блеске сих небес,
Снегов и зелени, тут живописец весь
Воспламеняется, кисть с жадностью хватает,
Даль, острова, скалы, моря изображает,
Спокойны гавани, где море вечно спит;
Гор огнедышущих и лавы грозный вид,
Сих гор в поля, в сады трудом преображенье,
Вновь на развалинах чертогов возникенье,
И после долгаи борьбы земли с водой

⁷³⁰ Из пепла старого ишедший мир младой.

Увы! Не посещал я веси той прекрасной,
Тех живописных мест, где с лирой сладкогласной
Виргилий голос свой любил соединять,
Природу, пастухов и жатву воспевать;
Но я клянусь тобой, Виргилий знаменитый!
Прейду туманами и вечным льдом покрыты
Гигантских Аппенин заоблачны верьхи,
И повторю твои прекрасные стихи
В местах, которые еще тобою полны.

⁷⁴⁰ А ты, окрестностями своими недовольный,
На место сих красот встречающии один
Безбрежный вокруг себя, пустынный вид равнин,
Да разум твой в себе пособие находит;
Мудрец и в хижине счастливо жизнь проводит.
Искусство, утаясь, пусть знает обольщать,
Все обещает, все нас заставляет ждать;
Глаз любопытен зреть обетов исполненье:
В желанье — прелести, в надежде — наслаждение.

Блеск тщетной роскоши сыпь бережливо ты;
⁷⁵⁰ Полезное свои имеет красоты.
Богатство роскоши Природу обедняет,
И бесполезное не надолго прельщает;
И скоро гордостью изгнанны из садов,
Зря неуместный блеск деревьев без плодов,
Палеса и Вертуми проклятье произносят

Лесам, которые нам пользы не приносят,
И без надежды век цветущим цветникам,
Которые вредят и нивам и лугам.

Плуг мстительный богам разгневанным предходит,
760 И в торжестве на трон Церера вновь восходит.

Сады, чтобы срывать. Пусть на деревьях блестят
И персик бархатный и алый виноград;
Пусть груша сочная, разрисовав ограду,
Пригнув к земле сучки, подносит нам прохладу;
Пусть спелый абрикос нас золотом манит,
И яблоко сквозясь наливом веселит.
В кистях смородины рубиновые зёрны,
Склонясь на Нильской лук, висят тебе покорны.
Пусть будут близ цветов везде насажены

770 Капусты розовой пернаты кочаны,
И свекла сахарна — френёзово растение!
Молчание об ней за явное презренье
Мой строгий критик счел; но он ошибся; нет!
Нет, Муза сельская моя с юнейших лет
Пред божествами сел и роц благоговеет.
Поэт всем дорожит, все уважать умеет;
Природы нежный друг, любезный гость полей,
Раскрашивает все он кистью своей;
Ему все нравится, что к стати, что на месте.
780 Вкус ложный любит смесь; он любит видеть вместе
Отделанное, дичь, небрежность, чистоту.
А ты вблизи люби опрятность, красоту
И свежесть, а вдали небрежность и свободу;
Там горделивее желаем зреть природу.

Теперь не столь простой урок хочу подать.
Искусство, правила сады располагать
Не для одних царей и мудрецов пригодны.

Есть в городах больших гульбища всенародны;
Там наслажденья в том, чтоб только вместе быть,
790 Смотреть друг на друга, тесниться и бродить:
Так благородное жить обществом стремленье
Желает разделить и труд и наслажденье!
Там наш свободный взгляд препятств не терпит вкруг;
Все зрелище сие обнять он хочет вдруг;
Алмазы, жемчуги, уборы, одеянья,
Прическу гордую, богатые истканья,
Сиянье вкуса, мод, богатства, красоты.
Так, если б в сих садах, где баснь в древа, в цветы
Красавиц, витязей и принцов превратила,

⁸⁰⁰ Всемощная богов судьба благоволила
 Сим превращениям конец постановить,
 И прежний образ их внезапно возвратить:
 О сколь чудесная картина бы открылась!
 Одежда белая на лилии струилась,
 Жюскиевый бы парчой облек прелестный стан,
 И пестрой робою гордился бы тюльпан.
 Так Елисейские поля весельем полны,
 Когда парижане шумят на них как волны.
 Так Лондона сыны собираются толпой,
⁸¹⁰ Весне пестреющей, в парк Кинзингтонский свой;
 Блистательный театр, где каждый посетитель
 В шуму веселий сам и арелище и зритель.

О Муза! Милыя отчизны с берегов
 Перелети со мной, — изищных образцов
 Своих в отечество! Воспой, прославь на лире
 Сей Кинзингтонский парк, столь знаменитый в мире,
 Где все как бы в садах царей моих блестит,
 Все об Ленотровом искусстве говорит,
 Где с велелепием и пышностью толикой
⁸²⁰ Является народ почтенной и великой.

Лишь жаворонки там под небом возвестят
 Возврат молодой весны, все вырваться спешат
 Из заключения пространного столицы,
 Где жизнь томилась как в мгле сырой темницы,
 Где беспрестанными туманами весь год
 Как черной завесой подернут неба свод,
 Каминны, очаги чрез неисчетны трубы
 Мешая с ними дым паров своих сугубый,
 В пространстве воздуха сгущают вредный смрад.
⁸³⁰ И ночью адскою лазурь небес мрачат.
 Все пидут Кинзингтон, хотят вздохнуть на воле;
 Богатство города дивит собою поле:
 В уборах, в золоте блистательный собор!
 Богатые купцы, великолепенный двор;
 Сиянье колесниц и упряжей красивость,
 Коней Аравии кипящая ретивость,
 Клубами пена с морд, от ребр восходит пар,
 И пышет из поздрей горящих дым и жар.
 Вот всадник на коне осанисто сидящий,
⁸⁴⁰ Как вихорь, дерзостно чрез поприще летящий;
 Народ за ним... но он исчезнул как мечта.
 В сих группах стройность, вкус, наряд и красота:
 Красавицы вдали маия, обворожая,
 Как тени легкие сквозь редкий лес мелькая,

Одеждой белою зеленый дерн лощат.
Как мил младенец сей, веселый, ясный взгляд!
Румян как роза, свеж как зефир легкокрылой,
Он есть подобие весны живой и милой.
Вот старец на клюке — готов душой расцветь,
⁸⁵⁰ И красный день спешит с Природою провести.
Вот юность резвая, вот здравие цветуще;
Выздоровление едва, едва бредуще,
Без сил и бледное, свободно вздохнуть,
И в первый раз еще на белый свет взглянуть.
Многочисленное, великое стеченье,
Всех званий, всех чинов, всех возрастов смешенье!
Вот гул приветственный в народе восстает,
Защитник прав его в Парламенте идет.
Вот муж от племени заслугой отличенна;
⁸⁶⁰ Вот мать надменная и дочь ее смиренна;
Сколь привлекательно в огне ее ланит
Соединились застенчивость и стыд;
Краснеет нравясь, и правится краснея;
Но сердцем матери еще, еще владея,
Спесь наслаждается, хотя побеждена:
Победа дочери для матери славна!
Вот Албиона сын достойный, горделивый,
С младенцем на руках, супруг, отец счастливый,
Гордись сим бременем, ревнуя к сыну мать,
⁸⁷⁰ Не дозволяет ей прелестного обнять,
А сам его стократ лобзает и целует,
И с тайным торжеством отчизне показывает.
Вот повобрачных здесь прекрасная чета!
Они пришли взглянуть на милые места,
Где в первый раз они увидясь полюбили,
Где с трепетом в душе друг другу страсть открыли.
Вот мчится Ветрогон — лишь слово произнес,
Уж ветер подхватил и в ближний лес унес.
Народ колышется как океан гневливой;
⁸⁸⁰ Но между тем, когда в толпе сей говорливой
Друг друга ищут все, друг от друга спешат,
И расходясь дарят поклон, улыбку, взгляд,
В сем вихре, в сем шуму, толпы не примечая,
Один с собой, бредет задумчивый мечтая,
Иль странник, изгнанный из родины святой,
Смотри на сей народ веселой и живой,
Которой собрался в прекрасную погоду
В прекрасный сад, смотреть прекрасную Природу,
Вспомнит свой Лоншан, где хаживал в тиши,
⁸⁹⁰ И тяжело вздохнет из глубины души.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Я пел сады, леса, когда Беллоны глас
И горы и леса окружные потряс,
И наши ратники родительские дома
Оставили, летят в моря им незнакомы.
Воспрянул лютый Марс, дремавший на цветах...
О божества полей, отбросьте ложный страх;
Стекитесь, Лудовик не грозный истребитель:
Он хочет быть другой вселенны покровитель;
Распространить и там святую вашу власть;
¹⁰ Счастливых Пансильван смягчить сурову часть;
Позволить жать плоды трудов сему народу
И драгоценную отдать ему свободу.

А вы, о юные вожди, сыны побед!
Я к Ерку не могу лететь за вами в след; ¹
Спокойный гражданин, по вашем возвращеньи
Готовить буду я в садах отдохновеньи:
Для победителей венки из мирт совью;
Муравчатый ковер по берегу расстелю
И ложе из цветов; для вас леса тенисты;
²⁰ Для вас заставлю течь серебром источник чистый.
Там позабыв труды и нежась на лугу,
Супруг, родителей, друзей своих в кругу,
Об битвах будете повествовать достойно;
А дети милые и резвые, спокойно
И жадно слушая рассказ ваш, не дышат,
И об опасности прошедшей уж дрожат.

Украсим же сады, убежища прохладны!
Песком усыпанный, старинный сад печальный,
Как степь, открытая полуденным лучам,
³⁰ Несносен был для ног, несносен был глазам;
Искусство наконец нам Англия открыла,
И землю украшать прилично научила.
Пекитесь с нежностью об дерне, об цветах;
Всегда то с лейкою, то с граблями в руках,
Прохладу лейте им и кудри расправляйте;
Для лоску, мягкости катком по ним катайте.
От безобразных трав полоньем свободжен,
Дерн чисто должен быть подстрижен, густ, зелен,
И нежен так как пух. Когда же он стареет,
⁴⁰ Искусство обновить всегда его умеет.
Со тщаньем убранный, роскошный, мягкий луг
Брегите только лишь близь дома и вокруг;

А дальние луга для паствы оставляйте,
И бросив ложный стыд, быков на них пускайте.
Стада, пасясь в лугах, луга удобрят вам,
Представят зрелище приятное глазам.
Достоинства садов стада не унижают,
Достоинства стихов моих не уменьшают.

С разбором назначай лугам своим места:
60 Поблекнет пажитей и дерна красота
В степи, которая водой неосвежена,
От солнечных лучей ничем незащищенна;
В печальном вретисце там видится земля.
Когда палящий зной родные жжет поля,
Желал бы я в поля твои переселиться,
Прекрасной Албион! Прохладой освежиться;
Там, там красавицы, в часы прохладных нег,
Идут задумчиво на тихий, низкий берег
Вкусить под сумраком покоя и отрады,
60 И усладить свои невинно-томны взгляды.
А ты, питающий лужайки дымом волн,
Любимый моря сын, прохладный Албион!
Лазурь небес твоих в горящий полдень лета
Туманов пеленой прозрачною одета,
От пламени лучей луга защищены,
И нечувствительным дождем орошены.
Трава под блещущей косою проседает,
Вновь зренье веселит, вновь дерн озеленяет.
И твой Британец, век нахмурен и угрюм,
70 Веселостью лугов и мрачностью дум
Обязан небесам твоим, покрытым мглою.
Теперь оденем луг цветами, муравою!
Но удержишь его в квадраты разбивать,
Однообразными кругами очерчать:
Неволя скучная красот не прибавляет;
В лугах свободный вид всю прелесть составляет.
Чтоб притаившись от наших глаз они
Скрывались иногда лесов густых в тени;
Чтоб иногда древа по оным разбрелися,
80 Иль частой рощею как круглый мыс вдалися.
Таков быть должен луг изящный и простой.

Но если хочешь ты искусною рукой
Еще убраться его — Природе подражая
И всеми красками лужайки испещряя,
Рассаживай, лелей цветы в своих садах;
Природа самая прелестнее в цветах.
Прекрасные цветы! Венец долин прекрасных!

В творениях своих блистательных, изящных,
 Искусство вас всегда берет за образец.
⁹⁰ Вы служите у нас эмблемою сердец;
 Святому дружеству — приятными дарами;
 Робеющей любви — сердечными словами.
 Любовник страсть свою, гораздо прежде слов,
 Осмелится открыть подарками цветов.
 Красавицы себя цветами наряжают;
 Вам лавры украшать героев дозволяют;
 Цветы наградою на сельских празднествах:
 Там целомудрие красуется в цветах.
 На олтаре Творца, величьем окруженном,
¹⁰⁰ Гирляндами из роз и лилий украшенном,
 Куруется облаком душистой фимиам,
 И улыбается нежнее Вера нам.
 Цветы! Избравшие сады для пребывания,
 О солнца и росы прелестные созданья!
 Спешите нарядить и распестрить поля.
 Не ждите между тем, чтоб в след другим и я
 Боялся разбросать вас там и сям пучками;
 Не ждите, чтобы я сидел над цветниками,
 Левкою нового петерпеливо ждал,
¹¹⁰ И краски бы его и тени замечал.
 Гарлемцы, страстию к цветам воспламененны,
 С любимым их цветком средь сада заключенны,
 С зарей встают смотреть, как лютик будет цвести,
 И одой анемон готовы превознести;
 Растерзаны других находкою счастливой,
 Взирают на пятно гвоздики как на диво,
 И золотом его готовы бы купить;
 Но тайны той сосед не хочет им открыть.
 Привязанность к цветам превращена в мученье!
¹²⁰ И зависть может ли доставить наслажденье?

Красавицы милые, цветы! Любовь очей,
 Не повинуюся законам прихотей,
 Полянки красками прелестно распишите;
 Не в цветниках одних, о милые! цветите:
 То разрисуйте нам зеленый сей ковёр,
 То по краям дорог увеселяйте взор,
 То вокруг беседок вы гирляндами пестрейте,
 То по берегам озер блистайте и алейте,
 Иль вейтесь подле стен, или в корзинах сих
¹³⁰ Благоуханием маните пчел златых;
 Пусть в выборе цветов находят затрудненье.
 Ганишу скучное оставим исчисленье!
 Пусть, наблюдая вас в различны времена,

Опишет красок смесь, оттенки, имена;
 Бог вкуса против сих подробных описаний.
 Где тут Поэзия? Где сила обаяний?
 Но роза!... Ей стихи нельзя не посвятить!
 Царицу ли цветов певцу цветов забыть?
 Под розовым кустом Венера спит в день жаркий;
¹⁴⁰ Из роз венок весны, из роз любви подарки.
 Анакреон воспел прекрасный сей цветок;
 Гораций на пирах носил из роз венок
 И с розой сравнивал цвет молодости тленный.
 Сок розовый в сосуд искусством извлеченный
 Рукою бережной по капельке лиясь,
 В Азийских царственных чертогах разносясь,
 Их благовопием небесным окуряет.
 Так память прошлых благ всю жизнь нам услаждает.
 Сколь мил душе моей веселый сей предмет!
¹⁵⁰ Я рад бы... но уже я слышу глас... зовет
 Разнообразие, могущий вождь Поэтов,
 И требует других и красок и предметов.

Цветистые луга, где я любил бродить,
 Простите, надолго вас должно позабыть;
 Картины ужасов влекут мой взор отсюда.

Вдали разбросана огромных камней гряда!
 Ужасную красу угрюмых, диких скал
 Как безобразие садовник отвергал;
 Но живописец, власть отняв у землемера,
¹⁶⁰ Очарованием могущего примера
 Их прелесть мрачную садам усыновил,
 И области искусств предел распространил.
 Но там, где божий перст их не вознес от века,
 Бесплодны все труды и хитрость человека.
 Природа с высоты своих гранитных гор
 С пренебрежением бросает долу взор
 И видит смертного труд жалкий и ничтожной:
 Природе подражать в величии не можно.

Далеко от затей ничтожных сих спешу...
¹⁷⁰ Уатли! За тобой я следовать хочу
 В поля Миддетона и в Доведадь гористый;
 Я по ступеням скал всхожу на верьх стремистый:
 О вид торжественный, любезный для очей!...
 И трепет сладостный протек в крови моей!
 Я зрю чудовища, грозящи великаны
 Восстали до небес и в пропастях попранны,

- Друг другом держатся, друг друга прут, тягчат,
 Иль дерзновенные на воздухе висят.
 То башней видятся, то образуют своды,
¹⁸⁰ А здесь сквозь мрачные обширные проходы
 Лазурь небесная видна издалека,
 И блещет серебро и перлы ручейка.
 Все, все приводит здесь на память те предметы,
 Которые в стихах прославили Поэты;
 Волшебниц, рыцарей достойные места;
 Здесь романтических любовников чета
 От злых гонителей могла бы сокрываться,
 И сладким жребием в пещере наслаждаться.
 Владелец счастливый! Гордись, когда твой сал
¹⁹⁰ Скалами грозными и дикими богат;
 Но облегчить умей для взоров переходы
 От зелени лугов под мрачные их своды.
 Волхв мудрый — об руку искусство с ним идет:
 Велит — и рощами оделся гор хребет;
 Вид, цвет, величина — во всем разнообразность;
 Все украшает здесь — краса и безобразность.
 Да выступят вперед, оставя низкий круг,
 Утесы гордые. Да перервется вдруг
 Гранитный пояс гор. Леса венчай скалами.
²⁰⁰ И неприступные скалы венчай лесами.

 Где злаки? Пусть они, подобные кудрям,
 Как пряди долгие вьются по скалам.
 Люблю нагнувшийся на волны камень дикий,
 Унизан зеленью плюща и повилики.
 Сюда, кустарники! Люблю, чтобы цвело
 Скал обнаженное, но гордое чело.
 Заметил ли ты здесь цветистую долину?
 За дар нечаянный благодари судьбину,
 И неожиданным тем больше дорожи.
²¹⁰ Богатство скудости противоположи.
 Здесь плодородию уступлен край бесплодный.
 Скалы украшены; но вид хранят природный
 И безобразием пленяют иногда;
 Убор хорош, но им приличен не всегда.
 Художник хижину над пропастью построит,
 И ужас пропасти еще чрез то удвоит;
 То бросит смелый мост с утеса на утес.
 Я содрогаюсь при виде сих чудес,
 И с грозной высоты стремнины сей отвесной
²²⁰ Воображением вишу уже над бездной.
 Угроможность здешних мест, где все грозит, страшит,
 И вымыслам дает правдоподобный вид —

То об заблудшемся прохожем в мраке леса,
То об любовниках, низвергнутых с утеса,
Рассказы пастыря еще мы слышать мним.
И добрых поселян в кружок мечтой парим,
Когда пройдет весна, прервутся игры, пляски,
И скуку вечеров им сокращают сказки. —
Но к чрезвычайному не часто прибегай;
²³⁰ Щади сердца людей; всегда предпочитай
Ужасным действиям сих сильных потрясений
Движенье тихое приятных ощущений.
Я сам, я сам спешу высоких гор с вершин
Спуститься на луга смеющихся долин;
Украшив рощами, кустами и цветами,
Пора их оросить прохладными водами.

Утесы! Если вы теперь отенены
Кустами, злаками: сим вы одолжены
Единственно моим стихам, моим урокам;
²⁴⁰ Отверзайте ж пути своим подземным токам.
А вы, прозрачные озера и ручьи,
И вы, нагорные студёные ключи,
Несите всюду жизнь, теките на свободе!
Что может заменить ваш милый вид в Природе?
Вблизи он мил, вдали любимы мы им;
Вас ищем — и нашед, расстаться не хотим.
Нам вторя небеса в нивы удобряя,
Прельщая зрение и слух обворожая,
Ваш быстрый ток всегда прозрачен, жив и полн.
²⁵⁰ О если б красотой подобье ваших волн,
Стихи мои лились как водопад кипящий
И чистой влагою поля животворящий,
Великолепнее, чем пышная река,
Яснее озера и слаще ручейка.

Садам сокровища Природы присвоая,
Их благотворными водами орошая,
Оставь свободу им! Как весело река
Ласкается к берегам, изогнутым слегка!
Как весело ручей вяясь в овраге бродит!
²⁶⁰ То роет новый берег, то старый вновь находит.
Кто право дал тебе в плен воды заключать?
Кто право дал тебе их сгибы расправлять?
На что им мрамор твой, когда, стесняя воды,
Лишает их на век беспечных свободы?
В пастушке резвой нас пленяет не паряд,
Не принужденный стан, не выученный взгляд;

Открытый, ясный вид, свобода и небрежность —
 Вот прелести ея, вот в чем ея любезность!
 Напротив же в гарем роскошный загляни,
²⁷⁰ С живой пастушкой затворницу сравни:
 Напрасно пышностью восточной ослепляет
 И рабских прелестей блеск жалкий расточает:
 Черты все правильны — но нет души в чертах;
 Красы блистательны — но жизни нет в красах;
 В забавах мертвый хлад, в поступках принужденность,
 И прочь от них бежит и прелесть и любезность.
 Или своим водам вполне свободу дай,
 Или неволю их цветам украшай.
 Я вопреки тебе, Морель красноречивый,
²⁸⁰ Святых Природы прав защитник справедливый,
 Люблю игру воды, когда из тесных труб
 С усилием вырвавшись, сгущаясь в пенный клуб,
 Встает ко облакам, как некий столп хрустальный —
 И встрепнулись окрест древа печальны,
 И мыслит человек: «Я сих чудес творец!»
 Счастливой смелости счастливый образец,
 И памятник искусств прекрасный и великий,
 Прекрасен водомет перед дворцем владыки;
 Но прочь посредственность, где робкая вода
²⁹⁰ Не смеет высоко подняться от стыда!

Вкруг водомета все представь в очарованье,
 Как будто избрала здесь Фея пребыванье.
 Таким я водомет Сен-Клудский созерцал;
 Взор вышину его и дерзость измерял.
 Там воды на воды ревущи упадают,
 Вертепы и леса им громом отвечают;
 Свежее воздух там, дерн мягче, зеленей,
 При вечном шуме вод пернатых хор громчей,
 И благодатною росой их освеженный,
³⁰⁰ К ним величавый лес склонил свой верш священный.

Простей, любезнее, чем гордый водомет,
 Прелестный водоскат в дубраве потечет:
 Вблизи сверкающий и издалека слышный,
 В движении всегда и вечно неподвижный,
 Разнообразен, быстр, великолепен он;
 Вода, земля, скалы и лес им оживлён.
 Но берегись и тут впасть в злоупотребленье:
 Употребляй его садов на украшенье.
 Прочь сей искусственный и тощий водоскат,
³¹⁰ Которого струи с душой не говорят!

Ож в самой ярости еще порядку верной,
С ступени на ступень переступает мерно.

Мешает водоскат характер иногда:
Руководи его. То бурная вода,
На каменный помост с отвагою свергаясь,
Стремится, падает, и с ревом поднимаясь,
Вновь кроет влагою кипящею порог,
То синей пеленой прозрачный ручеек
По скату стелется без гнева, без порыва,
³²⁶ Любезен кротостью и важен без разлива.
Взор любит созерцать в прохладных сих местах
И золото лучей на голубых водах,
И чернь, которою скалы покрыты мшисты,
И зелень тростника, и пены блеск сребристый.

Остановись, спроси: какая цель труда?
Послушная везде готова течь вода,
Клубиться медленно, или нестись стремниной;
То сладострастною разнеживать картиной;
То величавые нам виды представлять;
³³⁰ То ревостию струй своих развеселять.
И кто не знает их над сердцем сладкой власти?
Они смиряют в нас и возбуждают страсти!
Нагорный ли поток, шумящий и живой,
По мелким камышкам стремится с быстротой;
Иль ярый водопад в пространстве черном леса
Гремит как дальний гром, обрушася с утеса;
Иль тихая река медлительно течет
По тинистому дну; не мчится, не ревет;
Душа моя язык их ясно понимает,
³⁴⁰ Ужасный он страшит, и сладостный пленяет.

Вечерни пояс был соткан Харит рукой,
И зрелся на нем амуров, смехов рой,
Надежда, милая предтеча наслаждений,
Желанья тайные и сладость вожделений.
Кибелла дивная! Вода есть пояс твой,
Обворожительный, сияющий красой:
В ней радость, и печаль, и ужас, и смятенье.
Кто чаще моего вкушает утешенье,
Сидя на бреге вод и слушая их шум?
³⁵⁰ Я помню время то, как скорбь и мрачность дум,
Еще мрачнейшие при тме в ночное время,
Тягчили душу мне — убийственное бремя!
Тогда ко ближнему ручью я поспешал,

И утешительным струям его внимал;
 Под шумом тихим вод страданья засыпали,
 И в сердце прежние надежды воскресали:
 Вот всемогущество их гласа над душой!
 А ты, пленяющий сверканьем ручей!
 Позволь излиться здесь признательности чувству,
³⁶⁰ И нарядить тебя без пышности искусству,
 Когда оно тебя способно наряжать.

Ручью приличнее долину орошать,
 Чем, влагой оскудев, иссякнуть в знойном поле;
 Смирренный, он на свет выходит по неволе,
 И любит рощицы таинственную сень;
 Ручей краса лесам, ручью лесная тень.
 Туда пойду за ним! Там милые извивы,
 Наклон и прихоти, и ток его игривый,
 И волн запутанных между корнями гнев!
³⁷⁰ То он в овраге скрыт под дикой чашей дров,
 То ровный с берегом в теченья ясном пышен;
 Здесь видимый молчит, а там невидим слышен;
 Здесь плещет в острова цветущие влюбясь,
 И на два ручейка игривых разделяясь,
 Которые бегут, гоня один другога,
 По свежей мураве лесочка им роднова,
 Друг друга превзойти желают в быстроте,
 Друг друга превзойти желают в красоте;
 Потом соединясь на чистом ровном месте,
³⁸⁰ Журчат от радости, что путь свершают вместе.
 Безмолвен, говорлив, и дремлет иль бежит,
 Ручей по прихоти сто раз меняет вид.
 Но слышится вдали шум тихих волн приветный,
 И открывается мне вид великолепный:
 Река по бархату зеленому лугов,
 Между возвышенных и пышных берегов
 Широкой скатертью роскошно расстилаясь,
 От солнца золотом вдали переливаясь,
 Катится с важностью, оставя ручейку
³⁸⁰ И прыгать, и шуметь, и виться по песку.
 Ей ложе мягкое в долинах расширенных,
 Пологих, скатистых и нежно округленных.

Когда ручью наряд кров сетчатый древес,
 Не меньше и брегам реки любезен лес:
 Прекрасен ток ее под тенью ив серебристых,
 Под тенью бледною осокопей сенистых.
 Какой великий ряд внезапностей, картин!
 Их опрокинутых со брега вниз вершин,

- Воды и воздуха при тихом колыханье,
 400 Люблю в зеркале вод я видеть трепетанье.
 Под темный свод бегут там волны почернев;
 Вот крадутся лучи сквозь зыбку сеть дерев;
 То наклонясь древа браздят реку ветвями;
 То воспящают бег, сплетаясь корнями;
 А часто с берега на брег другой висят,
 И кажется, уже перепрыгнуть хотят.
 Вода свежит древа, воде покров их сени;
 У них всегдашняя менá прохлада и тени.
 Крепите сей союз! Брак должен быть священ,
 410 Когда он искони Природой заключен;
 Безумен, кто от ней дерзает удалиться:
 Ей славно подражать, нет славы с ней сражаться.
 Не брег искривленный, не мысов острота,
 В большой реке берегов округлость красота;
 Напротив брег кривой и мысов протяженье
 Большого озера большое украшенье.
 Пусть иногда вода в предел земли войдёт;
 Пусть иногда земля соступит в область вод.
 Пусть ищут, склонностью влекомые врожденной,
 420 Земля воды, вода земли попеременно;
 Тогда, тогда наш взор и занят и пленен
 Многообразностью таких прекрасных сцен.

- Взор любит озера разлив необозримый;
 Но точки отдыха ему необходимы:
 Когда пространства вод ничем не разделять,
 По их поверхности скользит скучая взгляд.
 Беседкой ограничь обширное пространство,
 Иль остров... острова вод лучшее убранство!
 Возвысь далекий брег, брось несколько кустов,
 430 Чтоб глаз мог отдохнуть на зелени листов.
 Желая показать обширней водны токи,
 Понизь и уравний с водою брег высокий;
 Раздвинь свои леса, вели воде прудов
 Теряться в рощице, блуждать вокруг холмов;
 За завесу, куда укрыться поспешает,
 Воображение ток водный продолжает;
 Глаз наслаждается и тем, чего не зрит.
 Так вкус стеснит предел или распространит,
 Откроет, скроет вид; творец иль подражатель,
 440 Все прелесть, все краса, — везде очарователь.

Старайся, пользу всю извлечь себе умей
 Из отражения бесчисленных лучей

В зеркале ясном вод. Будь точкой света яркой
 Пруд, озеро, река, отколь лучи в день жаркой
 Прокрадываются по окрестным лесам.
 От вод к дубравам блеск и от дубрав к водам
 Блуждающий в струях и в листьях играет.
 Глаз с удовольствием под сенью древ взирает
 На свет трепещущий, скользящий сквозь ветвей;
⁴⁵⁰ Здесь он румянее, там несколько темней;
 Везде сражение тьмы со светом происходит:
 Из нежной сей борьбы согласие выходит.

Искусство, пышные любя свои сады,
 Презрительно глядит на все мои труды;
 Меж тем в моих садах непринужденность, радость:
 Лужайка вольности златой вкушает сладость;
 Лес независимый свободу дал ветвям;
 Цветам не страшен шнур, и пожницы древам;
 Земля мила водам, земле любезны воды:
⁴⁶⁰ Мил, прост и величав — мой сад есть сад Природы.

Что я сказал? Еще наш труд не довершен.
 Почему молчат пруды и озеро пустынно?
 Искусство в способах дать жизнь им столь обильно!
 Почему не вижу я ни лодок, ни челнов?
 Не слышу шума весл, ни пения гребцов?
 Вели, чтобы поверх струистой светлой влаги
 Белелись паруса и развевались флаги!
 Оставь зефиру их резвяся надувать,
 И с каждым полотном, в нем спрятавшись, играть!
⁴⁷⁰ Чтоб рыбы множились в прудах твоих сторицей;
 Серебро-чешуйные, чтоб резвой вереницей
 И щука, и налим, и окунь, и карась
 Спешили к берегу на твой призывный глас!
 Но мало этого! Чтобы пернатых крики
 Будили дремлющий на бреге лес великий;
 Чтоб веслами сип отважные гребцы
 Рябили озеро, крилатые пловцы.
 Вот лебедь впереди — высоковышний, статный
 И белый как серебро; напрасно глас приятный
⁴⁸⁰ Ему Поэзия хотела даровать;
 Красавцу-лебедю на то, чтобы пленять,
 Не нужно вымыслов блестящих украшенья.
 Вот стая птиц за ним: крик разный, свойства, перья;
 И воздух крыльями шумящими бьют,
 И волны гонят врозь, и белый след кладут.
 Смотри! Брег движется — и воды оживились.

Ты счастлив, ежели доселе сохранились
В преданьях имена озер и рек твоих.
Любовью пль войной прославил случай их,
490 Что нужды? Без тебя их слава украшает;
Воспоминание их воды освящает.
И кто без чувства брег Алфея посещал?
На Аретузу кто без сладких слез взирал?
Особенно ж к тебе, Петрархом ключ воспетый.
Включозский водоскат, любовники, Поэты
Идут беседовать с восторгом и тоской!
В горах, которые хребет склоняя свой,
Питают влагою источник твой подземный,
В пещере тайной той, над грозным мраком бездны,
500 Где Нимфа в урне ключ прозрачных вод блюдет,
От любопытных глаз скрывая твой исход,
Любил я созерцать, как воды вечно ясны
Лиются в водоем богатый и прекрасный;
То восстают кипи, и вылив из берегов,
Сверкают между скал серебром своих валов;
С порога на порог несутся, бьют буграми,
И шум их вторится далекими горами.
Потом смиря свой гнев, едва, едва журчат
По ложу ровному, — питают и свежат
510 Луга прелестнейшей долины в поднебесной.
По воды, небеса, долины вид прелестной
Не столько милы нам как Лора и Петрарх.
«Вот, я сказал»: вот я стою на берегах,
Которые певец прославил лирой страстной;
Здесь пел любовь Петрарх пред Лорою прекрасной;
И рано для него спускался в волны день,
И рано на поля сходила ночи тень.
Найду ль еще на сих скалах уединенных
Несглаженны черты имев их соплетенных?
520 Пещеру отыскав между гранитов сих —
Пещера, видела ль счастливыми ты их?
Ответствуй! Я вскричал: «Скажи, не здесь ли в горе
На камни слезы лил о незабвенной Лоре
И пел отчаянный?» Увидя углый пень,
Я мыслил: Лора здесь скрывалась в знойный день.
Я эхо вопрошал в лесу об Лоре милой,
И эхо имени прекрасной не забыло.
Петрарха, Лору я искал во всех местах,
Везде встречались мне и Лора и Петрарх.
530 Лиет прохладу ключ в долине сей прелестной,
Там лучезарнее спяет свод небесной;
Там веет аромат; но милая чета
Есть лучший здешних мест и блеск и красота.

О если вертоград столь много уважаем,
 Который мужем был великим обитаем:
 То без сомнения любезнее стократ
 Самим им убранный и насажденный сад.
 Кто смеет Тускулум, где славный жил Вития,
 Тибур, где, с Музами деля часы златяя,
⁵⁴⁰ Гораций обитал, — кто смеет поправлять
 Почтенные черты, лик древний искажать?
 Да не касается до них рука искусства!
 Убор не красит их; прочь человек без чувства,
 Который славную обитель не почтил,
 И древнюю их честь убранством посрамил!
 Их украшать года одни имеют право;
 Против премен в местах, его покрытых славой,
 Из гроба вопиет великий человек:
 Тебе возбранено касаться к ним во век!
⁵⁵⁰ Святыней для себя считай их сад, их стены;
 Ошибки милы в них, останки их священны;
 И ржавчину монет старинных берегут.
 Пример для нас Твикнгам, в котором сад есть труд
 Поэта славного: Поп Твикнгама зиждитель,
 И вкус от варварских поправок охранитель.
 Владельцы новые всем, всем в нем дорожат,
 И в деле рук его — Поэта славу чтят.
 Я сам, я сам смотрел в безмолвном удивленьи
 На царствующее к нему благоговеньи,
⁵⁶⁰ На славу чистую и Муз на торжество;
 Миндишп владетель — жрец, а Поп там божество.
 К лесочку, к хижине я подходил с волненьем;
 Вот тот Музей, где он с слезами и стесненьем
 Об Элоизиных страданьях воздыхал,
 Ахилла с Гектором из гроба вызывал,
 Где открывал пути Строителя вселенны,
 Законы вкуса пел, иль локоп похищенный.
 Я узнаю альков, где дух певца Морфей
 Мечтами забавлял до утренних лучей.
⁵⁷⁰ Вот лес таинственный, вот темная аллея,
 Где он творил стихи, восторгом пламеняя;
 Вот скромный мавзолей: здесь он грустить любил,
 И, сын чувствительный, на камень слезы лил;
 Здесь мать его лежит под свесом древ священных;
 Сюда, во мрак сих древ, столь густо отененных,
 Парнасса Англии любимейший певец
 Велел себя принести, свой чувствуя конец,
 И взор его когда почти недвижный тмился,
 Ко гробу матери еще с тоской стремился.
⁵⁸⁰ Мир, ива славная, посаженная им!

Увы! Настанет день, когда ветвям твоим,
 Преклоншимся от лет, подпоры будут тщетны;
 Ты некогда умрешь — стихи его бессмертны.
 Но будь утешена! Тот, кто переложил
 Гомеровы стихи, кто деятельный был
 О славе языка природного рачитель,
 Не меньше в садов был друг-благотворитель:
 Тот первый на воды твою развесил сень.
 Едва пловец узрит твой освященный пень,
⁵⁹⁰ Весло не движется, челн не летит чрез волны;
 И удаляясь, благоговенья полный,
 Он долго, пристально глядит еще на брег.
 Мой жребий счастливей: близ мест священных тех
 Жилище избрал я по тайному влеченью;
 И лзя ль противиться сердечному стремленью?
 И сходство нежное, и сладкий душ союз
 Зовут, влекут меня в сие жилище Муз.
 Певец Троянских битв украшен стал тобою,
 Виргилий преложен, не столь счастливый, мною.
⁶⁰⁰ Как ты, свободой я своею дорожу;
 Как ты, спокойствия в тени лесов ищу;
 Там слышать пение твое воображаю.
 С благоговением священным я вступаю
 Во храм Поэзии — под куполы лесов;
 В грот звонкий — колыбель прекраснейших стихов,
 И требую от них стихов тебя достойных.
 Будь мне вождем; вдохни дар песен больше стройных.
 Воспомни, я тебя, божественный певец!
 Соотчицам своим поставил в образец!
⁶¹⁰ Садов искусству твой светильник светозарный
 Путь новый показал — и вечно благодарный
 Певец садов тебе приносит здесь цветы,
 Которые своей рукой посеял ты.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Нет, с зрелищем полей я не могу расстаться!
 И лзя ль изящным сим предметом не прельщаться?
 Вдыхал Виргилия, Гомера он пленял;
 Гомер, который гнев Ахилла воспевал,
 Живописуя нам кипящу яру сечу.
 Копье против копья, и меч мечу на встречу,
 И мудрость льдяную и храбрый дух вождей,
 И гром оружия, и ржание коней,

- И как Нептун потряс трезубцем стены Трои, —
- ¹⁰ Вдруг пременяет тон, позабывает бой,
 Воспоминает жизнь беспечных пастухов,
 Невинный век златой — и кисть отца певцов
 На свежей зелени резвяся отдыхает.
 Когда ж Ахиллу он броню приготавливает,
 Тогда сражения изобразив на ней,
 И ужас яростных впрягающий коней,
 Спешит утешить нас резец его отрадный.
 Ведет под сень лесов, на холмы виноградны;
 Показывает нам стада овец, луга,
- ²⁰ И светлых ручейков счастливые берега.
 Вождь носит на груди сии изображенья,
 И мчит, разгневанный, в кипящий жар сраженья
 Богатые снопы и спелый виноград.
 Божественный певец! Тебе принадлежат
 Честь, слава предводить дружины в брань военны;
 Садами управлять есть мой удел смиренный.
 Уже покорный кряж приемлет мой закон;
 Уже и муравой одет атласной он;
 Уж Флора из кошиц рукой своей румяной
- ³⁰ Рассыпала цветы на дерн благоуханной;
 Лес отенил скалы, венчал протоки вод.
 Теперь моя рука дороги проведет
 Под зеленью лесов, чрез горы и долины,
 И с лучшей стороны покажет все картины:
 По слову моему явлений ряд готов!
 И чтобы довершить убор моих садов,
 Я благородные искусства приглашаю,
 И зодчеству сие с ваяньем поручаю.
- Дороги суть вожди к предметам, и они,
- ⁴⁰ Показывая их, их украшать должны:
 В рождающихся вновь садах я запрещаю
 Дороги проводить; я глазом назначаю
 Их направление в оконченных садах.
 Пусть извиваются в прекраснейших местах,
 И виды лучшие откроют в отдаленье.
 Заметь, когда свой сад и местоположенье
 Ты посетителю желаешь показать,
 С какою тонкостью ты тщишься выставлять
 Все, все хорошее, и скрыть, что безобразно.
- ⁵⁰ Ты мимоходом вид заметить дашь прекрасной,
 И гостя знаешь чем забавить и увлечь,
 Часть прелестей к пути возвратному сбережь;
 За чудесами вслед другие уж готовы;
 Из сцен уж виденных рождаются сцены новы.

Заметь, ты иногда желанье совершишь,
То подстрекнешь его и больше распалишь,
И, часто, отложив умножишь наслажденья.

Отбрось же правила школярного ученья;
Вкус грубый создал их, обычай странный ввел;
⁶⁰ Обычай есть равно тиран градов и сел.
Когда в Италии сады преобразились,
Порядок с пышным в них устройством воцарились;
Их блеск всю Францию мгновенно ослепил;
Прямолинейник все под иго покорил,
И стали по два в ряд древа везде и вечно,
И протянулись аллеей бесконечной.
Век новый, вкус другой. Всех прежде Албион
Порядка опроверг в свободном парке трон;
С тех пор всегда и все тропинки кривизнами;
⁷⁰ Везде излучины и сгибы перед нами.
Усталый, пред собой цель вижу я вотще,
И не хотя, бродить мне надобно еще.
Иду к предмету я, который привлекает,
А он все далее и дале убегает.
Тогда прокляв твое искусство и свой путь,
Даю зарок в твой сад вперед не заглянуть:
Не долго нравится нам злоупотребленье!
Дай каждой разное тропинке назначение:
Одна к угрюмым тем ведет предметам нас,
⁸⁰ Которые дивят и поражают глаз;
Другая же в приют, таинственной рукою
Нарочно скрытый дров завесою густою;
Но лабиринт такой ты выставить умей
Необходимостью, не прихотью своей;
Как будто рвы, чаща, болотистые воды
Заставили тебя сделать тут обходы.
Приятной гибкости я требую от них,
И не любя аллеи и длинных и прямых,
Я более еще дорогу ненавижу,
⁹⁰ В которой грубое одно кривлянье вижу,
Которая как змий израженный вертась
И судорожными порывами томясь,
Перевивается, меняет направленье,
И делает глазам, ногам, земле мученье.

Есть живописные в Природе кривизны;
Их образцом своим поставить мы должны;
Дороги для телег, тропинки стад ревущих,
Под кров соломенный рассеянно идущих;

Пастушка, медленно бредущая в полях
 100 И погруженная в приятнейших мечтах —
 Покажут нежность нам волнистых округлений,
 Научат избегать углов и преломлений.
 Когда к неизвестному предмету нас обход
 И затруднительный и дальний поведет,
 Успокоение должно быть там отрадой,
 И удовольствие за все труды наградой.

Поэтам славным ты дерзни во след итти:
 Коль Муза их, идя и уклонясь с пути,
 Позволит тем себе нарушить план свой строгий,
 110 Сей отступ для меня игривей всей дороги;
 Нас заманя, они умеют наградить:
 Здесь Низос жизнью жизнь друга искупить
 На копья, на мечи кидается без страха;
 На гробе Гектора стенает Авдромаха.
 Так поступай и ты! Ведя нас по цветам,
 И тягостный обход приятным сделай нам;
 Пусть нас веселые предметы развлекают,
 И при конце труда за труд вознаграждают;
 Великолепные Природы красоты.
 120 Творения искусств рассея повсюду ты,
 Живой поэмы сей прелестны эпизоды.
 Я вижу тайный грот, вертепа мрачны входы.
 Жилище тишины, и тени, и прохлад;
 Воображение предупреждает взгляд.
 Пруд чистый, как хрусталь, свод неба отражает;
 Там перспективу глаз далеку открывает,
 Величественную, слиянную для глаз,
 И убегающую все далее от нас.
 То иногда лесок прекрасно отененный,
 130 Природы и твоей рукою округленный,
 Роскошен, а не хитр; я весь в тени, в цветах,
 Как будто говорит: «Постой, в каких местах
 Приятней может быть?» И вдруг иная сцена:
 На место радости задумчивость священна,
 Безмолвие, покой, жилище тишины,
 Где мы не любим быть ничем развлечены.
 Где любим размышлять, творить, играть мечтою.
 Где любит человек беседовать с собою;
 От настоящего к грядущему парит;
 140 О благах, о бедах, которыми покрыт
 Путь жизни нашей, живей воспоминая,
 И на прошедшее унылой взор бросая,
 Оп любит замечать немного сих минут,
 Столь кратких, столь драгих, которые цветут,

Как розы на степи. — Ах, сладко вспоминаешь
О прошлых радостях и даже о страданье!

- Не ставь в пример себе людей холодных сих,
У коих нет перемен в садах холодных их;
Им благородная совсем безвестна смелость;
- ¹⁵⁰ Везде встречается иль легкость, иль веселость;
Прелестны рощицы, прекрасные лески;
Везде цветут цветы, везде висят венки;
Все улыбается, везде блестят уборы;
Здесь видел храм любви, а далее храм Флоры.
Однообразная веселость их скучна.
Обыкновенная дорога не должна
Твоей дорогой быть: я жду изобретений
И смелых от тебя противоположений.
Все к цели, избранной тобою, весть должно:
- ¹⁶⁰ Причины разные, но действие одно.
Пуссен тебе урок прекрасный представляет,
Когда на празднике весны изображает,
Как резвый хоровод пастушек, пастухов,
Сплетясь рука с рукой на зелени лугов,
Кружится весело под тенью вязов тёмной;
Недалеко от них могила, камень гробной,
Полуобрушенный, обросший серым мхом,
С простою надписью, начертанной на нём:
«И я был пастухом в Аркадии счастливой!»
- ¹⁷⁰ Такое зрелище в противности с игривой,
Беспечной юностью, бегущей по цветам,
Столь выразительно изображая нам
Забавы, радости, ничтожность жизни нашей,
Вещает: «Смертные! Спешите полной чашей
Пить наслаждение! Ах! Песней сладкий глас,
И пляски, и пиры, и сами вы на час!»
Тут постепенно вслед за радостью живую
Овладевает грусть растроганной душою.
Вот образец тебе! Не бойся испугать;
- ¹⁸⁰ Гробницы можешь ты и урны воздвигать
Среди смеющихся, пленительных явлений.
И кто не испытал в сей жизни огорчений?
Кто слез не проливал над прахом дорогим?
Передавай печаль лесам, цветам своим!
Чувствительный во всем себе друзей находит,
Он горсть разделить с деревьями приходит:
Уже над мирною гробницей обнялись
Задумчивая ель, унылый, нежный тис,
И ты, почивших друг, о кипарис печальный!
- ¹⁹⁰ Ты, охраняющий в могиле пепел холодный,

Ты ближний нам, родной: любовник мирты рвет;
 Для победителей зеленый лавр растет;
 Им славу и любовь охотно уступаешь,
 И сам в печалях нам и горе сострадаешь.

Но в памятниках сих не блеск, не пестрота
 Есть трогательная для сердца красота;
 Как можно согласить искусство с скорбью злою,
 И роскошь с сельскою невинною красою?
 Где скорбь — там хитрости, притворству места нет.
²⁰⁰ Прочь урна, в коей прах ничей не почнет!
 Прочь дело прихоти, прочь мавзолеей поддельный,
 Собаки иль скворца сей памятник скудельный:
 То не почтить гробов, святынею играть.

Коль другу не судил здесь рок опочивать —
 Кладбище пред тобой! Во мраке сосн сгущенных
 Спят праотцы селян в гробах уединенных.
 Они как ангела последний звали час;
 На дикия бразды лился их пот для вас;
 Не стыдно память их почтить — и над могилой
²¹⁰ Поставить памятник и скромный и унылой,
 Без бронзы, мрамора и с резьбою простой.
 Нельзя и в надписи блеснуть здесь остротой,
 Как над гробницею посла или владыки;
 Дела всей жизни их не знатны, не велики:
 С утра, когда петух пробудит их от сна,
 До ночи поздняя, когда вокруг огня
 Жена и дети ждут их к ужину с работы,
 Всегда одни труды, всегда одне заботы,
 Отрады никакой не видят: родились,
²²⁰ Страдали, умерли; вот вкратце вся их жизнь!
 Но кто с сей жизнью без скорби разлучался?
 Кто в час последний свой сим миром не пленялся
 И взора горького назад не обращал?
 Кто прах свой по себе забвенью оставлял?
 Чтоб жизнь их усладить — почти их при кончине!
 Кто благороден был на зло своей судьбине,
 Кто богу и царю и родине служил;
 Стыдливости печать кто дочерям положил
 На девственном челе, сывам к добру влил пламень:
²³⁰ Над тем постанови не столько грубый камень;
 Скажи, что «здесь лежит хороший церкви сын,
 Хороший семьянин, хороший гражданин».
 И сердце приведет тебя на их кладбище;
 Там для чувствительных любимое гульбище!
 А ты, воссевшая в тени деревьев сих,

Помедли, Муза, тут! Увей цветами их;
 Оставь, оставь другим петь возведенцев счастья,
 Петь хитрости любви! — Унившись сладострастья,
 В одежде праздничной и с миртовым венком,
²⁴⁰ Пускай торжественно, с смеющимся лицом
 Игрива Муза их предводит шумны лики;
 Твои занятия удивлены, тихи:
 Гимн утешительный поешь усопшим ты,
 И сыплешь первая на гробы их цветы.

Пора! . . . Отрем слезу, и воздохнем отрадней!
 Ждет зодчество меня в лесочках, где прохладней
 И сладостнее тень; не тихий смерти храм,
 Не слезный памятник воздвигнуть хочет там;
 Беседки, домики веселые и чисты;
²⁵⁰ Впутьри прохлады, свет, вокруг древа тенисты.
 Я позволяю все, и строить, и сажать;
 Не позволяю вам во зло употреблять
 Первейшего из благ, бесценныя свободы:
 Не строй в садах своих киоски и пагоды;
 Смесь чудна зодчества есть зодчества позор,
 И безобразные наряды не убор.
 Не страшно ль смежными увидеть зданья Римски,
 Китайски, Гречески, Япоиски, Аравийски?
 Так расточительность среди богатств бедна;
²⁶⁰ Так, недовольная, в одном саду она,
 Без цели, в выборе не дав себе отчета,
 Желает поместить четыре части света.

Какой бы ни был вид, число, величина
 Различных зданий — быть должна соблюдена
 Печать их зодчества без всякаго примеса,
 И быть полезного заброшена завеса
 На бесполезные сих зданий красоты.
 Теперь исчисли мне строгня сада ты.

Гумно, богатство сел, надежда земледельца,
²⁷⁰ Убранства скромного желает от владельца.
 Да не похвалятся чертоги перед ним,
 Столь низкие при нем достоинством своим,
 Сколь низок хитрый взгляд Армиды горделивой
 Перед улыбкою невинности стыдливой!
 При имени гумна — луг, овцы, век золотой,
 Все блага чистые предстанут предо мной,
 Которых милое в стихах изображенье
 Плеяло детское мое воображенье;
 Ах, возраст золотой есть возраст детских лет!

280 Предстанут — и мой дух с предмета на предмет
 Под куши пастырей преносится мечтаньем.
 Спеш! Приветствуют нас птицы восклицаньем!
 Уже я слышу скрип навьюченных возов,
 И отзыв по токам стучащих в лад цепов.

Смиренного гумна не обращай в палаты:
 Слог зодчества его не пышный, не богатый,
 Приятен, легок, прост; гумно в твоих садах
 То, что смиренная идиллия в стихах.

Ах, именем богов вас сельских заклинаю,
 290 Да роскоши нигде в садах не повстречая!
 Хочу я видеть там скирды, стоги, снопы,
 И плуг искривленный, и острые серпы.
 Пускай, оставя стыд, предстанут перед нами
 Тяжелые возы и бороны с зубцами.
 Вот подле птичий двор — и самое гумно
 Движеньем птиц внутри и вне оживлено;
 Уже не замка то бесплодное богатство,
 Бесчувственна краса и мертвое убранство;
 Здесь все заселено: солома, хворост, кров.
 300 Сколь много разных птиц, свойств разных, голосов!
 Семейства, нации, все образы правленья:
 Самодержавного ль желаешь ты владенья,
 Или Республики? Здесь все перед тобой!
 Займись их нравами, любуйся их игрой.
 Вот петел! Семьянин, любовник, повелитель,
 Сатрап без лености, монарх, а не мучитель;
 С веселой красотой сияет бодрость в нем;
 Осанисто идет в крылатый свой гарем;
 Ласкает с гордостью, повелевает нежно;
 310 Друг сладострастия, друг почестей, надежной
 С любовницей своей, с соперником боец;
 И победитель — сам побед своих певец.
 Прекрасны игры их, сражения, победы,
 Любовь и ненависть и даже их обеды.
 С корзиной птичника едва покажет взор,
 Как с башен, с кровель вмиг посыплются на двор
 Станицы корм клевать, корзину осаждают;
 То прочь, то налетят, то с криком обступают;
 Опять рассыплются — и снова смельчаки
 320 Пшено с отвагою рвут даже из руки.

Да будет чист их двор, спокойны их жилища!
 Не мрамор надобен, опрятность, холя, пища;
 На что гранитный им, богатый водоём

С позолоченною решеткою кругом?
 На что сей жесткий пол в их комнате нарядной?
 Одно зерно цшена приятней им стократно!
 Так Лафонтен сказал. О истинный мудрец!
 Когда б ты, счастливый зверей и птиц певец,
 Сошел сюда, поля оставя Елисейски,
 340 Напыщенный павлин, гордец петух индейский,
На наш бы счет могли тебя повеселить!
 Двух голубков своих ты мог бы здесь найтишь;
 И снова петухов узря готовых к бою,
 Сказал бы: о Любовь, ты погубила Трою!

Какими криками вдруг слух мой поражен?
 Какой еще народ в сих зданьях заключен?
 Четвероногие и птицы иноземны,
 В неволе сладостной друг другом удивленны,
 Красивых редким ты всегда предпочитай,
 340 И в сих решетчатых темницах запирай
 Одних воспитанных чужими небесами,
 Чад солнца и его блистающих лучами.
 Зеленый попугай, колибри расписной,
 Фазан украшенный порфирой золотой —
 Для сих нарядных птиц роскошными руками
 Жилище уברי: оне суть роскошь сами;
 Их бесполезности замена их краса.
 Да позабудут же отчизну и леса,
 И да найдут сии великолепны птицы
 350 В сем заточении прекрасные темницы.
 Но с нетерпением томящихся в цепи
 Птиц гордых и зверей надменных не терпи;
 Нас возмущает лев, оковами звенящий.
 Забудет ли орел, царь птиц быстропарящий,
 Дорогу в небеса и горний свой полет?
 Отдай, отдай ему свод неба, солнца свет!
 Я не могу сносить и в твари униженья.

Но между тем, когда прекрасные творенья,
 Далеких гости стран, мне кажут свой убор,
 360 И в выборе красот мой затрудняют взор;
 Уж обоняние прельщенно подзывает
 Вновь далее туда, где также обитает
 Семейство пришлецов, преплывших океан,
 Растенья редкие — красавцы чуждых стран;
 Согрей их, оживи: да воздух мягкий в сладость
 Питает и хранит сих летораслей слабость.
 Но климат победа, ход времени почти:
 Не вынуждай плодов, не заставляй цвести

Весенние цветы в сурово время года,
 370 Когда весной им цвeсть назначила Природа.
 Местам, где вечный мраз, оставить должен ты
 Подделанной весны подделанны цветы;
 Жди солнца летнего, оно блеснет лучами,
 И спелыми тебя обрадует плодами.
 Я признаюсь, люблю сквозящий Флоры храм!
 И в зиму за стеклом древа смеются там;
 Растенья климатов различных съединены:
 Жасмин Иберии, Вулканом ободренный,
 И жолтый ананас, обманутый теплом,
 380 Искусства силою нас радует плодом.

Сколь много зданий есть еще разнообразных,
 И вкусом признанных, и с местом сообразных.
 Под тенью ив. где бьет целебная волна,
 Уединенная купальня быть должна;
 Шалаш рыбацкий, где прохлада обитает,
 И сеть и уду нам для ловли предлагает.
 Пустынный сей лесок достоин чистых Муз;
 В нем светлый, легкий храм для них построит вкус.
 В конце сей просеки сенистой и далёкой
 390 Воздвигнем обелиск прекрасный и высокой
 В воспоминание Героям в род и род.
 Уже возвышенным челом он восстаёт;
 Уже пишу резцом на камне умягченном:
 «Скопчавшим жизнь в боях на море отдаленном!»
 И мимо шед всегда слезу здесь пролию.

На крутизне горы высоко башню зрю:
 Замысловатое искусство поставляет,
 Приводит в действие на ней и обращает
 Дски говорящие, которые чредой
 400 По воздуху одна передает другой
 С чудесной скоростью чрез знаки чрезвычайны
 Их подвижным листкам вверяемые тайны.
 С негодованием зря вестников таких,
 Стоокая молва сто языков своих
 Заставила молчать, трубу свою разбила,
 И крылья быстрые с досады опустила.

Величину и вид строений применяй
 К местам, которые со вкусом выбирай!
 Теперь уже твои беседки разнообразны
 410 Полезны будут нам, не будучи пустынные;
 Но должно место им какое назначать,

На коем бы оне могли свободно стать.
Не слишком стеснены, не слишком распырясь.
Не закрывая сцен и сами не теряясь.

Характер зданий, мест ты выразить умей:
Средь дебри хижина отшельничья живей
Изображает нам от мира отречение.
Точнее выбирай и мысль и выражение:
Прилично ль эрмитаж в пустыне поместить?
⁴²⁰ Прилично ль гордый храм дубравами закрыть?
Пусть холма алачного храм блещет на вершине!
Сей вид торжественный придаст и всей картине
Величие и жизнь, движение и свет:
Ландшафт Авзонии в сем сколке оживет.

Но да сокроется от дневного сиянья
Убежище любви, убежище молчанья!
Так вкус сокрыл в тени сей Радзвивильской храм,
Вдали чуть видимый, вблизи открыт очам;
На тихом острове, в пустыне сладострастной,
⁴³⁰ Он весел, прост, велик; молчанье, сумрак ясной
И во святилище таящийся Эрот,
И тихий шум дерев, и тихий шопот вод,
И сладкое цветов окрест благоуханье,
И в гладком озере лазури трепетанье,
И зримый на холме разрушившийся храм,
И мирные стада, бесечно спящи там,
Где в старину б их кровь дымилась пред богами —
Все слито здесь в одной картине перед нами.

Но что веселая приятность зданий сих,
⁴⁴⁰ И свежая краса, и блеск, и младость их
Перед священными развалин сединами?
Громады стен, столпов, набросанных векам,
И в дикости своей обворожают взгляд;
Оне следы веков промчавшихся хранят!
Добыча варваров, войны, землетрясенья,
От них отрадные приемлем наставленья:
Смотря как падает и мавзолеей, и храм,
И пышные врата, и лики в честь вождам,
Мы предаем себя потоку перемены,
⁴⁵⁰ Не сетуя на рок. Так падшей Карфагены
Обломки мертвые гонимый Марий зрел,
И услаждение печали в них обрел.

Развалин пышностью сады обогатятся.
 О ты, с которою люблю меж них скитаться,
 Которая ведешь, незримая толпой,
 Создателя садов в путь новый за собой,
 Ты, живописи друг, Поэзия, мой гений!
 Приди одушевить картину разрушений,
 Для вкуса обнаружь развалин красоты,
 460 Руки Сатурновой глубокие черты.

Здесь опустевшая часовня перед нами;
 В ней древле сонмы жен, детей и дев, с дарами
 Перед ступенями простертых олтара,
 Молили о плодах небеснаго царя!
 Преданье и поднесь развалин сих хранитель.
 Там замок: встарину округи всей властитель,
 Он неприступною твердыней окружен,
 До облак возносил гордыню грозных стен;
 Он был, в ужасны дни раздоров и смятений,
 470 Свидетель грозных битв и дивных походов
 Баярдов, Геврихов и славы древних лет —
 Днесь жатва на его развалинах цветет.
 Сии угрюмые, разрушенные стены, —
 На коих муравы лежит покров зеленый;
 Сии остатки врат, сии ряды зубцов —
 Где птица в тишине таит своих птенцов, —
 Приют спокойных стад в обителях победы;
 Дитя играющий, где ратовали деды:
 Веселый мир и брань, смирение и спесь...
 480 Присвой садам сию противоречий смесь.
 Там древний монастырь, покинутый, забвенный,
 Вдруг открывается пустыней окруженный.
 Как тихо все окрест! Полуночной порой,
 Здесь Размышление с потупленной главой
 Сидит, на темный храм вперив прискорбны взгляды;
 Здесь древле узицы, как бледные лампы,
 Пред ликами святых возженные в ночи,
 Или как хладные над мертвыми свечи,
 Пылали, таяли, и тихо угасали.
 490 Здесь благодать, и мир, и вера обитали.
 Трапеза, келий ряд, гробницы, мшистый свод,
 Вокруг монастыря идущий крытый ход,
 Помост, коленями молящихся избитый,
 Мрак окон и олтара, в святилище сокрытый,
 Где девы, может быть, не смея уз прервать,
 Неумолимого дерзали умолять,
 К погибшим радостям душой перелетали,
 И робкую слезу у Веры похищали...

Все сердцу говорит среди сих мрачных стен:
500 И путник, к сим местам мечтою заведен,
Здесь мыслит под вечер ненастный и унылой
Зреть Элоизы тень стенищу над могилой.

Руины — славное стяжание садам;
Старинный памятник почтен и дорог там:
Величия, скорбей, мирской или священный.
Но подражаний прочь усилья дерзновенны!
Неподражаема для нас печать времен.
Сей древний храм вчера лишь только довершен;
Вот замок, никому жилищем не служивший;
510 Вот мост обрушенный и месяца не живший;
Вот башня мшистая падением грозит,
Но древности, увы! Ея не кажет вид.
Бессильно грубое искусства ухищренье:
Оно есть жалкое младенца напряженье,
Которой, старика желая роль сыграть,
Хотя и морщится, в нем старца не видать,
А детства милого потеряна приятность.
В обломке истинном видна судьбы превратность:
Он современником был наших праотцов;
520 Я с ним беседую о нравах тех веков;
Люблю я вопрошать, люблю его ответы;
Он повторяет мне деяния и леты:
Чем более народ, чем времена славней,
Тем их развалины нас трогают сильнее.

О Римские поля! Священная пустыня,
Где вся в виду у нас ничтожества гордыня;
Обломки славные величием имен,
Величием подвигов, величием времен,
Вы будущим векам высокие уроки
530 Высоких доблестей. Смотри, времен потоки
На храм бросают храм и гроб на гроб кладут;
Стремятся в ярости, ломают, рушат, рвут
На части древности останки драгоценны,
И открывают Рим в развалинах нетленный.
Громады гордые, портíки, своды врат,
Где камни верные потомству говорят,
Сколь слава Римская блистательно сияла:
Их, мышца времени не сокруша, устала.
Тут воды над водой по сводам сим текли;
540 А здесь, в сии врата вожди в триумфе шли,
Влеклись сокровища и в плен цари, парницы,
Теперь же цесарей чертоги и гробницы

Нераспознаемо рассыпаны вокруг;
 В то время, как еще мечтаем видеть луг,
 Сенисту рощицу, где в хоре Муз и Граций
 Виргилий отдыхал, Овидий и Гораций.
 Сто крат счастлив, кто мог от дедовских веков
 Останки древние включить в предел садов!
 Уже художнику помощник тайный время;
⁵⁵⁰ Уже земных владык Природа свергнув бремя,
 Вступает вновь в права. И в месте, где Помпей,
 Завоеватель-вождь, пленитель царств, царей,
 Давал гражданам пир, где плески их гремели,
 Как в дни Эвандровы звук слышится свирели.
 Вновь веселы поля под жатвою златой;
 Надменный обелиск чуть виден под травой;
 Висят на высоте стены дрожащей козы;
 Вкруг пышного столпа смиренно вьются лозы;
 Власы зеленые растений и кустов
⁵⁶⁰ Распущены и вверх и вниз вокруг столпов,
 На сих развалинах посеяны ветрами,
 Уже их слабыми в рассединах корнями
 Творение Римлян колеблют и крушат.
 Сторукий, гибкий плющ, кудрявый виноград
 Вьются и ползут развалин на вершины,
 Украсить иль сокрыть желая их седины.

Когда в твоём саду развалил старых нет;
 Есть бронзы, мраморы, — минувших боги лет:
 Божественное в них валяния искусство
⁵⁷⁰ Благоговения рождает в сердце чувство.

Я знаю, что желал вкус строгий из садов
 Изгнать Авзоний и Греции богов;
 Напрасно! Юность мы и детство проводили
 В Афинах, в Риме; там богов сих полюбили.
 И не стрegli ль они стада и огород?
 Почто же заграждать в твои сады им вход?
 И смеют ли цветы твои расцвести без Флоры?
 Пусть боги Греции обворожают взоры!
 Изящные, они творцы изящных чувств:
⁵⁸⁰ Баснь и теперь еще религия искусств!
 Да будет же твоё валяние совершенно,
 И да загонится всяк образ искаженной:
 Бог без величия, богиня без красот.
 Пусть бронза чувствует и мрамор оживёт!
 Да не вступает бог в права другого бога:
 Пац любит жить в лесу, не требуя чертога.

Почто сей Нил, вотще венчанный осокой,
На суше с урною разбитой и пустой?
Почто встречаются Тритоны и Наяды
590 В безводном месте, где стоять должны Дриады?
Примпте прочь зверей, которых дикий вид
И в изваянии погибелью грозит!
Прочь мрачны цесари, страшнейши сих чудовищ!
Почто нас ужасать ты стражей сих становишь
При входе в рощицу, где плещет ручейк,
Где шепчет с листьями роскошный ветерок?
Быв в жизни бич людей — они предмет боязни,
И кажется, еще определяют казни.
Возможно ль допустить сюда их злобу, спесь?
600 Герои правоты и мира чтимы здесь.
В местах, назначенных мужей сих покловенью,
Прилично райской быть тиши, уединенью;
Да в мире тени их у вас опочнут.
Создай Элизиум! Да пышно расцветут
Вечнозеленый мирт, лес лавров благовонных,
Долину тихую сокрыв от глаз нескромных.
Там беломраморны поставьте лики их!
Да льется там проток меддителен и тих;
Луна, сливая блеск с вечерними тенями,
610 Осветит их предел дрожащими лучами.
Мужей великих сонм в зеленой дров тени,
Блеск чистый мраморов и нежность белизны,
Их сановитый вид, в величии спокойный,
Ток дремлющей воды, как Леты ток безмолвный,
Которая в струях несет забвенья бед,
Неблагодарности, гонений и сует;
Брег очарованный, дубами осененной,
День потухающий во мгле листов зеленой, —
Все возвещает здесь блаженных душ покой!
620 Да не нарушат же сей тишины святой
Завоеватели своим кровавым взглядом!
Поставь мужей творцу и людям милых рядом,
И славных не войной, щедротами владык:
Да утешает нас здесь Фенелонов лик;
Да Генрих Сюллию прострет как брату руки,
И виден с хартией раздранной Долгорукий.¹
Поддай, поддай цветы! Хочу венчать мужей,
Которые среди неведомых морей,
Простясь с отечеством и в ссылке благородной,
630 Противу ста смертей шли с гордостью свободной,
Чтоб блага новые Природы собирать;
Чтобы сокровища художеств расточать.
Ты, смерть которого мир бедствием считает,

Об коем Албион и Галлия рыдает,
 Великодушный Кук! В далеких тех странах,
 Где возвещал об нас единый гром и страх,
 Как Триптолем учил владеть ты диких плугом;
 Благовестил им мир и был их нежным другом;
 Овец, коней, тельцов, орудия дарил;
 640 Принес искусства им и свет наук открыл;
 Являлся как отец средь милого семейства,
 И Европейские наглаживал злодейства.
 Корабль твой приходя, дарами осыпал,
 Корабль твой отходя, дары им оставлял.
 Тебе сын Франции приносит сердца дани;
 Не ты виновник бед, не ты виновник брани;
 Муж добродетельный есть мира гражданин,
 И Галлии равно и Албиона сын. —
 Пример наш царь — твоим достойным быть владыкой!
 650 Увы! Что в том, что он решительный, великой,
 Два раза дерзостно летел среди валов,
 Зрел небо в пламени, проплыл сквозь море льдов,
 Что от народов всех, от всех языков чтимый,
 От разъяренных волн, мелей и бурь хранимый,
 Вселенну облетел корабль его кругом;
 Что бранный для него умолк в пучине гром?
 Все тщетно — и во маду трудов, заслуг толпиков,
 Друг человечества, увы! Погиб от диких!

Но украшать поля искусству научить
 660 Мне мало! Их хочу заставить полюбить.
 И, может быть, я в том успею превосходно,
 Когда, переменя тон важный и холодной,
 Я трогательную здесь повесть расскажу,
 И ею лучше всех уроков докажу,
 Что сад не мудрецы одни считают раем;
 Что иногда царей великих мы встречаем,
 Которые, сошед с престола, — свой покой
 И счастье обрели в сени лесов густой.

Будь мне свидетель в том, о старец оснеженный
 670 Летами, горестью, Абдолоним смиренный!
 Наследник царства, злом от царства отлучен,
 Отшельник, радостей ты не был отчужден.
 В покое сладостном, в занятиях приятных,
 Ты позабыл свой род, забыл неблагодарных,
 И опроверженный мятежниками трон.
 Пустыня райская! С одной страны Сидон,
 Прекрасной гаванью, морями окруженный,
 С другой страны Ливан до облак возвышенный,

Венчанный кедрами цветущими; они
680 Уступами вокруг горы обсажены,
Являют вставший лес из-за другого леса,
Над сенью нову сень, завесу над завесой.
По скатости горы плодоносящий холм
Склонялся исподволь одеянный ковром;
Два светлых ручейка, с Ливана ниспадая,
Текли с журчанием, холм злачный освежая.
В саду и к той стране, где солнечный восход,
Среди бесчисленных естественных красот
Вдоль простиралась долина расширена,
690 И бурным севером и югом ввек забвенна.
Средь сада тополы, сенистый кипарис
Ветвями частыми приятно соплелись,
И улыбались кустарники душисты;
С их благовонием мешался воздух чистый.
Впреди лес яблоней подчищенный, молодой,
Лимон, гордящийся одеждою златой,
И смоква сладкая, и сочная граната,
И пальма стройная, дарами столь богата.
Лужайки муравой кудрявою цвели.
700 Вокруг разбросаны утесы и скалы
Чистейша мрамора, где жилки пурпуровы,
Сребролазурные и златобирюзовы,
В их грубом образе приятней для него,
Чем яшмовы столпы вокруг дворца его.
Стада, которые в лугах его гуляли,
Начало, долг царей ему напоминали.
Монархи первые, он думал иногда,
Как добры пастыри пасли людей стада;
А днесь какой мудрец, страдалец произвольной,
710 Захочет бремя взять правленья добровольно?
Так думал счастливый пастушьим посошком,
И полный властелин над стадом, цветником,
Он прилагал о них нежнейшее раченье;
Сын добрый разделял с ним труд и попеченье.
Один величествен и в зиму дней — с брадой,
Висящею до чресл серебряной волной;
Румяных цвет ланит не помрачила старость;
Походка твердая напоминает младость;
Ни время, ни труды, ни горе не могло
720 Склонить к земле его владычнее чело.
Сын в цвете лет своих, как роза, расцветает,
Пух персика браду прелестно отеняет;
Исполнен нежности, но величавый зрак
Являет рода в нем высокого признак.
Чета сия тогда, как время вечеряло

И солнце слабый луч из-за морей бросало,
Раченье отложь на время о цветах,
Читала летопись о грозных мятежах,
Народа и вельмож о буйстве страшном, яром;
730 Как искра сделалась великим вдруг пожаром;
Как наглость с воплями в чертоги ворвалась,
Цареубийственным мечем вооружась,
Их предков кровию трон царский обагрила,
И от наследия отцов их отчуждила.
И старец слезы лил о бедствиях отцов;
Но царь своих овец, монарх своих садов,
В приятном уголке обилен, адров и волен,
Он трона не желал, был хижинной доволен.
Сын не таков его; он в сердце ощущал
740 Дух силы, мужества; он славою пылал
Превыше возраста, превыше рока слезна;
Но усмирять сей пыл пример отца любезна,
С охотой новою за заступ брался вновь:
Все побеждала в нем сыновняя любовь.
Так отрасль юная, которая судьбами
Назначена покрыть окрестность всю тенями,
В стокевом лесу, сгоревшем от громов,
Бессильна, кроется еще под отчий кров.
Средь сада был олтарь из дерева простого,
750 И там пустынноики молили всеблагого.
Однажды ввечеру работы окончав,
Полив свои цветы, стада свои загнав,
Они молилися коленопреклоненны,
Лья токи теплых слез, обняв олтарь священный;
Венки, пучки цветов, душистый фимиам —
Вот все дары, вот все их жертвы небесам.
День был безветренный, лучи светила рдяна
Скользили косвенно от запада багряна,
И издали моря казались в огне;
760 Зефиры в парусном играли полотне;
Сидонских кораблей чуть колебались флаги —
И расправлялися изгибы светлой влаги.
Приникло, все молчит на суше, на воде:
Природа с чувствами внимала их мольбе.
Неостановленный стенами храма долу
Обет их достигал к всевышнему престолу:
Что может преклонить на милость гнев небес,
Как не вздыхание, не реки теплых слез?
Отец, возвыся глас, просил у щедрца неба
770 Отчизне счастья, себе насущна хлеба;
Молил простершиися, да горню благодать
Благоизволит Зевс на сына испослать.

Сын об родителе молил со умилением,
И бог богов воззрел на них с благоволеньем;
Подвинулся Олимп, бессмертных сонм восстал —
И добродетельных страдальцев созердал:
Полвека доблестей за старца умоляли,
Невинные лета за юношу вешали...
Внезапно зазвучал трубы военной гром,
780 И войско облегло их пустыню кругом;
Младый Абдолоним страх ощутил безвестный,
Но старец: «Не страшись сего, мой сын любезный!
Когда гордыня рать на брань вооружит,
То ужас богачам; бедняк покойно спит».
Скончав, у олтара остался неподвижный.
Уж близко бубнов гром и трубны звуки слышны,
Окрест гора горе сей гром передает...
Се он! Се Александр, царь грозных сил грядет!
Се он! — Надменный Тир к ногам своим повергший,
790 И рати сильные и царства опровергший!
Наскуча зреть везде опустошений след,
Развалины градов, пепл сел — триумф побед,
Сей бич земных владык, престолов сокрушитель,
Престолов хочет быть теперь восстановитель:
Он дивен, он велик и в прихотях своих!
Уже у врат, уже коснулся прага их...
Столпы не резьбою он видит украшенны,
Простые веревы из дуба округленны;
Вкруг сада вместо ровов и каменных оград
800 Крыжовник, роза, терн, — иглистый палисад.
И вождь, которого закон лишь меч единый,
Который сокрушал высокие твердыни,
Безвестной силою остановленный стал,
На оей ничтожный вал с почтением взирал;
Телохранителей и ближних оставляет,
И набожной стопой во внутренность вступает.
Едва вступил туда — побед умолкнул глас,
Смирился в сердце он, и огонь страстей погас.
Он ищет старца там повсюду, обретает,
810 И приближаясь, почтительно вещает:
«Все, что ни вижу здесь, мне делает упрек;
Упрек сей справедлив: я счастье пренебрег,
Природы позабыл невинные уставы,
Монархов низвергать искал опасной славы;
Я счастье новое узнаю наконец:
Ты кровь царей, прими из рук моих венец!
Твой жребий царствовать; забудь об низкой доле:
Преступен, кто от прав откажется по воле!
Сладчайшей мзды побед меня ты не лишай,

⁸²⁰ И новой славою мой подвиг увенчай.
 Народ и доблести, и Александр, и боги
 Зовут тебя на трон, зовут тебя в чертоги».

«И так, о Александр! По прихоти своей
 На троны взводишь ты, низводишь с них царей?»
 Абдолоним ему смиренно отвечает:
 «Пустыня от тебя царей не укрывает!
 Кормила царства вновь готов я кормчим быть,
 Наследие отцов для сына сохранить;
 А ты, коль счастье сел постигнуть ты способен,
⁸³⁰ Возари на хижину: в ней каждым днем доволен,
 Сном крепким каждую ночь я сладко засыпал,
 Спокойствие, царям безвестное, вкушал;
 Позволь, да наслажусь в последний в сей юдоли
 Прекрасным вечером — блаженством тихой доли.
 Покорствуя судьбам, я буду вновь царем
 И завтра приму правления ярем».

По сердцу отзыв сей владетелю вселенной.
 Прощальным сим речам, беседе продолженной
 Младый Абдолоним в цветник любимый свой
⁸⁴⁰ Спешит; нарвал цветов, и робкою рукой
 Их Александру в дар как сердца дань подносит,
 И розы сочетать с кровавым лавром просит.
 Вождь улыбается дарам нелестным сим,
 И лавроносное чело склоня пред ним,
 В объятия заключил, целует в восхищенье,
 И любит видеть в нем царя — свое творенье.
 Оставил наконец невинную чету,
 В которой уважал он нравов чистоту,
 Которую узнав, гнушаться стал войною,
⁸⁵⁰ И славы бранная блестящею мечтою.
 Увидел Александр, что мир завоевал
 И ясный мир души навеки потерял.
 Но в день сей он вкусил благоденья сладость
 И воскресил в душе давно погибшу радость,
 Которой тщетно он искал земли в концах,
 Которой не нашел ни в бранях, ни в пирах,
 Которой не дает блеск пышной диадимы,
 И победитель сей, ничем ненасытимый,
 И Александр на час доволен сам собой,
⁸⁶⁰ Гордится подвигом души своей благой.

В то время догарал на башнях луч вечерний,
 Темнел небесный свод; Абдолоним последний

И продолжительный окрест бросает взор
На дальние леса, на дальни цепи гор;
Спешит в последний раз Природой насладиться,
С цветами, с хижинной, с деревьями проститься.

Едва с земли, с небес прогнав ночную тень,
Аврора извела из моря юный день:
«Иду на трон, мой сын! Увы! Придет время,
⁸⁷⁰ И на тебя падет сие несносно бремя!»
Рек старец тронутый: «О сколь мне жалок ты!
Нам верноподданны древа, стада, цветы
Не изменяли нам, не ведали коварства,
Благословенного не раздирали царства;
О сколь отличная теперь нас участь ждет!...
Опора слабая моих преклонных лет,
Приди в объятия мои, о сын любезный!
Приди и раздели сей жребий неизбежный;
Утеши в старости печального отца,
⁸⁸⁰ Под блеском царского стенающа венца!
А ты, драгой чертог, шалаш, соломой крытой,
Леса, которых тень служила в зной защитой,
Где удовольствие для сердца находил;
Древа, которые я сам сажал, растил,
Работал, отдыхал на лоне где Природы,
Веснами вашими свои считал я годы:
Летосчисление, которое верней
Бытописания народов и царей;
Простите милые! Удел монархов в мире
⁸⁹⁰ Лить слезы под венцом, рабами быть в порфире».
Изрек — и к важному готовится пути,
В последний говорит им взорами: прости!
Уже в деснице скиптр; одетый в багряницу,
Он удаляется, воссев на колесницу,
Блестящей свитою и стражей окружен;
Рукоплескания встречают с градских стен;
Но только лишь стопы до градских врат коснулись,
Воспоминания в душе его проснулись —
И радость и печаль, смятенье чувств, восторг;
⁹⁰⁰ В безмолвии вступил отцов своих в чертог,
Свидетель славы их, свидетель унижений;
Его преследуют окровавленны тени;
Мнит слышать вопли их... но чиста кровь тельцов,
Мольбы усердные народа и жрецов,
И возлияния и дым благоуханий,
Очистили следы прошедших злодеяний;
Он царствует, и с ним правдивость председит:
Любезный подданным венец не тяготит.

Но старец иногда от мира в удаленье
910 Спешит в любимое свое уединенье,
И утрудясь как царь, там любит как мудрец
С Природой отдохнуть, сложа с себя венец,
Сплетае ветви дров, сидя под мирной сенью,
И счастья прошлого любит он тенью.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. А. Жирмунская

ЖАК ДЕЛИЛЬ И ЕГО ПОЭМА «САДЫ»

Литературная судьба Жака Делиля своеобразна. Слава пришла к нему в зрелом возрасте, после многих лет упорного труда и напряженных стараний создать себе академические, литературные и светские связи. Его авторитет, закрепленный небывалым успехом «Садов», на протяжении трех десятилетий оставался незабываемым, несмотря на достаточно суровую критику позднейших его сочинений. И только резкое изменение литературной ситуации во Франции в преддверии романтических баталий конца 1820-х гг. оттеснило Делиля с поэтического горизонта. Отныне его уделом были иронически-снихождительные беглые упоминания, пренебрежительное отрицание литературных заслуг, а затем — забвение. Уже в 1827 г. Вильмен в курсе лекций по литературе XVIII в. констатировал, что описательный жанр безпадежно устарел и репутация его самого видного представителя — Делиля — находится под угрозой. А десятилетием позже Сент-Бев в «Литературных портретах» со всей категоричностью утверждал: «Аббат Делиль мертв — и окончательно».

Говорить сегодня о творчестве Делиля как о яркой странице французской поэзии было бы явным преувеличением и смещением масштабов. Но в художественной культуре конца XVIII—начала XIX в., взятой в целом и притом в европейском масштабе, оно занимает важное и даже почетное место.

Делиль был детищем эпохи Просвещения. Он впитал ее основные идеи, воспринял сложившиеся к концу XVIII в. эстетические принципы и поэтические традиции и в своем творчестве сумел воплотить типологические особенности описательной дидактической поэмы, подвести итог и завершить развитие этого жанра. То, что было создано им в последнее десятилетие жизни — в эпоху Империи, — прочно связано с истоками его творчества — с литературной атмосферой предреволюционных лет. Вместе с тем поэзия Делиля, субъективно ориентированная на традицию просветительской литературы, объективно обнаруживает проблемы нового художественного видения мира, уже предвещающие романтическую поэтику. И общеевропейский резонанс его главного произведения — поэмы «Сады», падающий на первые годы XIX в., может служить лишним тому подтверждением. «Сады» были переведены на многие европейские языки. Этот успех не был обычным читательским успехом — поэма Делиля пробудила в сознании его поклонников новое чувство ландшафта, новое отношение к украшенной руками человека природе и стимулировала любовное отношение к садово-парковому искусству.

1

Жак Делиль родился 22 июня 1738 г. в Клермон-Ферране, в провинции Овернь. Он был незаконным сыном адвоката Антуана Монтанье из почтенной и состоятельной чиповичьей семьи и девицы Марии-Иеронимы Берар де Шазель, принадлежавшей к старинному, но обедневшему дворянскому роду. Несмотря на вполне зрелый возраст (обоим было по 28 лет), им не удалось преодолеть сопротивление семьи Монтанье, решительно отвергнувшей брак Антуана с бесприданницей. Он ограничился тем, что официально признал свое отцовство, засвидетельствовав в акте о крещении, и взял на себя материальные обязательства по отношению к сыну, но имени своего ему не дал. По желанию матери ребенку была присвоена вымышленная фамилия Делиль, орфография которой долгое время варьировалась (Delisle, de Lille, de Lisle, de l'Isle). Только после революции ее написание окончательно стабилизировалось в форме Delille.

Вследствие этих двусмысленных обстоятельств его рождения будущий поэт не знал с детских лет настоящего семейного очага. Впрочем, в годы его юности и позже, вплоть до выхода «Эмиля» Руссо, мало кто из детей обеспеченных классов испытал тепло родительской любви. Подобно большинству своих сверстников, четырехлетний Жак был передан из рук кормилицы в пансион, где его воспитанием занимались священники и гувернантка. Только один раз его посетила незнакомая дама, приласкавшая его и угостившая сладостями, — это была его мать, жизнь которой протекала в строгом уединении под пристальным надзором семьи, не простившей ей скандала и позора. Много лет спустя, когда Делиль уже учился в Париже, ему было разрешено навестить свою мать, а заодно и знатную родню по материнской линии.

Пансион, в котором он воспитывался до 9 лет, находился в деревне недалеко от Клермон-Феррана, и сельский пейзаж, близость к природе, окружавшей его в детские годы, несомненно создали известные предпосылки для главной темы его творчества. Во всяком случае, сам Делиль не упускал случая упомянуть об этих детских впечатлениях, защищая искренность и подлинность своего чувства природы. Эти же мотивы мы встречаем и в воспоминаниях его жены, написанных совершенно очевидно под диктовку тогда уже полуслепому поэту.¹

В пансионе мальчик проявил недюжинные способности и прилежание, побудившие его наставников отправить его в Париж, где он мог бы продолжить образование. Возможно, что и родные были не прочь удалить его от мест, где памятно было его происхождение. Коллеж Лизье, где вместе с Делилем обучалось немало его земляков, был старинным и солидным учебным заведением, основанным еще в XIV в. Он пользовался хорошей репутацией и числил среди своих питомцев людей, сыграв-

¹ Souvenirs inédits sur Jacques Delille par sa veuve, publiés par P. Bonnefon, in: «L'Amateur d'Autographes». 1904.

ших видную роль в истории национальной культуры (в их числе был известный глава янсенистов Антуан Арно). Обучение оплачивалось отцом Делиля. После его смерти в 1753 г. возникли затруднения, которые, однако, были улажены и не помешали юноше закончить образование. В коллеже наряду с основательным изучением латыни преподавались история, география, физика. Делиль и здесь обратил на себя внимание наставников своей любознательностью и увлечением, с которым он отдавался наукам. Он рано начал пробовать свои силы в писании латинских стихов и в переводах. Прекрасная классическая выучка дала ему пожизненную профессию — до конца своих дней он преподавал латынь в разных учебных заведениях, медленно и упорно поднимаясь по академической лестнице вплоть до знаменитого Коллеж де Франс. Делиль считался лучшим знатоком и толкователем римских авторов. Вместе с тем дидактизм, пронизывающий всю систему преподавания в коллежах, не был отвергнут или высмеян им, как это делали многие из его современников, прошедших такую же школу. Напротив — он был органически усвоен, стал его истинным кредо и стержнем его будущей поэзии.

Выдающиеся успехи юного латиниста (Делиль из года в год удостоивался высших наград, вручаемых публично на торжественном акте) привлекли к нему внимание и за пределами коллежа — в салонах просвещенной знати. Природная мягкость обращения, обходительность, обаяние (о котором пишут многочисленные современники, характеризуюя облик Делиля) проявились уже в юные годы и помогли ему закрепить свои академические успехи. Молодой человек без имени, без родственных связей, без состояния мог рассчитывать только на себя. Он был не из тех, кому, говоря словами Фигаро, нужно было только «дать себе труд родиться». Ему необходимо было обрести почву под ногами, создать себе общественное положение вопреки пятну, лежавшему на его происхождении. Под внешней мягкостью скрывались честолюбие, вера в свои силы и способности. Он с радостью принял предложение своих наставников остаться преподавателем в коллеже, и с 1757 г. начинается его академическая карьера.

С этого же времени перед его именем появляется титул аббата, прочно сросшийся с его фамилией в истории литературы. В XVIII в. за этим титулом скрывалось весьма растяжимое и порою зыбкое содержание. Именно в эту эпоху во французском обществе формируется тип «светского аббата», далеко не всегда обремененного собственно религиозными обязанностями, занимающего, смотря по обстоятельствам, более высокое или более низкое место в духовной иерархии, получающего или не получающего церковные доходы, но чаще всего образованного человека и остроумного собеседника, завсегдатая салонов. Обычно такого рода светские аббаты подвизались на почве литературы или преподавания. Делиль сумел сочетать обе эти деятельности. Избрание им академической карьеры естественным образом привело его к тому, чтобы принять это, по сути дела, ни к чему не обязывающее звание. Он никогда не исполнял священнических обязанностей, а его религиозные

взгляды были окрашены тем отблеском «философской религии», то есть умеренного деизма, который так широко был распространен в эпоху Просвещения. Мы не знаем даже, произносил ли он когда-либо официальные обеты, обязательные для католического духовенства. Во всяком случае, когда на склоне лет, находясь в эмиграции, он пожелал узаконить длительные отношения со спутницей своей жизни, это не потребовало никаких официальных разрешений или хлопот с его стороны.

В 1762 г. указом Парижского парламента иезуиты были изгнаны из Франции. Одним из следствий этой меры была постепенная секуляризация образования в коллежах, где до сих пор иезуиты играли главенствующую роль. Освободилось много вакансий, и Делиль, занимавший пока еще весьма скромные должности в академической иерархии, получил выгодное предложение из коллежа в Амьене. В течение семи лет пребывания там он развил энергичную педагогическую и организаторскую деятельность. Престиж учебного заведения возрастал на глазах. Всеобщее внимание привлекла «Речь о воспитании», произнесенная Делилем на торжественном акте вручения наград. Здесь, как и во многих других случаях, он чутко уловил веяния и запросы общественного мнения: после появления «Эмиля» Руссо (1762) проблемы воспитания оказались в центре общественного внимания и широко обсуждались в разных кругах.

Параллельно с преподаванием Делиль пробует свои силы и в поэзии. Он начал с традиционного жанра оды, адресованной видным особам по случаю знаменательных событий в их жизни, но уже с 1760 г. обращается к более гибкому и демократичному жанру стихотворного послания, получившему широкое распространение в поэзии XVIII в. Этот жанр, освященный еще авторитетом Буало с его двенадцатью посланиями, обладал более обширным диапазоном возможных адресатов и тем. «Послание о пользе уединения для литераторов» в 1760 г. было представлено Делилем на конкурс Французской Академии. Премии оно не получило — она была присуждена известному писателю Мармонтелю, однако это стихотворение можно считать истинным литературным дебютом Делиля, обратившим на него внимание в салонах и литературных кругах: именно тогда он впервые нашел свою тему, которую будет развивать в последующих больших поэмах. Недаром в Предисловии к «Садам» он упомянул первые свои произведения, воспевающие сельскую жизнь.

В бытность свою в Амьене Делиль уже пользовался определенной литературной известностью, и местная Академия выразила готовность избрать его своим членом. Однако этому воспротивился возглавлявший Академию поэт Грессе. Автор весьма вольной антиклерикальной поэмы «Зеленый попугай» (1734), под старость ударившийся в глубокую религиозность, он поначалу милостиво принял молодого педагога, но в дальнейшем, по-видимому, его насторожила явная близость Делиля идеям энциклопедистов. Как бы там ни было, Делиль не прилагал особых усилий к тому, чтобы пустить прочные корни в Амьене. В 1769 г. он принял предложение одного из парижских коллежей занять там место,

правда не столь выгодное и почетное, как в провинции, но зато в центре культурной жизни. В этом же году он опубликовал перевод поэмы Вергилия «Георгики» — плод многолетних трудов, сразу же принесший ему литературную славу и авторитет. Следующее десятилетие отмечено неуклонным восхождением Делиля на французский Парнас. Он становится завсегдатаем философских и литературных салонов и любимцем их хозяек — просвещенных дам. Однако у него находятся и гораздо более весомые покровители — в частности, Вольтер, лестно отозвавшийся о его поэтических трудах. Современники превозносят сделанный им перевод философской поэмы Александра Попа «Опыт о человеке». Близость к энциклопедистам, правда, вызвала прохладное отношение к Делилю со стороны двора, и это задержало его избрание во Французскую Академию. Однако в 1774 г., сразу же после смерти Людовика XV и воцарения Людовика XVI, это избрание состоялось. С 1773 г. Делиль преподает латинскую поэзию в Коллеж де Франс. Ему удается завоевать расположение либерального министра Тюрго, которому он еще за несколько лет до его возвышения посвятил поэтическое послание. В 1776 г. Делиль посетил Тюрго в его поместье (см. примеч. к п. III, ст. 253). Тогда же Делиль заручился покровительством графа д'Артуа, брата короля, через посредство которого он получил доходные церковные синекуры. Эти внешние успехи не могли не определить и социальную ориентацию Делиля-поэта на высшие круги общества — аристократию, высокопоставленных чиновников, крупных финансистов. Ему открыт доступ в эту среду, он бывает в их поместьях, любитесь их парками, прославляет их вкус и щедрость. Примечательно, что свое избрание в Академию Делиль ознаменовал чтением нового стихотворного «Послания о роскоши», развивающего экономические идеи Тюрго. В нем Делиль ратует за целесообразное использование богатства и разумную циркуляцию денег в противовес бессмысленному мотовству, кутежам, карточной игре и т. п. Этот мотив получил отражение и в «Садах».

Осенью 1775 г. Делиль, взяв полугодовой отпуск в Коллеж де Франс, уезжает на юг Франции — в Прованс, а затем совершает настоящее турне по замкам и поместьям, расположенным в разных концах страны. Оставив начатую поэму «Сельский житель» (она будет закончена много лет спустя), он приступает к работе над «Садами», которая продолжается 6 лет.

Поэма появилась в 1782 г. Ее выход был приурочен к празднику в Трианоне в честь графа и графини Северных (под этими прозрачными псевдонимами путешествовали по Европе наследник русского престола Павел Петрович и его супруга). Поэма Делиля была непосредственным откликом на поголовное увлечение устройством парков — королевских, княжеских, помещичьих. Даже люди более скромные по достатку и общественному положению со страстью занимались украшением и благоустройством садов и садилов вокруг своих домов.

Именно на 1770—1780-е гг. падает преобразование и переустройство знаменитых парков Шантильи, Трианона, Монсо, Марли и др. (подробнее см. в Примечаниях). Тогда же выходит ряд теоретических сочинений

на эту тему, принадлежащих как профессионалам — архитекторам-садоводам, так и образованным меценатам — владельцам поместий (сочинения принца де Лия, маркиза де Жирардена, герцога д'Аркура, английского теоретика садоводства Томаса Вейтли, французского архитектора Мореля, Ватле и др.). Делиль знал эти труды, знаком он был в той или иной степени и с их авторами (в обоих социальных пластах). По-видимому, наиболее интенсивный период работы над поэмой падает на последние два года (об этом свидетельствует упоминание ряда современных событий — рождение дофина, смерть императрицы Марии-Терезии, высадка французских войск в Северной Америке, гибель Кука).

Поэма Делиля имела огромный успех. Последовал ряд переизданий. Она привлекла внимание читателей за пределами Франции. Об этом, в частности, свидетельствует письмо княгини Чарторыской к Делилю (см. Дополнение I и Примеч.). В следующем году Делиль начинает работу над новой поэмой «Воображение», в которой он попытался поставить философские и психологические проблемы, волновавшие в ту пору умы (поэма эта увидела свет лишь в 1806 г.), — соотношение чувственного и рационального начал в восприятии окружающего мира.

В 1784—1785 г. Делиль совершает путешествие на Восток — в Грецию и Константинополь, воспользовавшись приглашением посланника Шуазеля-Гуфье, с которым его связывала дружба и общность интересов — благоговейное отношение к античной культуре. Вообще, современники утверждают, что страсть к путешествиям была свойственна Делилю; она получила отражение в раннем «Послании о путешествиях» (1765). После одной из своих поездок в Эльзас он привез с собой молодую девушку, которую представил друзьям как свою племянницу. Отныне (с 1786 г.) она стала хозяйкой его дома и спутницей его жизни.

Революция 1789 г. прервала литературную карьеру Делиля, хотя он продолжал писать и переводить до последних дней жизни. Но изменение общественной и литературной ситуации отодвинуло его на периферию культурной жизни. Жанр описательной дидактической поэмы (которому Делиль оставался верен до конца дней) утратил свою актуальность. Публицистически окрашенная политическая поэзия революционных лет не вовлекла его в свою орбиту, если не считать «Дифирамба», написанного в 1794 г. для праздника Верховного Существа, официально учрежденного Конвентом. Однако опубликован он был только в 1802 г. в совсем иных условиях, и можно предположить, что первоначальный текст претерпел существенные изменения. Политические симпатии Делиля бесспорно связывали его со «старым режимом», однако он соблюдал нейтралитет и воздерживался от какой-либо общественной активности, ведя жизнь осторожного затворника.

Примерно через год после крушения якобинской диктатуры, весной 1795 г., Делиль покинул Париж и отправился в Эльзас, а оттуда в Швейцарию и Германию. Фрейбург, Дармштадт, Франкфурт-на-Майне, Геттинген, Брауншвейг, Гамбург — вот основные вехи его пути, отмеченные встречами с немецкими учеными и литераторами. Летом 1799 г. он при-

ехал в Англию, где прожил три следующих года. В 1802 г. Делиль вернулся во Францию.

Причины его семилетнего отсутствия скорее всего можно объяснить финансовыми обстоятельствами. В годы революции Делиль лишился своих церковных доходов и на какое-то время жалованья в Коллеж де Франс. Рассчитывать на публикацию своих произведений он в те годы не мог — они не отвечали запросам времени. Скорее всего он надеялся поправить свои дела с помощью швейцарских издателей. Его отъезд не был демонстративным актом и не носил политического характера. Да и произошел он в такой момент, когда эмиграция уже давно прекратилась. Правда, в Лондоне он вращался в среде французских аристократов, группировавшихся вокруг графа д'Артуа, давнего его покровителя.

Возвращение Делиля во Францию было встречено с явным удовлетворением в официальных кругах, рассчитывавших привлечь его на свою сторону, с ликованием среди его многочисленных почитателей, но не было недостатка и в язвительных выпадах в прессе со стороны литературных противников, пытавшихся политически скомпрометировать Делиля.

За годы отсутствия Делиль не переставал напряженно трудиться. Он закончил поэму «Сельский житель, или Французские Георгики» (1800), над которой работал более двадцати лет, расширил и дополнил «Сады» (объем поэмы в издании 1801 г. вырос более чем на 1000 строк!), написал поэму «Несчастье и Сострадание» (1804), закончил поэму «Воображение» (1806), начатую еще в 1780-е гг., поэму «Три царства Природы» (1806) и два больших перевода — «Энеиды» Вергилия и «Потерянного рая» Мильтона. Такая продуктивность тем более удивительна, что Делиль в те годы был уже почти слеп и над переводом Мильтона работал с помощью лупы.

Последние годы жизни он был по-прежнему окружен уважением и почетом, у него было много учеников — как в прямом смысле — в Коллеж де Франс, где он еще время от времени появлялся и читал лекции, так и в смысле литературном. На поэтическом горизонте Франции первого десятилетия XIX в. среди поэтов однодневного успеха, эпигонов классицистической традиции и несостоявшихся «обновителей» поэзии Делиль символизировал добротную, проверенную временем, отточенную культуру прошлого века с ее изяществом, эрудицией и органическим сочетанием научного познания и поэтической формы.

Его смерть 1 мая 1813 г., по свидетельству современников, была воспринята как серьезная утрата. За гробом шли толпы народа. Представители официальной власти отсутствовали — режим Империи относился к Делилю терпимо, но не более того — слишком очевидны были его роялистские симпатии.

Посмертные издания его сочинений были подготовлены его учениками и преемниками по Коллеж де Франс — А. дю Ривье и П. Ф. Тиссо.

2

Делиль вступил в литературу, когда она переживала критический момент. Конец 1750-х гг. ознаменовался во Франции резким наступлением сил реакции — политической и церковной. После запрещения Энциклопедии (1759) началась ожесточенная травля ее участников. Книга Гельвеция «Об уме» была сожжена. Третьеразрядному литератору Палиссо была заказана комедия-пасквиль «Философы» (1760), в которой грубо и издевательски высмеивались Даламбер, Дидро и их соратники по Энциклопедии. В начале 1760-х гг. по Франции прокатилась волна судебных процессов, инспирированных католической церковью, жертвами которых стали протестанты и лица, подозреваемые в атеизме (дела Каласа, Сирвена, Ла Барра). И вместе с тем общественный авторитет «партии философов» стоял в ту пору необыкновенно высоко, а идеи их находили отклик у обширного спектра читателей — от ученых эрудитов до умеренно образованных людей.

Характерная для эпохи Просвещения установка на широкое распространение научных знаний, искусство популяризации, которым блестяще владели и корифеи просветительской мысли — Вольтер, Дидро, Бюффон — и писатели второго ряда вроде неутомимого Фонтенеля, оказали заметное влияние на перестройку жанровой системы, прочно отработанной в классицистической поэтике XVII в. Система эта в своем первоначальном виде была замкнутой и избирательной как в смысле тематики, так и в смысле поэтической формы. Она утверждала обособленность эстетической сферы и ее приоритет над другими областями духовной деятельности. Этот постулат был впервые поставлен под сомнение в конце XVII в. во время знаменитого «Спора древних и новых», отголоски которого ощущались на протяжении всего последующего столетия. Идея прогресса, целостное восприятие развития человеческой цивилизации и культуры, выдвинутые в этом споре Шарлем Перро, утверждали равноправие художественного творчества, научных знаний, технических изобретений и прикладных ремесел.² Сумма этих позитивных достижений человеческого духа была объявлена мерилom и в области искусства и служила главным аргументом «новых» в ниспровержении авторитета «древних».³

Одним из побочных — далеко не главных — следствий концепции «модернистов» (а к началу XVIII в. их точка зрения явно одержала верх) было расширение тематических рамок и полномочий поэзии. Если

² Характерный пример поэтической разработки «прикладных» технических изобретений в творчестве Делиля представляет его раннее «Послание г-ну Лорану по поводу искусственной руки «протеза», сооруженной им для солдата-инвалида» (1761).

³ Подробнее см. в кн.: Спор о древних и новых / Сост. и вступ. ст. В. Я. Бахмутского; ком. В. Я. Бахмутского и Н. В. Наумова. М., 1985; а также: Сигал Н. А. «Спор древних и новых»: (У истоков французского Просвещения) // Романо-германская филология. Л., Изд. ЛГУ, 1957, с. 248—262.

раньше ее предметом был внутренний мир человека, его страсти, чувства, пороки, подвиги, его общественное бытие, то на пороге нового столетия в поэзию все чаще вторгаются темы из области естественных и прикладных наук. Возникает такое специфическое для эпохи Просвещения явление, как «научная поэзия», и ее главным жанром становится дидактическая поэма.

Несмотря на то что авторитет античных писателей был серьезно поколеблен итогами «Спора», все же литераторы XVIII в., воспитанные на классических образцах, не могли не искать себе опоры в древней литературе. В данном случае их «поручителем» выступил Лукреций — автор философской поэмы «О природе вещей». Однако философский и научный универсализм Лукреция оказался не по плечу поэтам XVIII в. — не только в силу ограниченности их дарования, но прежде всего потому, что бурное развитие и все большая дифференциация наук, господство эмпирического подхода и обилие конкретных позитивных знаний о мире наложили свой отпечаток и на формы поэтического мышления, на композицию, структуру и тематику поэтических произведений. Многочисленные «научные поэмы» обычно сосредоточены на той или иной области знаний (физике, астрономии, ботанике, географии), и авторы явно стремятся следовать за современными учеными в систематичности и доскопальной разработке избранного предмета.

В этом плане им гораздо ближе был другой римский поэт, искони считавшийся высшим образцом эпического жанра, — Вергилий с его «Георгиками». Четкие тематические границы этой поэмы, ее более «жесткая» и рациональная структура импонировали поэтическому сознанию, воспитанному в духе классицистической дисциплины, да и в идейном отношении автор «Энеиды» представлялся менее уязвимым и не столь подозрительным, как материалист Лукреций (среди дидактических поэтов, в жанровом отношении ориентированных на Лукреция, немало таких, которые по содержанию полемически направлены против него). И все же оба этих образца присутствуют в сознании французских авторов «научных поэмов». Делиль, явно больше тяготевший к Вергилию, упоминает их обоих в первых же строках своей поэмы.

Отдельные опыты в жанре дидактической поэмы наблюдались еще в XVII в. Назовем два: латинскую поэму иезуита Рапена «Сады» (1665), которая как бы предвосхитила поэму Делиля, но от которой он демонстративно отмежевался, полемизируя с автором в своем предисловии (см. с. 5 наст. изд.); другая — «Поэма о хинине» Лафонтена (1681), написанная по просьбе герцогини Бульонской. Однако подлинное становление «научной поэмы» с ярко выраженной дидактической направленностью происходит только в XVIII в., когда новый жанр оказывается поставленным на службу общепросветительским задачам.

Если дидактический принцип соответствовал целям «научной» поэзии, то основным средством ее стало описание. Эти две стороны нового жанра связаны между собой на всем протяжении его существования, но баланс их на разных этапах развития меняется. После 1750 г. наблюдается очевидное преобладание описательности, которая уже не является функцио-

нально подчиненным средством, а получает самостоятельное эстетическое значение.⁴

Философско-гносеологической основой описательной поэзии явился сенсуализм Локка. Стремление передать зримый мир средствами слова, совместить непосредственное чувственное восприятие с абстрактно-логическим характерно для художественных исканий эпохи Просвещения. Вокруг этой задачи вращаются и теоретические споры, начиная с «Критических размышлений о поэзии и живописи» Дюбо (1719) и до «Лаокоона» Лессинга (1766) и «Критических лесов» Гердера (1769). Сопоставление и размежевание границ, задач и возможностей живописи и поэзии становится одной из центральных проблем эстетической мысли Просвещения.

Инициаторами собственно описательной поэзии выступили вначале другие европейские литературы — швейцарская («Альпы» Альбрехта Галлера, 1722), немецкая (поэмы Брокеса, позднее «Весна» Эвальда Клейста, 1749) и, в особенности, английская. Французская включилась в это движение только во второй половине века, уже в русле развернувшегося сентиментализма.

Одним из первых образцов, оказавших влияние на описательную поэзию во Франции, был Мильтон с его пространными картинами райского сада. Именно к нему возводили родословную садово-паркового искусства XVIII в. не только поэты (в том числе и Делиль), но и теоретики садоводства.⁵ Однако несравненно большее значение имела поэма Александра Попа «Виндзорский лес» (1713) и, в особенности, «Времена года» Джеймса Томсона (1730).

Сама тема поэмы Томсона была чрезвычайно популярна и в других искусствах — живописи и музыке (цикл скрипичных концертов Вивальди «Времена года», 1725, уже позднее — оратория Гайдна под тем же названием). Французские поэты усердно разрабатывают ее вслед за Томсоном. Первый перевод английской поэмы, сделанный госпожой Бонтам, вышел в 1759 г. В 1768 г. ее вольное переложение, работа над которым продолжалась 20 лет, выпустил Жан Франсуа де Сен-Ламбер. Оно было снабжено программным предисловием, обосновывавшим права и значение описательной поэмы. Переложение Сен-Ламбера было воспринято как самостоятельное явление французской поэзии, имело большой успех и выдержало до революции шесть переизданий.

Несколько ранее, в 1763 г., вышла поэма кардинала Берни «Времена года или Французские Георгики». Были и другие поэмы под тем же названием, принадлежащие перу малоизвестных авторов. Самая поздняя — «Четыре времени года или Лангедокские Георгики» (1781) Жана-Клода Пейро написана на лангедокском наречии.

⁴ Подробную картину развития описательной поэмы во Франции см. в кн.: *Guittou Ed. Jacques Delille (1738—1813) et le poème de la nature en France de 1750 à 1820* Lille, 1976 (в особенности с. 201—314).

⁵ См. об этом: *Литачев Д. С. Поэзия садов*. Л., 1982, с. 144.

«Четырехгранная» геометрическая композиция поэмы Томсона была охотно подхвачена его французскими подражателями. Она ощущалась как привычная со времен «Поэтического искусства» Буало с его четырьмя песнями — недаром Делиль в своем предисловии к «Садам» ссылается на авторитет законодателя французской поэзии. Да и «Георгики» Вергилия предрасполагали к такому построению. С другой стороны, четырехчастное членение было задано материалом. Казалось, сама Природа избрала его как наиболее разумное и естественное (апелляция к природе была общим местом в рассуждениях писателей XVIII в.). Появляются поэмы о четырех отрезках суток (того же кардинала Берни), о четырех стихиях (вода, огонь, воздух, земля), четырех возрастах человеческой жизни (детство, юность, зрелость, старость), четырех странах света, четырех частях света (Австралия в ту пору еще не считалась самостоятельной частью света). Делаются попытки, несколько искусственные, подтянуть к этой схеме и «царства природы» — растительное, животное, минеральное, выделив отдельно человеческое, и т. д.

Четырехчастная структура выступает как своеобразная универсальная модель мира — пространственная и временная, синтезирующая макрокосм — вселенную — и микрокосм — человека. Различные перечисленные выше преломления этой модели объединяются эмблематическими и символическими связями. Иногда переведенными на язык привычных мифологических образов и сюжетов: стихии символически означают времена года, суток, периоды человеческой жизни, страны света (например: зима-ночь-старость-север-земля и т. п.). Нередко они отождествляются с героями «Метаморфоз» Овидия, поэмы, которая начинает заметно отеснять в сознании читателей и поэтов ранее весьма популярную «Науку любви». Сам принцип метаморфозы, превращения, перехода из одного состояния в другое отражает существенно новое восприятие и осмысление природы как системы взаимосвязанных уровней («царств»). Эмблематический смысл перечисленных выше тем и образов находится также в связи с идеями и ритуальными формами масонских лож, получивших широкое распространение в предреволюционной Франции. Большая часть авторов описательных поэм так или иначе была причастна к масонству (в частности, и Делиль посещал ложу Девяти Сестер, хотя в целом отпосился к масонству скептически).

Несколько особняком в этом ряду стоит описательная поэма Жана-Антуана Руше «Месяцы» (1779) в 12 песнях. Ее замысел и композиция носят подчеркнуто циклический характер, поэма пронизана аллегоризмом. Двенадцать месяцев уподоблены двенадцати подвигам Геракла. Годовой круговорот солнца отмечает постоянное изменение точки зрения наблюдателя на явления природы, прогресс его знания. Истинный сын эпохи Просвещения, Руше с восторгом говорит о поисках научной истины. По его словам, даже заблуждения алхимиков привели к неожиданным открытиям: не найдя того, что они искали, они нашли то, чего не искали.⁶ В поэме Руше получили отражение и актуальные обществен-

⁶ См.: *Guitton Ed. Jacques Delille. . .*, p. 301.

ные проблемы его времени, в частности, проблема фанатизма и гонений на философов. Значительное место в ней уделено Жан-Жаку Руссо, с которым Руше был знаком и чьи идеи оказали на него большое влияние. Что касается собственно поэтических исканий Руше, то они не получили убедительного художественного воплощения. Здесь сказался разрыв между новаторскими устремлениями автора и сковывающими их традиционными формами поэтического сознания, между сенсуалистическими тенденциями и старой рационалистической закваской.

Таков был тот литературный фон, те жанровые предпосылки, которые подготовили появление «Садов» Делиля. Не менее важное значение для формирования взглядов их автора имело распространение сентиментальных веяний. Культ природы в сочетании с культом чувства, достигший своей кульминации в 1760—1770-е гг., определил общеэстетическую атмосферу последней трети XVIII в. Мы видели, что Делиль отдал ей дань уже в первом своем послании. Конечно, руссоистские настроения автора «Садов» осложнялись и рядом привходящих моментов. Наряду с общеморальной направленностью — нравственное очищение человека при соприкосновении с матерью-природой, уход от суетности больших городов и т. п. — Делиль стремился поддержать и стимулировать средствами поэтического слова экономические идеи физиократов, оживить интерес состоятельных владельцев поместий к агрикультуре, раскрыв ее привлекательный, эстетически значимый аспект. Пейзаж, каким бы многоликим и разнообразным он ни предстал в изображении Делиля, всегда носит следы человеческой руки, преобразующего искусства. Прямо или косвенно человек всегда присутствует в поэме — то в форме исторических или литературных реминисценций (Адам и Ева из «Потерянного рая», Элоиза из стихотворения Александра Попа и т. д.), то в упоминаниях современных имен — вельмож и коронованных особ, художников и садоводов, поэтов и путешественников, то в жанровых зарисовках (конец II песни и некоторые другие).

Человек предстает здесь в двух ипостасях — как чувствующий (и чувствительный) субъект, уже по самой своей сути реагирующий на окружающую его природу, и как homo faber, прилагающий к ней свои силы, умение, искусство, воображение. Этим определяется и характер пейзажа у Делиля: это не первозданная, необузданная экзотическая природа Нового Света, которая появляется уже у его современника Бернардепа де Сен-Пьера и в полной мере раскроется двумя десятилетиями позже у Шатобриана. Это природа культурного ареала, близкого и знакомого Делилю, и лишь изредка расцветенная заморскими диковинками и курьезами, к которым он относится сдержанно и почти настороженно. «Европоцентризм» Делиля не исключает отдельных вкраплений экзотических тем (эпизод с таитянином, строки в IV песни, посвященные Куку, описания оранжерей в ботанических садах), но они не имеют самостоятельной ценности, а лишь обогащают культурный и нравственный мир просвещенного европейца.

Соответственно и ландшафт, каким бы «естественным» он ни казался, формируется культурным сознанием, опирающимся на богатую и дли-

тельную эстетическую традицию. Недаром в поэме так часто фигурируют ссылки на картины художников — Пуссена, Лоррена, голландцев — как на идеальное воплощение тех эффектов, которых Делиль ждет от садового пейзажа.

Эстетически углубленное восприятие природы распространяется не только на зримые образы, но вовлекает в свою сферу и абстрактное искусство слова: во II песни (ст. 650 след.) Делиль мечтает прочесть стихи Вергилия «там, где он создал их». Мысль о том, что поэта нужно читать на фоне его родного ландшафта, впервые отчетливо прозвучала в работе англичанина Р. Вуда «Опыт об оригинальном гении и творениях Гомера» (1768) и была сразу же подхвачена Гердером в его «Перещиске об Оссиане и песнях древних народов» (1773). Эта «обратная связь» (от человека к творимому им пейзажу и от пейзажа к «чувствительному» наблюдателю и читателю) характерна для той попытки синтеза художественных впечатлений, которая нашла свое наиболее полное воплощение в садово-парковом искусстве Англии середины и конца XVIII в.

Как всякая истинно описательная и дидактическая поэма, «Сады» не имеют сюжета, но обнаруживают его мельчайшие рудиментарные осколки, подчиненные главной теме. Таким «микросюжетом» является элегическое описание гибнущего Версальского парка с его историческими воспоминаниями, эпизод с таитянином, узнавшим в ботаническом саду родное дерево, и т. д. И, конечно, они гораздо более органично и естественно вписываются в общую композицию поэмы, чем собственно сюжетная заключительная история Абдолошима, добавленная стариком Делилем в позднее издание «Садов».

3

Поэма Делиля, отразившая применительно к избранному предмету целый ряд важных проблем, волновавших общество в ту пору, центрируется все же вокруг садово-паркового искусства, его теории и конкретного претворения. На протяжении предшествующих десятилетий происходят существенные сдвиги в художественном сознании вообще и в искусстве садов в частности.⁷ Постепенно становится вчерашним днем парадный дворцовый парк французского стиля, наиболее ярко воплощенный в Версале. Ему на смену приходит английский пейзажный парк. Категории прекрасного, величественного, «поражающего», сложившиеся в эстетике классического и барочного периодов, вынуждены отступить перед новыми эстетическими ценностями, воплощенными в понятии живописного. Это понятие получает поэтическое выражение в описательном принципе.

Сам Делиль с предельной четкостью заострил эстетическую альтернативу своего времени: Ленотр и Кент, создатель Версальского и многих других французских парков, создатель регулярного парка в его наиболее

⁷ См.: Лихачев Д. С. Поэзия садов, с. 145 и след.

выраженном классическом варианте, — и художник, положивший начало новому пейзажному парку английского типа. Отдавая должное великому французскому садоводу, Делиль все же явно предпочитает нерегулярный парк со всеми его характерными приметами,

Где то подъем, то спуск — и улаждает глаз
Пейзаж, что по пути меняется не раз.

(п. I, ст. 353—354)

Смена пейзажа означает и смену настроения — понятие, незнакомое рационалистической эстетике предшествующей эпохи и завоевавшее большее значение в эпоху сентиментализма.

Не раз на протяжении своей поэмы он предостерегает против лепейки и компаса, «сада, разбитого на бумаге». Это означает не только отказ от геометрического принципа планировки сада в пользу принципа эмпирического («С карандашом в руке окрестность обойдите») в духе локковского сенсуализма. Весь строй отношений между субъектом и объектом, садоводом и садом, шире — человеком и природой — мыслится в иных категориях, порожденных эпохой сентиментализма. Природа выступает как бы равноправным партнером человека. Ее нужно понять, почувствовать, ей надобно помочь:

Земля, быть может, ждет,
Что хоть когда-нибудь спаситель к ней придет.

В ответ на это сад будет дарить человека не только «услადой для глаз», но и для сердца:

... Знакомы вам невидимые нити
Меж миром неживым и вами? Протяните
Их от своей души к реке, полям, лесам,
Внемлите чутко их неслышным голосам
И вы поймете все, что вам они сказали...

(п. I, ст. 379—383)

Представление о «невидимых нитях», связывающих человека с неживой природой, — это слабый отзвук, мимолетная дань научным представлениям о «животном магнетизме» (или «электричестве»), которые в этот период начинают привлекать всеобщее внимание, о сенсорных возможностях, таящихся в растении и даже в камне. Эти идеи носят в воздухе, обсуждаются в трудах профессиональных ученых и философов, в масонских ложах, в сочинениях многочисленных дилетантов от науки и, наконец, в поэзии, нередко по-новому интерпретирующей традиционные мифы о Протее, Пигмалионе и др.⁸

Не будем переоценивать глубину и самостоятельность философского мышления Делиля — он не создавал собственных концепций, не придер-

⁸ В этом смысле симптоматично возобновление на сцене в 1775 г. лирической оперы Жан-Жака Руссо «Пигмалион» (1762, впервые поставлен в 1772 г.). Подробнее см. в кн.: *Guitton Ed. Jacques Delille...*, p. 279.

живался какой-либо целостной и последовательной системы взглядов. Но его поэзия чутко резонировала в тон тем веяниям, которыми была насыщена напряженная духовная атмосфера предреволюционной Франции. Написанное им в те годы стихотворение, посвященное саду госпожи д'Удето, заканчивается строкой: «И даже камень обретает чувство».

Стирание границ между живой и неживой природой означает динамическое ее восприятие: все находится в состоянии превращения, перехода из одного состояния в другое. И пейзаж, который рисует в своей поэме Делиль, отмечен динамизмом:

Но, чтобы зрелище нам взор не утомляло,
При всей их прелести, недвижных видов мало:
По ним глаза, устав, рассеянно скользят.

(п. I, ст. 411—413)

Движение это создается неожиданной сменой ландшафта, поворотами тропинок, меняющими перспективу, изменением освещения, пересеченной оврагами местностью и, конечно, текучей водой — рекой или ручьем. Даже прикованные к земле деревья и кусты таят в себе возможности движения:

Движение смысл и жизнь пейзажу придает.
Пусть лес волнуется, качается, поет,
Пусть волны в берег бьют, пусть пробегают тени
По пестрому ковру из полевых растений.

(п. I, ст. 437—440)

Исследователи стиля «Садов» обратили внимание на то, как часто в поэме встречаются глаголы, выражающие неопределенное, колеблющееся, зыбкое движение.⁹ Это не рационалистическое целенаправленное движение по прямой, а произвольная импровизация, подвластная только настроению, чувству, прихоти ветра или речной волны.

Неподвижный фон Делиль охотно оживляет, помещая на нем животных, в том числе и таких «прозаических», как быки, волю, коровы, которым ранее не был разрешен доступ в поэзию (пасторальная поэзия довольствовалась традиционными овечками). Он описывает быка, медленно жующего траву, и тут же по контрасту — сражение двух разъяренных быков, в IV песни — птичий двор, изображенный с сознательной и подчеркнутой ориентацией на басни Лафонтена. Такие «анималистические» зарисовки носят у Делиля программный характер: они продолжают линию «Георгик» Вергилия с их воспеванием сельскохозяйственного труда и утверждают право поэта раздвинуть рамки своей темы, преодолеть условную замкнутость классицистической поэтики, налагавшей запрет на «низменные» картины повседневной жизни и на слова, их обозначающие. В этом смысле симптоматично и описание «полезного»

⁹ См.: Klempner V. Delilles «Gärten». Ein Mosaikbild des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1954, S. 27.

сада-огорода с перечнем сугубо «будничных» овощей — лука, брюквы, капусты, моркови (II, 680—682).

Прямое отношение к этим раздвинутым, по сути дела уже размытым рамкам поэтически дозволенного имеет и другой принцип планировки сада, рекомендуемый Делилем:

А чтобы вящее вниманье пробудить,
Есть средство — от границ ваш сад освободить.
Где виден нам конец, — там места нет надежде,
И то, что нравилось и радовало прежде,
Надоедает вдруг и раздражает нас,
Коль упирается в глухую стену глаз.
Убрав иль просто скрыв заметную ограду,
Еще добавим мы очарованье саду.

(п. I, ст. 465—472)

В качестве примера неогражденного сада Делиль приводит парк в Эрменонвиле, освященный памятью о последних днях Руссо. Это «размыwanie границ» пейзажа и его лексико-стилистического воплощения — уже преддверие будущей романтической поэтики.

Противопоставление английского пейзажного и регулярного французского парка осмыслено Делилем в их социальной функции:

Кент мудрецам открыл красу лесов, полей,
Ленотр свои сады сажал для королей.
А жизни королей торжественность пристала.

(п. I, ст. 541—543)¹⁰

Но, несмотря на заранее принятую позицию беспристрастного и уважительного отношения к обоим стилям, Делиль уже в следующих строках ополчается против сада,

Где все расчерчено на ровные квадраты,
Где каждый маленький зеленый уголок
Причесан так, чтоб в нем укрыться ты не мог.

(п. I, ст. 562—564)

Признавая Версальский парк шедевром искусства и уделив ему 25 строк восторженного описания, Делиль тем не менее приходит к выводу:

Ленотр величием природу победил,
Но долго видеть блеск глазам не хватит сил.

(п. I, ст. 589—590)

¹⁰ О более глубоком и принципиальном противопоставлении «свободы» английского и «тирании» французского парка см.: *Лихачев Д. С. Поэзия садов*, с. 149 след. Делиль в соответствии со своими умеренными политическими взглядами не касается этого аспекта антитезы.

Пышный и величественный дворцовый парк он уподобляет искусному оратору и заключает цитатой из Расина:

Но с другом искренним беседа мне милей.

(п. 1, ст. 594)

Сам характер этой метафоры — одухотворение, очеловечивание природы и общения с ней — симптоматичен для предромантических настроений последней трети века.

Естественно, что организующий принцип «Садов» — пространство, его композиция, наполнение, колорит. Но Делиль не был бы сыном своего века, если бы не ввел в поэму и временную ось. Движение времени — физического и исторического — одна из важных философских и эстетических проблем эпохи Просвещения. Его художественную значимость наиболее полно сформулировал Лессинг в «Лаокооне», ставшем своеобразным «обвинительным актом» описательной поэзии. Время как основное условие бытия поэтического произведения он противопоставляет пространству, в рамках которого творит живописец или скульптор. Обратное отношение ставит обоих художников в максимально неблагоприятные для их искусств условия: живописец и скульптор не могут выйти за пределы одного единственного мгновенья, которое они должны запечатлеть на холсте или в камне, поэт же не может совместить множество деталей сложной пространственной картины, а вынужден преподносить их во временной последовательности, тем самым неизбежно ослабляя впечатление.¹¹

Когда Лессинг формулировал эти положения, перед ним были образцы немецкой, швейцарской и английской описательной поэмы, которые он в подтверждение своей концепции подверг суровой критике. Французская описательная поэма достигает своего расцвета позже — в 1770—1780-е гг. Вобрав опыт сентиментализма, она пытается совместить, сплавить в своем изображении время и пространство.

В поэме Делилья время предстает в разных преломлениях: как история искусства садов (сады Алкиноя у Гомера, висячие сады древнего Вавилона, римские сады), как попутные исторические реминисценции (старинные аббатства, замки, руины крепостей, имена героев) и, наконец, как неотвратимое течение человеческой жизни, отраженное в его материальных последствиях. Эта последняя тема трактуется Делилем в духе элегической «кладбищенской поэзии», вошедшей в моду со времен Томаса Грея («Элегия на сельском кладбище», 1751). Делиль уделяет ей немало места, но одновременно предостерегает против жеманного и неискреннего культа смерти, вылившегося в сооружение в парках искусственных гроб-

¹¹ Лессинг Г. Э. Лаокоон или о границах живописи и поэзии. М., 1957, с. 201—209.

ниц. Истинной данью памяти усопших, близких или чужих («просто людей»), должно быть не надгробие над несуществующей могилой, а дерево, посаженное в саду и символизирующее вечную жизнь всего сущего. Дерево, любовно посаженное в честь скорбного или радостного события, служит живой связью времен.

Элегическое настроение вызывает у поэта не только мысль о судьбах человеческих, но и судьба деревьев и садов: один из лучших отрывков поэмы — бесспорно, описание Версальского парка во II песни (ст. 233 и след.).

Нужно признать, что Делиль далеко не всегда последователен в своей критике тех или иных модных увлечений в садовом искусстве. Так, он решительно ополчается против нагромождения всякого рода архитектурных сооружений разностильного плана:

Сколь многие, стремясь похвастаться пред всеми,
Оригинальностью соседей поразить,
Спеша приобрести и тут же водрузить
Строения всех стран и всех народов света,
Хаос лишь создают. Как неразумно это!
... Нельзя на маленьком пространстве, в узкой рамке,
Все сразу поместить — беседки, храмы, замки,
Фонтаны, пагоды...

(п. I, ст. 392—401)

Вместо этого он предлагает смену разных картин, оживляемых одним подвижным штрихом.

Но в поздней вставке, написанной по просьбе (или, скажем резче, — по заказу) Чарторыской он с явным одобрением описывает

Необычайное строение — не дом,
А некий странный храм. Скопированы в нем
В еще невиданной причудливой манере
Обломки всех эпох...
Умело вставлены отдельные куски
То храма кельтского, то башенки шотландской,
То зубчатой стены от крепости германской...
И все так пригнано, так прочно скреплено,
Что зданию векам разрушить не дано.

(п. I, ст. 241—254)

Еще более компромиссный характер обнаруживают поздние вставки в издание 1801 г., касающиеся английских парков. Не подлежит сомнению, что Делиль искренне ими восхищался: они явно импонировали общему направлению его вкуса. Чизуик, Туикнем и другие сады, пропозаные всей культурной атмосферой английского сентиментализма, естественно вписывались в общий замысел поэмы, созданной за двадцать лет до того. Но там, где описание парка (выдержанное в достаточно общих тонах и далеко не всегда подкрепленное собственными впечатлениями) переходит в откровенное славословие владельцам — прошлым и нынешним, — Делилю явно изменяет чувство меры. И тогда он внезапно

спохватывается и пытается наспех исправить допущенные преувеличения или бестактности. Так, многословная вставка в издании 1801 г. о Бленеме и его владельце герцоге Мальборо с грехом пополам нейтрализуется именами Конде и Тюренна и обращением к Шамборскому замку, а картина народного гулянья в Кенсингтонском парке в конце II песни — скорбным вздохом изгнанника о Лоншане.

Следует признать (и на этом сходятся большинство исследователей), что первоначальный вариант поэмы был гораздо более цельным и слаженным. Однако с точки зрения историко-культурной вставки в позднее издание представляют значительный интерес.

Антитеза Ленотр—Кент, проходящая через всю поэму, характеризует в какой-то степени и поэтический стиль самого Делиля, в котором соединяются — порою эклектически — принципы рационалистической поэтики с новыми предромантическими веяниями. Так, внешняя структура «Садов», как уже говорилось выше, определяется традиционной четырехгранной композицией, которую сам автор в предисловии объявляет наиболее подходящей и оправданной. Но внутреннее наполнение этой композиции далеко от классической стройности и логической последовательности. Делиль постоянно меняет «микротемы» своих рассуждений, возвращается к уже затронутым, прерывает себя, чтобы обратиться к новому аспекту главной темы. В. Клемперер в своей интересной и содержательной работе о «Садах» говорит: «Постоянное движение взад и вперед, ретроспекция и предвосхищение... — все это происходит не от невнимания, напротив, это — сознательный и обдуманый прием. Он не собирается читать лекцию, он поучает в ненавязчивой и легкой беседе, характерная ее особенность — смена и чередование, скачкообразная или скользящая подвижность».¹² Это — как бы «прогулка» по избранному сюжету, ни к чему не обязывающая, непринужденная, по сути дела воспроизводящая композиционный принцип пейзажного парка с его извилистыми тропинками, пригорками и неожиданно открывающимся уютными уголками. По-видимому, в этом и заключался секрет очарования поэмы для современников.

Этой свободной композиции соответствует и весь стилистический строй «Садов», свидетельствующий о распатывании традиционной классицистической поэтики. Выше уже говорилось, что Делиль смело вводит в свою поэму слова «будничные», идущие от повседневного обихода, те самые «точные слова» (*mots propres*), которые решительно отвергались классицистами-пуристами. Это не значит, что Делиль полностью отказывается от принципа описательной перифразы, с помощью которой поэты классицистического направления компенсировали лакуны в дозволенном им словаре. Такого рода перифразы обычно встречаются у него там, где речь идет о каком-либо «высоком» предмете. Но они непринужденно чередуются и сосуществуют с конкретными наименованиями орудий сельскохозяйственного труда, пород деревьев, плодов и овощей. Тем самым создается смешанный, промежуточный, «средний» стиль.

¹² *Klemperer V. Delilles «Gärten»...*, S. 24.

На этом же уровне умеренного обновления стоят и вольности метрические: эпизодические сдвиги цезуры, изредка даже запретные стиховые переносы (смещение интонационной паузы с конца строки на среднюю позицию). Они нарушают метрическое однообразие александрийского стиха и придают ему большую подвижность. По числу таких «отступлений» от классических правил метрики Делиль стоит на полпути между классиком Расином и романтиком Гюго.¹³

Все это — симптомы надвигающейся ломки французской классицистической поэтической системы, которая произошла несколько десятилетий спустя, в эпоху романтизма. Делиль уже не увидел ее. Но многое из того, что он осторожно и как бы вполголоса вводил в свою поэму, получило развитие во французской поэзии XIX века.

¹³ См.: *ibid.*, S. 19.

Ю. М. Лотман

«САДЫ» ДЕЛИЛЯ В ПЕРЕВОДЕ ВОЕЙКОВА И ИХ МЕСТО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В 1813 г. Александр Федорович Воейков, в эти годы один из наиболее видных литераторов молодого поколения, призывал Жуковского:

Состязайся ж с исполинами,
С увенчанными поэтами;
Соверши двенадцать подвигов:
Напиши четыре части дня,
Напиши четыре времени,
Напиши поэму славную,
В русском вкусе повесть древнюю, —
Будь наш Виланд, Ариост, Баян!¹

За этими строками стояла весьма определенная литературная программа. Это был призыв обратиться от лирики к поэтическому эпосу, к поэме. Призыв этот сразу после окончания Отечественной войны 1812 г. получил глубокий смысл. Он означал, что Жуковский, стяжавший своим «Певцом во стане русских воинов» славу народного поэта, может закрепить за собой, а заодно и за возглавленной им молодой поэзией ведущее место в литературе лишь как автор масштабных, эпических произведений. Вместо элегий и баллад Воейков предлагал Жуковскому путь эпической поэзии и точно указывал на жанры, к которым, по его мнению, автор «Людмилы» должен был обратиться: поэма описательно-дидактическая и поэма сказочно-шутливая с псевдоисторическим русским сюжетом.

Жуковского и Воейкова в этот период связывала личная дружба и общие воспоминания о Дружеском литературном обществе, в стенах которого оба они начинали свой литературный путь, о бурных спорах 1801 г. в полуразрушенном доме Воейкова на Девичьем поле в Москве, о речах покойного их друга Андрея Тургенева и совместном чтении Шиллера.²

Однако по сути их литературные воззрения в 1813 г. уже были весьма далекими, и за обменом дружескими посланиями скрывалось глубокое отличие поэтических позиций. Оценить историческую оправданность позиций каждого из поэтов не так просто. С одной стороны, естественным кажется отождествить (как это часто делается) описательную поэму с традицией классицизма, и тогда перспектива покажется

¹ Поэты 1790—1810-х гг. Л., 1971, с. 278.

² Воспоминания эти сыграли большую роль в личных отношениях двух поэтов.

ясной: элегическая поэзия Жуковского предстанет как первая ласточка русского романтизма, а Воейков примет вид архаиста, защитника устарелых поэтических форм. Однако, с другой стороны, можно вспомнить, что уже в середине 1810-х гг. именно перед молодой литературой, новаторски разрабатывавшей лирические жанры — элегию, романс, песню — и превратившей «легкую поэзию» в доминирующую литературную форму, встал вопрос об освоении поэмы и больших эпических жанров. Потребность эта в равной мере осознавалась и Жуковским, и Батюшковым, и литературными теоретиками «Арзамаса». И именно тогда обнаружилось, что оба пути, указанные Воейковым, — шуточная псевдоисторическая поэма-сказка и описательная, с научно-дидактическим оттенком — представляют собой не только вчерашний, но и завтрашний день русской поэзии. Не следует забывать связей «Руслана и Людмилы» с первой тенденцией и сильное тяготение молодого Пушкина к описательной поэме (ср. первоначальный замысел «Кавказа», превратившийся позже в «Кавказского пленника», «Тавриду» и др.).³

Пolemические статьи П. А. Вяземского навязали историкам литературы представление о том, что русская литература начала XIX в. была полем борьбы между классицистами («классиками», в терминологии Вяземского) и романтиками. Однако еще Пушкин протестовал против этой схемы, принципиально отвергая реальность существования классицизма в России его времени и даже сомневаясь, в какой степени это течение вообще захватило русскую литературу.

Однако и выдвинутая Ю. Н. Тыняновым схема противостояния «архаистов» и «новаторов», в целом весьма плодотворная, представляет расстановку поэтических лагерей интересующей нас эпохи в слишком схематическом виде.

Прежде всего следует отметить, что оба противоборствующих лагеря — карамзинистов и шишковистов — вписывались в широкое предромантическое движение европейской литературы на рубеже XVIII и XIX вв. И традиция Юнга, к которой в русском ее варианте восходили программные установки таких признанных «архаистов», как С. Бобров⁴ или Шихматов-Ширинский, и традиция Томсона, с которой связаны самые ранние поэтические опыты Карамзина,⁵ фактически представляли разные течения одного поэтического русла. Однако увлечение природоописательной поэзией, связывавшейся с именами Томсона и его многочисленных подражателей, было для Карамзина кратковременным. Уже в том же 1788 г., когда он переводил для «Детского чтения» Томсона, в «Анакреонтических стихах А. А. Петрову» он употребил ритори-

³ Б. В. Томашевский в спецкурсе, посвященном творчеству Пушкина, читавшемся им в 1940-е гг. в ЛГУ, высказывал предположение, что «Воспоминания в Царском селе» — отрывок большой описательной царскосельской поэмы. В печатных трудах ученого эта мысль, кажется, не получила развития.

⁴ См.: *Зайонц Л. О. Юнг в поэтическом мире С. Боброва* // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1985, вып. 645.

⁵ В «Детском чтении» за 1789 г. (ч. 18, с. 151) Карамзин опубликовал свой перевод заключительной части поэмы Томсона «Времена года».

ческую фигуру самоуничижительного противопоставления себя Томсону. В литературной традиции это обычно означает вежливый отказ следовать определенным поэтическим канонам:

Шатаюсь по рощам,
Внимая Филомеле,
Я Томсоном быть вздумал
И петь золотое лето;
Но, ах! мне надлежало
Тотчас себе признаться,
Что Томсонова гласа
Совсем я не имею,
Что песнь моя несносна, —
Вздохнув, молчать я должен.⁶

В 1787 г. Карамзин опубликовал в «Детском чтении» прозаический перевод поэмы Томсона (ч. 10—12) и, видимо, собирался перевести «Времена года» полностью в стихах. Послание к А. А. Петрову можно рассматривать как отказ от этого замысла.

Жанр поэмы в принципе казался молодому Карамзину архаическим: переход в поэзии к элегической медитации, балладе, короткому лирическому отрывку, в прозе — к опытам бессюжетно-лирического повествования или, напротив, к острой сюжетности, отступающей, однако, на второй план перед тонкостью психологического рисунка, — все это характеризовало Карамзина как принципиального экспериментатора. Описательная поэма как жанр в достаточной мере традиционный его не интересовала. Однако отход от нее не означал принципиальной дискредитации, и имя Томсона, равно как и его поэма, продолжают с уважением упоминаться Карамзиным и в дальнейшем.

Жанровые эксперименты Карамзина проложили путь Жуковскому, романтический субъективизм которого с наибольшей адекватностью выражал себя в лирическом отрывке или «игровой» балладе, балансирующей на грани поэтики ужаса и романтической иронии. Повествовательные жанры в принципе противоречили поэтике молодого Жуковского.

Логика литературного развития учеников Карамзина превращала малые жанры в центр их художественных поисков. Именно легкой поэзии приписывалась главная роль в развитии языка, что воспринималось как высокая цивилизаторская миссия, в сближении литературы и общества, в создании средств для утонченного психологического анализа. Батюшков был верным карамзинистом, когда летом 1816 г. при избрании его в члены Общества любителей русской словесности при Московском имп. Университете произнес «Речь о влиянии легкой поэзии на язык». Говоря о поэзии, писанной «в легком роде», Батюшков утверждал, что «сей род Словесности беспрестанно напоминает об обществе; он образован из его явлений, странностей, предрассудков и должен быть ясным и верным его зеркалом». Именно с ним связывает Батюшков «будущее богатство языка, столь тесно сопряженное с образованностью граждан-

⁶ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966, с. 69.

скою, с просвещением и следственно — с благоденствием страны, славнейшей и обширнейшей в мире».⁷

Однако логика развития карамзинизма лишь частично совпадала с путями общего литературного движения: требование эпического повествования, больших жанров связалось после наполеоновских войн с вопросами народности и национального престижа. Хотя шишковисты стремились монополизировать это требование, оно имело гораздо более широкий, общелитературный, характер: на него чутко откликнулся Карамзин как автор «Истории государства российского», Гнедич как переводчик «Илиады», Нарезжний «Славенскими вечерами». Задача создания поэмы возникает как насущное требование литературной жизни перед Жуковским и Батюшковым и включается в программу «Арзамаса».⁸

Почти одновременно с выступлением Батюшкова в Москве произошло другое литературное событие — выход в свет русского перевода поэмы Делиля «Сады». Переводчиком был Александр Федорович Воейков.⁹

Почему это событие представляет собой определенную веху в истории русской литературы начала XIX в., мы сможем понять, только обратившись к контексту событий той поры. Поэма Делиля не была ни литературной новинкой, ни значительным явлением в мировой литературе. Русский перевод ее тоже уже имелся.¹⁰ Казалось бы, издание Воейкова могло потонуть в потоке рутинной переводческой продукции тех лет. Случилось иначе.

Вскоре после окончания Отечественной войны 1812 г. вновь приобрел актуальность вопрос о русском гекзаметре. Поставленный в XVIII в. Тредиаковским и Радищевым вопрос о русском гекзаметре разрабатывался в начале XIX века Мерзляковым и Галенковским. Однако только в середине 1810-х гг. он приобрел характер животрепещущей проблемы. В 1813 г. С. Уваров выступил на страницах «Чтения в Беседе любителей русского слова» с программным рассуждением в защиту гекзаметра. Инициатива эта была поддержана Гнедичем и Воейковым. В послании Уварову Воейков писал:

Тщетно полезный муж Тредьяковский желал в Телемахе
Истинный путь проложить российской эпической музе:
Многоученный, он не имел дарований и вкуса,
Нужных вводителю новой системы и новых законов.
И Ломоносова гений, увенчанный лавром победы,

⁷ Батюшков К. Опыты в стихах и прозе. СПб., 1817, ч. 1, Проза, с. 11 и 1.

⁸ См.: Ветшева Н. Ж. Жанр поэмы в эстетике и творчестве арзамасцев. Автореф. Томск, 1984 (тут же библиография работ автора).

⁹ Н. Б. Реморова в работе «К истории перевода А. Ф. Воейковым поэмы Ж. Делиля „Сады“ (по материалам библиотеки В. А. Жуковского)», подготовленной ею для «Памятников культуры», на основании записей Воейкова на полях французского экземпляра поэмы Делиля, с которым он работал как переводчик, установила, что перевод был закончен 28 VI 1815 г. Выход книги в свет тот же автор датирует по рукописной дате на экземпляре, подаренном переводчиком жене, как «не позднее ноября 1816 г.» Н. Б. Реморова не учла другую дату — цензурное разрешение, подписанное Тимковским 10 января 1816 г.

¹⁰ В 1814 г. вышел в Харькове перевод А. Палицына.

Ямб освятил и заставил признать эпическим метром.
 И Херасков повлекся за ним — слепой подражатель.
 И отважный Петров не посмел изобрести в Энеиде
 Нового, больше поэме приличного стопосложения!
 И стихотворец, рожденный с талантом, Костров в Илиаде
 Ямб утомительный выбрал своим стихотворным размером!
 Сам подражатель Кострова, Гнедич уж несколько песен
 Переложил шестистопными русскими ямбами с рифмой.
 И восхищенный Вергилием и ослепленный Делилем,
 Юноша дерзкий, я перевел половину Георгик,
 Мысля, что рифмой и новым и лучшим размером украсил
 Песни Вергилия, коим в сладости нету подобных.

Честь и слава тебе, Уваров, славный питомец
 Эллинских муз и германских! Ты, испытательно викнув
 В стопосложение греков, римлян, славян и германцев,
 Первый ясно увидел несовершенство, и вместе
 Способ исправить наш героический стих...¹¹

Таким образом, сам Воейков связывал свой перевод «Садов» Делиля и опыты в создании русского гекзаметра как разные попытки решить единую задачу — проложить путь повествовательной поэзии.

При этом Воейков не скрывал, что некоторым просвещенным ценителям поэзии переход от александрийского стиха к гекзаметру представляется заблуждением. Его не удивляет, что

есть на святой Руси странные люди,
 Люди, которых упрямство ничем не преклонное губит,

люди эти:

Мыслят, что всякая новость в правленьи, в науках, в искусствах
 Гибель и веры, и нравов, и царства ведет за собою.

Этот намек легко расшифровывается: речь, конечно, идет о Шипкове и его последователях. Сложнее расшифровать последующие стихи:

Но признаюсь пред тобой: с удивлением слышу, что те же
 Наши великой ученостью в свете славные люди,
 Те просвещенные наши большие бояра, которым
 Прежде читал я старый свой перевод из Георгик,
 С жаром которые выше Делилева труд мой цепили,
 Ныне, когда имый читаю, жалеют об рифмах.¹²

Кто же этот «просвещенный боярин»? Можно предположить, что речь идет об И. И. Дмитриеве. Роль Дмитриева в литературном процессе 1810-х гг. еще мало изучена. Между тем когда Карамзин сделался историкографом и демонстративно отошел от животрепещущей литературной жизни, карамзинисты остались без авторитетного лидера, который своим

¹¹ Поэты 1790—1810 гг., с. 282—283.

¹² Там же, с. 284.

общественным и культурным весом был бы сопоставим с Державиным и Шишковым. В 1810-е гг. Дмитриев заметно претендовал на место литературного арбитра и главы не только карамзинистов, но и всей русской литературы. Отойдя от активного творчества, он занял место хранителя вкуса, полномочного представителя Карамзина, высшей инстанции в оценке явлений текущей литературы. Эту роль он стремился осуществлять не в форме выступлений в печати, а путем устных оценок, являющихся окончательными приговорами, популяризировать которые в печати он предоставил молодым адептам.

Несмотря на многолетнюю и искреннюю личную дружбу и высокие оценки взаимного творчества, позиции Карамзина и Дмитриева не совпадали. Карамзин до конца дней оставался экспериментатором и тем, кто ищет, — Дмитриев очень рано сделался тем, кто нашел. Его устраивала средняя, компромиссная литературная программа и спокойное лидерство. Он любил покровительствовать молодым и открывать им дорогу в литературу, но при условии, чтобы они не были слишком самостоятельными и не нарушали его сложившихся литературных вкусов. В этом отношении исключительно показательна история его протезирования Раичу.¹³ Карамзинисты охотно поддерживали миф о Дмитриеве как литературном патриархе. Самая его поэтическая бесплодность преподносилась как некое высшее молчание, приличествующее хранителю литературного Грааля. Воейков в Парнасском адрес-календаре писал: «И. И. Дмитриев, действительный поэт 1-го класса. По прошению уволен от поэзии в царство дружбы и славы, с ношением лаврового венка».¹⁴ Показательно, что имя Дмитриева стоит в списке Воейкова первым из всех русских литераторов (Карамзин не включен вообще, поскольку упоминать его в шуточном произведении, даже в похвальном контексте, не надлежало; одновременно сказалось и льстиво-подобострастное отношение Воейкова в этот период к Дмитриеву). В произведениях карамзинистов этих лет Дмитриев даже несколько заслоняет Карамзина: именно он противопоставляется «беседчику» Державину как равновеликая величина, что, конечно, было смещением всех исторических масштабов. Пушкин-лицейст дает такую последовательность имен первых русских поэтов:

...Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов

(I, 26)¹⁵

¹³ История отношений Дмитриева и Раича освещена в статье В. Э. Вацура «Литературная школа Лермонтова» (Лермонтовский сборник. Л., 1985, с. 50—52). Яркую рисующую литературную политику Дмитриева переписка его с Шишковым (по поводу возможности академической премии для Раича) опубликована: Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. М., 1868, с. 1—24; *Дмитриев И. И.* Соч. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893, т. 2, с. 275—280.

¹⁴ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959, с. 597.

¹⁵ Все цитаты из произведений А. С. Пушкина даются по Большому академическому изданию 1937—1949 гг. с обозначением тома римской и страницы — арабской цифрой.

Дмитриев стоит первым, Державин — вторым, а Ломоносов — лишь третьим! В не предназначенной к печати поэме «Тень Фонвизина» Пушкин высказался о Державине определеннее:

...он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?

(I, 163)

В стенах Арзамаса ту же мысль и с той же степенью бестактности высказал Дашков (Чу): «Зачем Державин еще пишет, а Дмитриев перестал писать? Зачем...?»¹⁶ Дмитриева же Блузов именует «законодателем хорошего вкуса и слога».¹⁷ Батюшков называет библиотеку Дмитриева «храмом вкуса».¹⁸ Вяземский, когда А. Тургенев прислал его стихи для оценки Дмитриеву, писал: «Теперь они в суде последней инстанции».¹⁹

Какова же была позиция Дмитриева в эти годы, в чем состоял его вкус, который Вяземский называл «Писанием моего закона»?²⁰

Позиция Дмитриева была принципиально эклектичной, это была позиция «классика романтиков» и «архаиста новаторов». Отмеченное чертой подлинной оригинальности казалось ему безвкусицей. От стихов он требовал чистоты слога и ясности смысла. Романтический метафоризм его коробил. Поразительно, но вполне закономерно его признание в письме к Шишкову, жаловавшемуся на порчу языка: «Весьма справедливо ваше негодование на новизны, вводимые новейшими нашими поэтами. Я и сам не могу спокойно встречать в их (исключая одного Батюшкова) даже высокой поэзии такие слова, которые мы в детстве слышали от старух или сказывальщиков. „Вот, чу, приют, теплится, юркнул“ и проч., стали любимыми словами наших словесников. Поэты-гении заразили даже смиренных прозаистов».²¹

Слова эти, возможно, в первую очередь направленные по адресу Пушкина как автора «Руслана и Людмилы», одновременно, бесспорно, задевали и Жуковского. Противопоставление Жуковского Батюшкову показательно.

В жанровом отношении требование «новой поэмы» Дмитриев воспринимал в духе установок своей юности как ориентацию на поэму-сказку и описательно-дидактическую поэзию в духе Томсона, Э. Клейста, Сен-Ламбера и Делиля. Нетрудно заметить, что это та самая программа, которую Воейков предлагал Жуковскому и которой следовал сам, переводя «Сады» Делиля. Роль Дмитриева как главы литературной школы карамзинистов могла быть только временной и даже, более того, кратковременной. С приходом Пушкина и развертыванием полемики вокруг роман-

¹⁶ Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933, с. 131.

¹⁷ Письма разных лиц к И. И. Дмитриеву, с. 68.

¹⁸ Там же, с. 51.

¹⁹ Там же, с. 101.

²⁰ Там же, с. 106.

²¹ Дмитриев И. И. Соч., т. 2, с. 277.

тизма он с неизбежностью должен был быть отодвинут на почетное, но чисто страдательное место уважаемого портрета в картинной галлерее предков «новой поэзии». Даже Жуковскому его программа была глубоко чужда. Однако союз Дмитриева и Воейкова имел более глубокие корни.

Воейков, конечно, не был той карикатурной фигурой, которую рисует в своих мемуарах Греч и которая, с его легкой руки, сделалась достоянием большинства историко-литературных характеристик. Описание его некрасивого поведения во взаимоотношениях с Жуковским также слишком часто заменяет анализ его литературной позиции и места в истории русской поэзии. Да и личность Воейкова была не такой простой. Наиболее объективный портрет Воейкова оставил в своих мемуарах злоязычный, но умный и не имевший личных конфликтов с переводчиком «Садов» Ф. Ф. Вигель: «Он был мужиковат, аляповат, неблагороден <...> Да какое неуклюжество не простил бы я, кажется, за ум; а в нем было его очень много. В душе его не было ничего поэтического, и стихи, столь отчетливо, столь правильно им написанные, не произвели никакого впечатления, не оставили никакой памяти даже в литературном мире. Лучшее произведение его был перевод Делилевых „Садов“. Как сатирик он имел истинный талант; все еще знают его „Дом сумасшедших“, в который поместил он и друзей и недругов: над первыми смеялся очень забавно, последних казнил без пощады. Он был вольнопрактикующий литератор, не принадлежал ни к какой партии, ни к какому разряду».²²

Вольнопрактикующий литератор, вне партий и разрядов — характеристика очень меткая. Но к ней надо добавить, что одновременно он был артистом интриги и мастером групповщины. Стоя вне разрядов из-за равнодушия к принципам, которые он менял с поразительной легкостью, он тем более дорожил связями личными, которые умел завязывать и искусно использовать.

В литературном мире Воейков появился на рубеже XVIII и XIX вв., когда, выйдя в отставку, он переехал из Петербурга в Москву и вошел в Дружеское литературное общество — молодой кружок литературных энтузиастов. «Корифеи» общества — Андрей Иванович Тургенев и Алексей Федорович Мерзляков — были настроены бунтарски не только в литературном отношении. Идеи патриотического свободолюбия, героического самопожертвования в борьбе с тиранами бродили в их юных головах. Они ненавидели рабство и преклонялись перед молодым Шиллером. Среди членов общества были Андрей Кайсаров, Жуковский и Александр Тургенев, еще совсем мальчик. Воейков вошел в общество, и это надолго определило его дружеский и литературный круг.

В Дружеском литературном обществе Воейков сразу же привлек внимание умом и смелостью языка: его тираноубийственные речи звучали совсем не абстрактно в дни убийства Павла I. Он был широко,

²² Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1918, т. 2, с. 102—103.

хотя и не систематически, образован. В отличие от других членов общества, французская литература интересовала его больше, чем немецкая и английская, а политика — больше, чем поэзия. В его полуразвалившемся доме на Девичьем поле в Москве происходили основные сборы общества. Здесь гремели смелые речи.

Сильной стороной Воейкова был едкий, критический ум, так восхищавший однажды Вяземского, когда тот в 1818 г., по пути в Варшаву, заехал в Дерпт, где Воейков был профессором. Оружием Воейкова была холодная издевка. Он был опасным литературным противником, а в доверительном разговоре позволял себе и смелые политические суждения. Иллюзий у него не было никаких. Слабой стороной его было полное отсутствие положительных воззрений. Беспринципность и цинизм были его принципами, и он, не стесняясь, выставлял их напоказ.

Очень показателен его разговор с Мерзляковым, сохраненный мемуарами Жихарева: «На этих днях, после разгульного обеда у А. Ф. Воейкова, Мерзляков <...> спросил у него „Да знаешь ли сам ты, что составляет настоящую силу красноречия?“ Воейков захохотал. „Это знает всякий школьник, Алексей Федорович: ум, логика, познание, дар слова, звучный и приятный орган и ясное произношение составляют оратора“. — „Не на вопрос ответ, Александр Федорович. Я спросил, что составляет настоящую силу красноречия?“ — „Да что ж другое может составлять его, как не те качества, которые я уже назвал?“ — „Эх, любезный! да разве простой мужик имеет какое-нибудь понятие о логике? разве он учился чему-нибудь? разве произношение его ясно и правильно? А между тем мы видим часто очень красноречивых людей из простонародья. Нет, Александр Федорович, действительная сила красноречия заключается единственно в собственном неколебимом убеждении того, в чем других убедить желаешь. Не знай ничего, имей какой хочешь орган и выговор, но будь проникнут своим предметом, и тогда будешь иметь успех, иначе со всеми твоими качествами ты останешься только простым школьным ритором“».²³

У Воейкова не было собственных убеждений, и поэтому все его произведения отдают холодной риторикой. Но не имея убеждений, он имел страсти: его снедало честолюбие, терзала зависть, он жаждал власти и признания в том кругу, в котором обращался. К деньгам он тоже не был безразличен. Все это заставляло его искать сильных и выгодных покровителей, встав под знамя которых, он мог бы стать литературным ландскнехтом. В 1810-е гг. таким был Дмитриев, умеренная и по существу антиромантическая позиция которого была Воейкову близка. Оба они были воспитаны во французской школе и косо смотрели на романтическую моду, на немецкую и английскую литературу, обоим «разумный» XVIII в. говорил больше, чем «варварское» средневековье, оба втайне недоброжелательствовали Жуковскому.

Литературные друзья отнеслись скептически к эпическим замыслам Воейкова: «Метишь в Херасковы, любезный! — сказал Мерзляков, —

²³ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955, с. 252.

лучше напиши хорошую песню: скорее доплетешься до бессмертия <...> Ты человек умный и должен знать, что «...» страсть к необдуманным колоссальным предприятиям — резкий признак мелкой души».²⁴ Зато такая установка, видимо, вполне импонировала Дмитриеву, поскольку только масштабные произведения могли превратить его «школу» в реальность. Показательно, что другой адепт Дмитриева — С. Е. Раич, по сути повторяет многое в позиции Воейкова периода создания «Садов» и перевода «Георгик» (вспомним, что переход Воейкова в последнем случае на гекзаметры был осужден Дмитриевым, и, вероятно, это оказало влияние на то покровительство, которое Дмитриев оказал переводу «Георгик» Раича). Уместно привести точную характеристику позиции Раича, данную в цитированной уже статье В. Э. Вацура: «Раич вспоминал, что взялся за перевод «Георгик» *Виргилия*. — *Ю. Л.*» после очередного спора с Дионкуром, преподававшим Тютчеву французскую словесность; Дионкур восхищался переводом Делиля «Георгик». — *Ю. Л.*» и утверждал, что „Георгики“ не могут быть переданы по-русски за недостатком так называемого среднего дидактического языка». Перевод Раича, подержанный Мерзляковым²⁵ и Дмитриевым, и был поисками «среднего дидактического языка» описательной и буколической поэзии, — и очень показательно, что в ближайшие же годы возникает устойчивая ассоциация между Раичем и Делилем (т. е., конечно, и его русским переводчиком Воейковым. — *Ю. Л.*). В 1822 г. Погодин записывает в дневнике: «Тютчев <...> говорит, что Раич переведет лучше Мерзлякова *Виргилиевы* еклоги. У Раича все стихи до одного скроены по одной мерке. Ему переводить должно не *Виргилия*, а Делиля». Спор особенно выразителец, если иметь в виду, что Мерзляков в эти годы намеренно архайзирует свои переводы из древних, стремясь достигнуть ощущения древнего текста. Раича соотносят не с архаистами, а с мастерами «среднего дидактического слога», такими как Делиль во Франции и Дмитриев в России. И. И. Дмитриев и стал литературным советчиком Раича».²⁶

Создание Воейковым описательной поэмы «средним дидактическим слогом» естественно противопоставляло его опытам описательной поэмы с архаической языковой ориентацией. А это вполне закономерно приводило к сопоставлению воейковских «Садов» и «Тавриды» Боброва. В конечном счете это была антитеза ориентации на Юнга и порожденную им традицию, с одной стороны, и Томсона и его подражателей — с другой. Хотя обе тенденции вписывались в предромантическое движение, на русской почве они получали весьма далекие интерпретации. Сложную и исключительно богатую поэму Боброва, представляющую одно из высших достижений русского предромантизма и заметное явление в истории русской поэзии в целом, конечно, нельзя свести только

²⁴ Там же, с. 252.

²⁵ Мерзляков в 1820-е гг. переменил отношение к эпической поэзии и сам трудился над переводом «Освобожденного Иерусалима» Тассо (опубликован в 1828 г.). Интерес к античной и итальянской поэзии сближал его с Раичем.

²⁶ Вацура В. Э. Литературная школа Лермонтова, с. 51.

к проблеме русского юнгианства. Для нас сейчас важно одно: описательная поэма Боброва рисует трагический, конфликтный мир, находящийся в состоянии мучительной динамики, постоянного самоотрицания и дисгармонии. Мир Делиля—Воейкова создает гармонический, законченный, завершённый и поэтому статический образ природы. Бобров создает трагедию, Воейков — утопию. Язык Боброва совсем не выдержанно-архаический, он контрастный, высоко-низкий (карамзинистам это кажется безвкусицей), язык Воейкова дает выдержанную среднюю норму карамзинского стиля, он ровен и... бесцветен.

Однако контрастная противопоставленность двух поэм не может заслонить и их общих черт: обе они пейзажно-описательны, в обоих макрокосм пейзажа метафорически связан с микрокосмом человеческой личности и человеческого общества. И именно эта личность Человека, а не авторская индивидуальность выступает как носитель точки зрения текста. Наконец, обе поэмы находятся под сильным влиянием научной поэзии с ее особым тяготением к терминологии и изложению теорий, классификаций. Однако учения поэзия Боброва напоминает научные оды и послания Ломоносова, а Воейкова — салонную астрономию Фонтенеля с его ориентацией на дамский вкус. Это не мешало Воейкову весьма тщательно прорабатывать ботаническую терминологию и следить за научной точностью своего языка. Наклонность к научности, использованию в поэзии ботаники, географии, минералогии и других естественных наук, а также этнографии, исторических экскурсов сделалась характерной чертой всей описательной поэзии, признаком жанра. Так, например, Жуковский, готовясь к написанию поэмы «Весна» (как сам он указывал, он ориентировался при этом на Эвальда Клейста, Томсона и Сен-Ламбера), составил себе такой обширный список книг по ботанике, метеорологии, зоологии и антропологии, как будто готовился писать не поэму, а ученую диссертацию. Влияние этого аспекта описательной поэмы чувствуется в поэмах русского романтизма, например, в «Войнаровском» и поэмах Пушкина.

Установка на средний слог, подчеркнутая в самом начале перевода Воейкова, была свойственна самому жанру, компромиссному по своей природе. Не случайно еще Буало, говоря о природе описания, употребил столь милое в дальнейшем Карамзину и столь же ненавистное Шिशкову слово «элегантность»:

Soyez vif et pressé dans vos Narrations
Soyez riche et pompeux dans vos Descriptions.
C'est là qu'il faut des Vers étaler l'élegance.²⁷

Слово «элегантность» сделалось своего рода индикатором, разделявшим сторонников «нового» и «старого» слога.²⁸ Но дело не только в слове.

²⁷ *Boileau D. Les oeuvres. A Paris, 1740, t. 1, p. 298.*

²⁸ Подробнее об этом см.: *Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—нач. XIX вв.: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. с. 53—54.*

Не случайно сторонники Шишкова, переводя Буало, тщательно заменяли самое понятие. Ср. в переводе Анны Буниной:

Будь жив и быстр, когда предпринял ты рассказ;
 Богат и роскошен, коль пишешь что для глаз.
 Вот случай показать красу стихов созвучных!²⁹

Изгонялся тот оттенок изящества и простоты одновременно, дамского вкуса и светскости, который был так важен для карамзинистов. Жанру и стилю, по мнению Воейкова, должен был соответствовать язык, главным признаком которого было отсутствие резких признаков, изящная пресность, отсутствие крайностей и контрастов. Так, с одной стороны, хотя Воейков и не всегда употреблял ненавистную Шишкову букву ё, рифмы его ясно свидетельствуют, что он не чуждался проклятой адмиралом «простонародной» йотации. Рифма типа «вод — идёт» об этом ясно свидетельствует. Напомним, как нервно реагировал Шишков в письмах Дмитриеву на соответствующее произношение по поводу перевода Раичем «Георгик» Виргилия (Шишков ненавидел «новомодную» букву ё и везде писал *iô*): «Можно ли не сожалеть, встречая так часто сие *iô*, толь несовместимое с важностию и чистотою нашего языка? <...> простонародное произношение *стезёй* так мне кажется нехорошо, как бы кто в бархатном кафтане был и в лаптях».³⁰ Но одновременно мы встречаем у Воейкова в «Садах» и рифму «утесы—завёсы». Но именно смешение раздражало Шишкова, писавшего также: «Везде *iô*! Одно что-нибудь: или по-книжному писать, или по-разговорному. В первом случае давно известно *iô*, но всегда изгоняемое из чистоты языка никогда не писалось; во втором как бы вновь выдуманное и премудрым изобретением превращенное в ё, вводится в употребление; но зачем же оставляется старое произношение?»³¹

Однако, противостоя литературно-языковой позиции шишковистов, перевод Воейкова весьма отличался от установок как самого Карамзина, так и его молодых поклонников типа Жуковского. Лозунгом Карамзина была смелость и поэтический эксперимент, лозунгом Воейкова — гладкость и новаторство, уже ставшее рутинной. Это ясно видно из сопоставления одного и того же отрывка «Садов» в переводе Карамзина (помещенном в «Письмах русского путешественника» и Воейкову известном) и Воейкова.

У Карамзина:

Ктожь милых не терял? Оставь холодный свет,
 И горсть разделяй с унылыми древами,
 С кристаллом томных вод и с нежными цветами.
 Чувствительный во всем себе друзей найдет
 Там урну хладную с любовью осеняют
 Тополь высокий, бледный тис,

²⁹ Бунина А. Собр. стихотв. СПб., 1821, ч. 2, с. 125.

³⁰ Письма разных лиц к И. И. Дмитриеву, с. 10.

³¹ Там же, с. 9.

И ты, друг мертвых, кипарис!
 Печальные сердца твою приятность знают,
 Любовник нежный мирты рвет,
 Для славы гордый лавр растет;
 Но ты милее тем, которые стенают
 Над прахом счастья и друзей!³²

У Воейкова:

И кто не испытал в сей жизни огорчений?
 Кто слез не проливал над прахом дорогим?
 Передавай печаль лесам, цветам своим!
 Чувствительный во всем себе
 друзей находит <ср. Карамзина. — Ю. Л.>;
 Он горесть разделить с деревьями приходит:
 Уже над мирною гробницей обнялись
 Задумчивая ель, унылый, нежный тис,
 И ты, почивших друг, о кипарис печальный!
 Ты, охраняющий в могиле пепел холодный,
 Ты ближний нам, родной: любовник мирты рвет,
 Для победителя зеленый лавр растет;
 Им славу и любовь охотно уступаешь
 И сам в печалях нам и горе сострадаешь.

У Карамзина:

Там все велико, все прелестно,
 Искусство славно и чудесно;
 Там истинный Армидин сад,
 Или великого Героя
 Достойный мирный вертоград,
 Где он в объятиях покоя
 Еще желает *побеждать*
 Натуру смелыми трудами
 И каждый шаг свой означать
 Могуществом и чудесами,
 Едва понятными уму.

Там в тихой мрачности лесов,
 Везде встречаются Сильваны,
 Подруги скромных Дианы.
 Там каждый мрамор — бог, лесочик всякой — храм.*
 Герой, известный всем странам,
 На лаврах славы отдыхая,
 И будто весь Олимп сзывая
 К себе на велелепный пир,
 С богами горжествует мир.³³

У Воейкова:

Там смелость с пышностью Искусств соединены,
 В обворожении все представляют нам;
 Великолепные сады Альпины там,
 Или Армидины чертог и вертограды,

³² Цит. по: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984, с. 303.

* Я удержал в этом славном стихе меру оригинала (прямеч. Карамзина).

³³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника, с. 304.

Обитель роскоши, и пегги, и прохлады.
 Нет, это не мечта! Зрим въяе пред собой
 Тот замок, те сады, в которых царь-герой.
 Ни с кем в в отдыхе действительном несходный,
 Всегда возвышенный, повсюду благородный,
 Пылает страстию препятства побеждать,
 И чудесами трон блестящий окружать.

Я углубляюся лесов дремучих в сень,
 Встречаю в чаще дров то Фавна, то Сильвана;
 Венера милая и скромная Диана
 Присутствием дают жизнь новую лесам:
 Здесь каждый мрамор — бог;

лесочик каждый — храм <ср. Карамзина. — Ю. Л.>
 Здесь Людвиг отдыхал от битв, побед гремящих,
 И мнилось, весь Олимп на пиршествах блестящих
 Роскошно угощал: вот торжество Искусств!

Карамзин экспериментирует в области метрики и интонационного разнообразия, причем эксперименты его имеют четкую направленность — придать текстам Делиля характер элегических монологов или лирических отрывков. Поэтому двух-трех фрагментов ему было достаточно — переводить всю поэму не пришло бы ему и в голову. Его установка (до «Истории») — движение от эпического повествования к лирическому отрывку.

Воейков переводит Делиля *после*, с одной стороны, Палицына, с другой — Карамзина. Полемичность по отношению к палицынскому переводу, ориентированному на принципы «архаистов», очевидна. Более примечательна скрытая, но очевидная полемика с Карамзиным. Воейков явно учитывает карамзинские фрагменты, сохраняя из них отдельные стихи. Но он «переписывает» Карамзина, превращая лирические отрывки в мерное и монотонное эпическое повествование. И это не случайно. В стихах

Кладбище пред тобой! Во мраке сосн сгущенных
 Спят праотцы селян в гробах уединенных...

(п. IV, ст. 196)

Воейков так же «переписывает» «Сельское кладбище» Жуковского:

Там праотцы села, в безмолвии унылом,
 Почивши навсегда глубоким сном, лежат...

Как переводчик «Садов», Воейков пытался стать практическим истолкователем литературной программы Дмитриева 1810-х гг. Различие между путями Дмитриева и Карамзина как поэтов было очевидно Пушкину, полемически писавшему Вяземскому, что Дмитриев «стократ ниже стихотворца Карамзина» (XIII, 381). Дмитриев и Воейков устойчиво связывались в сознании Пушкина (XIII, 96). В период, когда задача овладения жанром поэмы и эпическим повествованием в стихах встала перед Жуковским и арзамасцами, путь, который указывали

Дмитриев—Воейков, не мог не привлечь внимания. Написанная легко (Воейков хорошо владел техникой стиха, умел строить запоминающийся афористический стих), поэма не могла не привлечь внимания: фактически это был первый опыт завершенной поэмы, вышедший из лагеря карамзинистов. Уже это могло обеспечить ей успех. Куда же направлял русскую поэзию Воейков? Под влиянием Карамзина — пламенного поклонника английской и немецкой поэзии, холодно относившегося к поэзии французской (которую он знал превосходно) — и Жуковского, элегии и баллады которого также были ориентированы в сторону англо-немецкого предромантизма, в русской поэзии наметился перелом. Пушкин писал Гнедичу: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии робкой и жеманной. Тогда некоторые люди упадут, и посмотрим, где очутится Ив. Ив. Дмитриев — со своими чувствами и мыслями, взятыми из Флориана и Легуве» (XIII, 40). Пушкин очень точно указал на принципиальную ориентацию Дмитриева на измечавшую традицию второстепенных французских литераторов XVIII в. И Дмитриев, и Воейков были культурно связаны с традициями французской поэзии. В этом отношении выбор Делиля, которого Пушкин презрительно называл «парнасский муравей» (V, 377), а не Томсона или Э. Клейста не случаен.³⁴

Пушкинское противостояние лагерю Дмитриева—Воейкова имело свою историю. В начале века сложилось характерное географическое распределение литературных лагерей. Вопреки последующей традиции, Петербург был центром «славянофилов»: здесь проживали Шишков, Державин, Крылов, Шихматов-Ширинский, здесь собиралась «Беседа». Москва была признанной метрополией карамзинистов, и даже Сергей Глинка проповедовал древнерусские добродетели на страницах «Русского вестника» типичным языком ученика и поклонника Карамзина.³⁵ Однако во второй половине 1810-х гг. на московском парнасе господствовало междуцарствие: Карамзин от литературы отошел и к тому же после пожара Москвы ждал лишь возвращения царя из-за границы, чтобы отправиться в Петербург и там печатать первые восемь томов своей истории. Макаров давно скончался, умер подававший надежды Буринский, молодые карамзинисты один за другим перебирались в Петербург,

³⁴ Воейков был хорошо образован и прекрасно знал французскую литературу. Так, например, Воейкову приписывалось выражение «знаменитые друзья», ставшее наряду с «литературной аристократией» объектом ожесточенных нападок Булгарина и Полевого (см.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. «Л.», 1934, с. 153—154). Между тем «*illustres amis*» — это название группировавшегося вокруг Бельевра кружка (Голо, Жиль Буало и др.) — поэтов, враждебных Мазарини и связанных с Фрондой (см.: Antoine A. La genèse des «*Précieuses ridicules*» // *Revue d'histoire de la Philosophie et d'histoire Générale de la Civilisation*, janv.-mars, 1939, fasc. 25, p. 41). Употребляя это выражение, Воейков сравнивал себя с известным поэтом-фрондером XVII в.

³⁵ См.: Киселева Л. Н. К языковой позиции «старших архаистов» (С. Н. Глинка, Е. И. Стаевич) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та, 1983, вып. 620.

быстро устраиваясь на различные сулящие продвижение службы, Мерзляков тихо спивался в Московском университете. В этих условиях вышедший в отставку Дмитриев перебрался в Москву и проявил явное стремление к роли литературного патриарха. Воейков, всегда готовый сделаться клеветом литературного патрона, из покровительства которого можно было бы гласно извлекать выгоды и над которым можно было бы негласно зло подсмеиваться в устных эпиграммах, выразил полную готовность носить щит Дмитриева.

Выбор в этих условиях «Садов» Делиля для перевода имел не случайное, а глубоко программное значение. В культуре предромантизма всякое природописание приобретало общефилософский характер. Особенно это относится к одному из древнейших образцов культуры — саду.³⁶

После Мильтона утвердилось представление о дикой природе как наследнице эдемского сада, сотворенного рукой господ. Оно вписалось в руссоистскую антитезу Природа — Культура как противопоставление божьего сада человеческому. Когда Мцыри бежал в непроходимые заросли девственного леса, он воскликнул:

Кругом меня цвел божий сад...³⁷

Позиция Делиля, оттенки которой тонко улавливались и его московским (а потом — дерптским) переводчиком, и его русскими читателями, была позицией умеренного просветителя, чуждого руссоистских «крайностей». Не случайно Карамзин видел его портрет в фернейской обители Вольтера. В центре внимания Делиля сад — образ вселенной, не порывающий с Природой, но умело усвершенствующий ее плодами цивилизации и труда человека. Как и Вольтер и энциклопедисты, Делиль считает, что искусство человека продолжает божественный акт творения. Мысль эта была близка поэтам московской школы. Полнее всего ее выразил ученик Раича³⁸ Тютчев:

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Миросоздания неконченное дело!

(курс. мой. — Ю. Л.)³⁹

Однако, миря Природу и Культуру, Делиль последовательно проводил и другую, дорогую для Вольтера, мысль: связь прогресса и неравенства.

³⁶ См.: Лизачев Д. С. Поэзия садов. Л., 1982; Цивьян Т. В. Verg. Georg. IV, 116—145: К мифологеме сада // Текст: Семантика и структура. М., 1983; Топоров В. Н. Пространство и текст // Там же (особенно см. корректурное дополнение на с. 297—298).

³⁷ Лермонтов М. Ю. Соч. в шести томах. М.; Л., 1955, т. 4, с. 157.

³⁸ О связи Раича и Дмитриева см. цит. выше статью В. Э. Вацура.

³⁹ Цит. по раннему автографу: в дальнейшем Тютчев сгладил эти программные строки (см.: Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотв. Л., 1939, с. 79 и 266).

Разнообразие способностей и качеств лежит в основе природы. Параллелизм между тремя мифологемами: сад — человеческое тело — общество позволяет Делилю утвердить мысль об обществе как органическом единстве неравных членов. Эклектически используя эстетические идеи Дидро о связи прекрасного и разнообразного, Делиль скрыто полемизирует с эгалитаризмом Руссо и его утверждением о равенстве как законе Природы.

Взгляды эти близки Воейкову и всему кругу группировавшихся вокруг Дмитриева литераторов. Не случайно и Воейков, и Раич выступают как переводчики «Георгик» Виргилия. Вполне закономерно и «вольтерьянство» Воейкова при его холодном отношении как к Руссо, так и к английскому предромантизму.

Позиция Воейкова, идейно связанного с прогрессизмом умеренного просветительства и биографически чуждого петербургской культуре, проявилась в стихах, посвященных русским садам. Восторженный отзыв о Петре прямо отождествляет идеи «сада» и «цивилизации»:

Россию превратил в великолепный сад...

Однако Царскому Селу он посвятил лишь несколько холодных стихов, выражающих скорбь по поводу разграбления, которому подверглись там сады при Павле I. Видя в царкосельских садах лишь пример исторического регресса, Воейков с гораздо большим чувством описывает дорогое москвичам Кусково. И уж совсем не скрывая приверженности групповым интересам, Воейков завершил этот экскурс восторженным описанием подмосковного Савинского И. В. Лопухина, которому посвятил вдвое (!) больше стихов, чем всем царкосельским паркам вместе.

Таков был литературный фон, на котором Пушкин создавал свою апологию екатерининских парков в «Воспоминаниях в Царском Селе». Стихотворение это во всех отношениях звучит как полемика с Воейковым. Звучащая у Жуковского и Батюшкова (ср. «На развалинах замка в Швеции») и совершенно чуждая Воейкову тема поэтичности развалин перерастает у Пушкина-лицеиста в идею истории. Название «Воспоминания» в этом отношении звучит как программное. К-антитезе красота Природы — сила Цивилизации подключается третий смысловой центр — величие Истории. Сад — образ века, Царское село — образ восемнадцатого столетия. Полемичным было и обращение не к эпической, а к лирической — одической по лексике и элегической по метрико-интонационному строю — структуре. Наконец, символично было и обращение к державинской (а не карамзинско-дмитриевской) традиции, и то, что чтение стихов происходило в присутствии Державина.

В этом отношении примечательно, что процитированное нами в начале статьи обращение Воейкова к Жуковскому явно повлияло на творческие раздумья молодого Пушкина. Воейков предлагал выбор: шутливо-сказочная «древнерусская» поэма («Будь наш Виланд, Ариост, Баян») или поэма описательная. Оба эти пути привлекли внимание Пушкина. На первый призыв он ответил «Русланом и Людмилой», на

второй — замыслами описательной поэмы о царскосельских садах, «Кавказом» (ранним вариантом «Кавказского пленника») и замыслом «Тавриды».

В замысле «Кавказа» связь с описательной поэмой обозначена отчетливо. И этот пласт не был стерт байронической трансформацией сюжета, который лишь наложил свой узор поверх первоначального грунта. Влияние описательной поэмы проявилось здесь, в частности, в стремлении к географической и этнографической точности, своего рода «научности» текста, которому, видимо, предшествовали тщательные изучения. Наша привычка видеть в «Кавказском пленнике» в первую очередь романтическую поэму заставляет не замечать проступающую сквозь экзотику «местного колорита», точность описаний быта и нравов. В этой связи обычно указывают на отрывок «Но европейца всё вниманье / Народ сей чудный привлекал». В специальной литературе отмечалась и этнографическая точность описаний наряда черкесов, и близость этого описания к соответствующему месту в «Казаках» Толстого. Хочется привести еще более выразительный пример. Слова Черкешенки:

К моей постеле одинокой
Черкес молодой и черноокой
Не крался в тишине ночной...

(IV, 104)

воспринимаются читателем как дань романтизму — картина ночного свидания любовников, т. е. в ключе европейских литературных представлений. На самом деле перед нами — след изучения Пушкиным своеобразия этнических обычаев. Пушкинская Черкешенка говорит Пленнику, что она не замужем. Как отмечал акад. А. Н. Веселовский, у кавказских горцев молодой муж со своей женой «видится тайно ночью; иначе связь нарушена».⁴⁰ Стремление к точности картин ведет к совершенно определенной традиции, на которую Пушкин в известные моменты сознательно ориентировался.

Тем более поразительно, что именно из лагеря Дмитриева—Воейкова были нанесены молодому Пушкину самые чувствительные удары. Ядовитая статья Воейкова по поводу «Руслана и Людмилы» была прямо инспирирована Дмитриевым, который еще находил, что Воейков чрезмерно «расхвалил молодого Пушкина» (письма А. Тургенева от 19 сентября 1820 г.). Дело в том, что именно известная близость позиций Пушкина и Дмитриева—Воейкова обнажала принципиальное их отличие: Пушкин стремился решать указанные Воейковым жанровые проблемы не на пути среднего, сглаженного стиля, а на прямо противоположной дороге смелых стиливых контрастов, ломки литературных приличий. В этом отношении «Таврида» Боброва ему оказалась ближе «Садов» Воейкова, несмотря на общую карамзинистскую ориентацию его про-

⁴⁰ Веселовский *Ал-др Ник.* Собр. соч. СПб., 1913, т. 2, вып. 1 (Поэтика сюжетов), с. 31.

граммы. Утверждение «среднего стиля» было для Дмитриева—Воейкова установкой на принципиальное поэтическое одногласие. Пушкин уже в раннем творчестве закладывал основы поэтической полифонии. Именно то, что Пушкин перехватил положительное начало позиции Дмитриева—Воейкова, фактически упразднило их литературное значение. Появление «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» означало конец претензий Дмитриева объединить русскую поэзию вокруг благопристойно причесанного карамзинизма и, в конечном счете, конец литературного значения Дмитриева.

Попытка Воейкова определять пути развития русской поэзии была кратковременной: утверждение литературной роли Жуковского, возникновение «Арзамаса» и, в особенности, выход на литературную арену Пушкина фактически клали конец честолюбивым замыслам Дмитриева. Характерен устойчивый антагонизм Пушкина к Дмитриеву (и полемика его по этому вопросу с Вяземским). И настойчивое противопоставление Дмитриева Карамзину-поэту, и беспрецедентный факт выступления Пушкина в 1827 г. с печатной пародией на «Апологи» Дмитриева (коллективный, совместно с Языковым, характер этого выступления лишь подчеркивал его программный характер) указывают на глубоко не случайный характер литературной оппозиции Пушкина вкусам и направлению Дмитриева. Тем более характерно, что, предлагая Вяземскому план объединения всех прогрессивных сил в литературе, Пушкин в 1824 г. из тактических соображений согласился выставить имя Дмитриева на общем знамени, но требовал (видимо, одно имя сразу же напоминало ему другое) исключить из группы Воейкова: «Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима <...> я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей кучки, а ты уступишь ли мне моего Катенина? Отрекаюсь от Василья Львовича; отречешься ли от Воейкова?» (XIII, 96).

Однако литературная роль Дмитриева уже была сыграна. Воейков же к этому времени давно подготовил переход в лагерь «знаменитых друзей».

С русским переводом «Садов» Деллия связан непродолжительный, но яркий эпизод в истории поэзии начала XIX в. Без его учета многое в историческом гезезисе поэм Пушкина остается непонятным, и уже это делает его достойным внимания в наших глазах.

ЖАК ДЕЛИЛЬ — УЧИТЕЛЬ САДОВОДСТВА

Восемнадцатый и первая половина девятнадцатого века — время, когда садово-парковое искусство выдвигается на один из первых планов в культуре Европы. На сады и парки тратится даже больше денег, чем на строящиеся в них дворцы. Владельцы поместий разоряются, стремясь превзойти друг друга в роскоши и красоте своих садов и парков.

Садово-парковое искусство определяется философией своего времени и само оказывает влияние на философию, на эстетические представления, на поэзию, живопись, педагогику и т. д., и т. п.

Тема нетронутой или только слегка «исправленной» природы, естественности и простоты входит в интеллектуальную жизнь европейских народов, порождает философию Руссо и Локка. Происходит последовательная смена регулярного садоводства различными формами садовой ландшафтности.

Ландшафтные сады существовали и раньше. Они примыкали к оградам садов Ренессанса и Барокко, служили переходами от парадного сада к окружающей местности, к поселениям и хозяйственным угодьям, использовались для прогулок пешех или верхом. Однако явлениями искусства они стали только тогда, когда начали восприниматься как явления стиля и когда этот стиль стал связываться с определенной идеологией.

На красоту «естественной» природы постоянно обращали внимание художники и поэты, в частности Петрарка, а затем, в XVI—XVII в., — Торквато Тассо в «Армиде» и в «Освобожденном Иерусалиме», Э. Уэллер в «Поэме Сент-Джеймского парка», У. Темпл в «О садах Эпикура», Дж. Мильтон в «Потерянном рае» и ряд живописцев — Н. Пуссен, С. Роза, К. Лоррен. . . Но только с того момента, когда в 1711 и 1712 гг. Дж. Аддисон начал в «Зрителе» свою атаку против регулярного стиля в садовом искусстве и противопоставил идеологии последнего философию ландшафтных садов, началось поистине триумфальное наступление естественного ландшафта на обрубленную и остриженную растительность регулярных садов. Поистине двинулся Бирнамский лес на замки английской знати. . .

Когда ландшафтный парк стал наступать на регулярный сад с его окраин и начал отвоевывать ближайшие к замку владельца места и оттеснять регулярную часть к самому подножию его стен, вся сложная символика регулярных парков стала ускользать от внимания сторонников нового. Она стала огрубляться и отрицаться сторонниками ландшафтности. Представители пейзажных парков как бы забыли, что и регулярные сады стремились также охватить природу, изобразить весь мир во всем его разнообразии и удивительной стройности. Враждебность к регу-

лярным садам приобрела формы политических обвинений. Регулярный сад стал символом тирании, господства абсолютизма, попыткой насильственно подчинить себе природу стрижкой кустов и деревьев, приданием геометрических форм водоемам и т. д. Обвинители были отчасти правы.

Изучая многочисленные высказывания современников смены вкусов в садовом искусстве, один из крупнейших авторитетов в области искусствознания Николас Певзнер имел основания заключить одну из своих работ следующими словами: «Пейзажный парк был изобретен философами, писателями и знатоками искусств — не архитекторами и не садоводами. Он был изобретен в Англии, ибо это был сад английского либерализма, а Англия именно в этот период стала либеральной, т. е. Англией вигов». Далее Н. Певзнер пишет: «Свободный рост дерева был очевидным символом свободного роста индивидуума, змеевидные (серпантинные) дорожки и ручейки — свободы английской мысли, и убеждения, и действия, а верность природе местности — верности природе в морали и политике». Далее Н. Певзнер обращает внимание на то, что Дж. Томсон в своей поэме «Свобода» (1734—1736) нападает на регулярные сады и отождествляет французское тираническое государство с его садами эпохи Людовика XIV.

Александр Поп так же точно утверждал, что «мужественные британцы, презирая иноземные обычаи» (имеются в виду французские, королевские) предоставляют своим садам свободу от тирании, угнетения и автократии.

Перекинувшись во Францию, эти идеи нового садоводства стали одним из столпов новой идеологии, приведшей к Великой Французской революции. Английский стиль садоводства во многом вдохновил идеи возвращения к природе Ж.-Ж. Руссо, признававшегося в «Исповеди», что молодым человеком он получил свои идеи о природе из Англии, из статей Аддисона в «Зрителе»: «Журнал „Зритель“ сделал для меня особенно много и сделал добро». Он расточает похвалы английским паркам в «Новой Элоизе».

Нет поэтому ничего удивительного в том, что идейная сторона ландшафтных парков стала как бы знаменем всего прогрессивного и приобрела особое значение в поэзии всех европейских стран.

На время поэты стали садоводами, а садоводы обрели литературные таланты, чтобы проповедовать в прозе, стихах, в сатирических эссе и критических статьях ландшафтное садовое искусство. Александр Поп описывает в своей поэзии Виндзорский лес и сажает в своем поместье Туингем на Темзе один из первых ландшафтных садов.

В одном из своих ранних эссе в «Зрителе» (1711, № 15) Дж. Аддисон объявляет, что «настоящее счастье в спокойной природе и ненавистно помпезности и шуму», «оно любит тень и одиночество и естественно посещает роши и источники, луга и поляны». Томас Бриджмен перестраивает королевские сады в Ричмонде и Кенсингтоне. А после начинается победное шествие по Англии гениальных садоводов — Вильяма Кента, Ланселота Брауна, Хамфри Рептона и многих других.

Англия стала родиной нового ландшафтного садоводства. Но ландшафтное садоводство было не единым. Особенно -- вне Англии. Оно пережило ряд стилистических изменений. Там, где оно проникало постепенно, сменялись общие стили искусства: сперва пейзажные элементы проникли в стиль Рококо, где за стеной стриженных кустов появились большие свободно растущие деревья, затем — в стиль Предромантизма, где буколические элементы Рококо переросли в элементы сельские, наконец — в стиль Романтизма, где полную волю взяло чувство природы, возобладали чувства вообще, где появилась меланхолия, воспоминания — и личные, и исторические, где реальность отразилась в зыбких зеркалах озер, появилось движение колеблемых ветром нестриженных ветвей, дорожки приобрели «линию красоты» — неровную линию гуляющего человека, разнообразились открывающиеся виды, стали цениться национальные культуры — китайская, турецкая, арабская, испанская и т. д.

Садовое искусство вновь обрело язык символов и к ним прибавился язык чувствительности. Старые деревья стали цениться и почитаться. В садах ожила история — от героической военной до интимной личной. Вздыхающиеся ввысь фонтаны сменились падающей по воле земного притяжения водой в каскадах, водопадах, ручьях и потоках. Сады вновь обрели времена года, которых не знало «стриженое садоводство». Птицы вернулись в сады. Прогулки сменили собой сидячие приемы гостей времен Ренессанса, садовые представления классицизма, игры Рококо.

Ландшафтные сады меняли свой характер в зависимости от того, какой стиль господствовал в искусстве. Первые элементы ландшафтности появились в садах эпохи Рококо.

Рококо по существу представлял собой позднюю стадию Барокко. Барокко в Рококо перешло к совершенно другой эстетической структуре, повлиявшей на изменение характера стиля. Барокко в Рококо стало более жизнерадостным и, одновременно, менее значительным. В стиле стал преобладать измельченный орнамент. Появился интерес к пасторальным сюжетам. Элементы природы входили в садово-парковое искусство вместе с этой пасторальностью.

Полного своего развития ландшафтный стиль достиг в садах Предромантизма и Романтизма.

Существенная примета романтических парков, отличающая их от парков Рококо, — это отношение к историческому прошлому. В парках Рококо начали уже занимать большое место семейные воспоминания: воспоминания о друзьях, памятники умершим. Однако в романтических парках к ним прибавились руины замков, храмов, мостов, статуи государственным деятелям и поэтам прошлого. Планировка стала более крупной, менее измельченной, стрижка кустов и деревьев исчезла вовсе, прогулочные дорожки заняли больше места, чем площадки для уединенного отдыха и садовых развлечений. Развился интерес к различным, по преимуществу ориентальным, странам — их архитектуре и растениям.

Ж. Делиль в своей поэме «Сады» не реагирует на изменения стилей в ландшафтных парках. Для него в первую очередь важен самый при-

цип ландшафтности, свободы природы от тирании человека. Поэтому он мало уделяет внимания и тем приметам, которые отличали сады Предромантизма и Романтизма от садов Рококо.

Садовое искусство настолько слилось с поэзией, что появились и стихотворные руководства по благоустройству территорий в духе ландшафтного садоводства. Если угодно, поэма Делиля «Сады» — одно из таких руководств. Право на это дает ее чисто описательный характер. Делиль не объясняет и не философствует: он рекомендует, советует, настаивает — как сажать, где сажать, как сохранять то, что красиво, и чего не следует делать. Он защищает старые деревья, заглохшие уголки. Он говорит о ландшафтных садах вообще, не выделяя какой-нибудь один определенный стиль. И при этом он просит человека помочь природе выявить самое себя. Он верит, что человек способен не только насильно подчинять своим эстетическим представлениям природу, но и учиться у природы. В каких-то отношениях он ставит даже человека выше Творца природы: бог создал мир, а человек его украсил, улучшил, но улучшил, следуя ее законам.

В своей поэме Делиль пропагандирует самые общие принципы ландшафтных садов. Никакой специальной ориентации на один из ландшафтных садовых стилей у него нет. Он не столько даже устанавливает и утверждает новые принципы садоводства, сколько отрицает старую регулярность. Он за природу против неестественности регулярных садов. Но при этом за природу ухоженную и подправленную, улучшенную человеком, но не кардинально, а как бы незаметно. Это не столько натуральная природа, сколько искусство, подделывающееся под природу. Для него важна зрительная сущность садов в первую очередь.

Однако Делиль не столько описывает ландшафтные сады, сколько составляет поэтическую инструкцию как их устраивать. Последнее обстоятельство, как мне представляется, обусловило успех его поэмы в России. Прочтя Делиля, можно было приступить к устройству помещичьего сада. Все было просто, не надо было даже задумываться над различными сложными философскими идеями, — достаточно было самых простых эстетических принципов.

Не случайно стихотворный перевод поэмы Делиля «Сады» появился в России в двух изданиях и понадобился еще один, изданный вскоре.¹

¹ Переводу А. Ф. Воейкова предшествовали два других: Поэма Сады, или Искусство украшать сельские виды / Соч. аббата де Лилля, члена Французской Академии. Пер. с фр. // Стихотворения Петра Карбанова, нравственные, лирические. любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе. СПб., 1804; Сады: Поэма Ж. Делиля / С исправл. и доп. изд. перевод А. Палицын 1803 года. Харьков, 1814.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Сады» вышли первым изданием в 1782 г. Для последовавших за этим переизданий Делиль вносил в текст многочисленные исправления, преимущественно стилистические. Принципиальные отличия представляет текст, подготовленный автором в Лондоне и вышедший в 1801 г. Он содержит обширные вставки (более 1000 строк), частично подсказанные пожеланиями знатных поклонников Делилля, жаждавших увековечить в поэтическом слове свои сады, частично внесенные по его инициативе с целью оказать внимание его английским покровителям. Некоторые введены для полноты картины (перечень немецких, испанских садов, упоминание о Турции и России). В ряде случаев расширение текста не содержит ничего нового, а только развивает уже сказанное — возможно, что Делиль был озабочен увеличением объема по материальным соображениям.

Настоящего научно-критического издания сочинений Делилля, выполненного на современном текстологическом уровне, не существует. Однако в посмертных изданиях, выходивших с начала 1820-х гг., приводятся варианты и помечены поздние вставки. Комментарии, как правило, ограничиваются примечаниями самого Делилля и лишь в немногих случаях содержат дополнительные сведения и уточнения.

Настоящий перевод выполнен по изданию: *Oeuvres complètes de Jacques Delille / Nouvelle édition publiée par Amar du Rivier. Paris, L.-G. Michaud, 1824, t. VII.* Наиболее полная современная монография о Делилле: *Guittou Ed. Jacques Delille (1738—1813) et le royaume de la nature en France de 1750 à 1820. Lille, 1976.*

Поэма Делилля была уже в первом издании снабжена авторскими примечаниями, широко принятыми в дидактической и описательной поэзии его времени. В дальнейшем эти комментарии разрастались в соответствии с дополнениями основного стихотворного текста. Некоторые, напротив, подвергались сокращению — так обширное извлечение из «Потерянного рая», иллюстрирующее строки 601 след. из I песни, в первом издании давалось по-английски и во французском переводе. В позднейших изданиях оно было снято и заменено простой отсылкой к IV кн. поэмы Мильтона. Примечания Делилля нередко развивают темы, лишь попутно затронутые в тексте поэмы и никак не связанные с ее основным содержанием. Тем не менее они представляют интерес в общем культурно-историческом плане, характеризуют круг чтения автора, его личные контакты и т. д. Мы даем их в полном составе по последнему прижизненному изданию и помещаем в виде подстрочных примечаний к тексту. Цитата из «Георгик» Вергилия в прим. 1 к песни I, которую Делиль дает в собственном переводе, приводится нами в переводе с латинского оригинала С. Шервинского с указанием книги и стихов, отсутствующим у Делилля. Такое же указание дается в квадратных скобках для Гомера (прим. 2). В тех случаях, когда примечания Делилля недостаточны, неточно или ошибочно поясняют текст, мы дополняем или корректируем их в редакционных комментариях в конце книги; тогда стих имеет двойную отсылку в тексте: звездочкой к авторским примечаниям, цифрой — к редакционным. В квадратных скобках заключены поздние вставки Делилля в издание 1801 г.

Ж. Делиль

САДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Многие ... писали о садах прозой — Делиль имеет в виду ряд трактатов, появившихся в 1770—1780-х гг., в частности сочинения принца де Линя, У. Чемберса, маркиза де Жирардена, Мореля, Ватле, Вейтли и некоторых других.

² ... знают наизусть четвертую книгу «Энеиды» — в четвертой книге «Энеиды» излагается история любви Дидоны и Энея.

³ Рапен Рене (1621—1677) — иезуит, много писавший по вопросам поэтики и эстетики. Его дидактическая поэма на латинском языке «Сады» (1665), ориентирована больше на Гесиода, чем на Вергилия. В конце XVIII в. в связи с возросшим интересом к садово-парковому искусству поэма Рапена неоднократно переводилась на французский язык (в 1773, 1787 гг.).

⁴ ... и богатство возвращается к своему первоначальному источнику — здесь Делиль развивает применительно к своему предмету идеи физиократов.

⁵ ... г-н Мейзон, достойный друг Грея — Уильям Мейзон (1724—1797) — английский поэт сентиментального направления. Имеется в виду его описательная поэма «Английский сад» (1757, французский перевод ее вышел в 1788 г.). Томас Грей (1716—1771) — английский поэт-сентименталист, автор элегий.

⁶ Королевский коллеж — так назывался тогда Коллеж де Франс.

⁷ ... оказавшийся в руках человека со вкусом — это место предисловия явно противоречит примечанию Делиля к п. III, ст. 596 след.; см. редакционное примечание к этому стиху.

⁸ ... в эпизоде с монахами ордена траппистов ... строках, посвященных саду Коллин — см. п. II, ст. 131 след. и 314.

⁹ ... я считаю уместным и далее — значительная часть следующего за этим текстом буквально повторяет предисловие к поэме «Сельский житель» (1800), однако там критик, которому возражает Делиль, обозначен просто как г-н де М. В посмертных изданиях сочинений Делиля этот инициал был ошибочно отнесен к писателю Жозефу де Местру. Новейшие исследователи установили, что за ним скрывается публицист Сенак де Мейлан, автор сочинения «О правлении, нравах и обстоятельствах Франции до революции» (1795), откуда и заимствовано (неточно) суждение о «Садах».

¹⁰ Трагедии Энния, Пакувия и даже «Медия» Овидия — Энний Квинт (239—169) — римский поэт, автор исторического эпоса «Анналы» и ряда обработок греческих трагедий; большинство его произведений дошли в виде фрагментов. Пакувий (220—130) — поэт-трагик, племянник Энния, принадлежавший к его литературной школе. Трагедия Овидия Назона (43 г. д. н. э.—18 г. н. э.) «Медия» не сохранилась; античная критика ставила ее чрезвычайно высоко.

¹¹ «Времена года» (1730) — описательная поэма Джеймса Томсона, оказавшая большое влияние на развитие этого жанра в европейской литературе. Состоит из четырех частей. Четырехчастная композиция прочно закрепилась за дидактической поэмой (подробнее см. статью).

¹² Одни упрекали ее в отсутствии плана — имеется в виду писатель и публицист Антуан Ривароль (1753—1801), выпустивший в 1782 г. под псевдонимом резко критическую брошюру о «Садах». В ней была помещена пародия «Капуста и брюква. Г-ну Делилю на его поэму „Сады“» (см. Дополнения, II).

¹³ ... она написана только для богачей — имеются в виду упреки, высказанные Делилю поэтами Луи Фонтаном (в предисловии к его поэме «Плодовый сад», 1788) и Жаном Антуаном Руше. Эта критика с демократических позиций симптоматична для настроений накануне революции.

¹⁴ ... три первых своих произведения — имеются в виду «Послание о пользе уединения» (1760), перевод «Георгик» (1769) и «Сады».

¹⁵ ... законодатель французской поэзии — имеется в виду Буало.

¹⁶ ... появлению нового произведения — имеется в виду поэма Делиля «Несчастье и сострадание» (1804), написанная с роялистских позиций. Она вышла во Франции с большими цензурными сокращениями и подверглась резкой критике.

¹⁷ ... утешала она меня в мои невзгоды — поэма «Сельский житель» вышла в период скитаний Делиля за пределами Франции.

¹⁸ Давид — автор восторженной рецензии на поэму «Сельский житель», появившейся в форме шести писем в газетах в 1801 г.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

¹ ст. 19 *Уж если ты в стиге Лукреция суровом* — Тит Лукреций Кар (ок. 98—55) — римский поэт, автор философско-дидактической поэмы «О природе вещей», излагавшей материалистическое понимание природы. О ее влиянии на французскую дидактическую поэму XVIII в. подробнее см. статью.

² ст. 22 *Его соперник пел соху крестьянских нив* — имеется в виду поэма Вергилия (70—19) «Георгики», описывающая разные виды сельскохозяйственного труда. Делиль опубликовал в 1769 г. свой стихотворный перевод «Георгик», впервые сделавший его известным в литературных кругах.

³ ст. 48 ... *Филиппом вдохновленный* — Филипп, граф д'Артуа, младший брат Людовика XVI, в 1824—1830 гг. король Франции Карл X. С середины 1770-х гг. оказывал покровительство Делилю.

⁴ ст. 77 *Изысканностью форм пленяет Шантильи* — замок Шантильи принадлежал принцам Конде, связанным родственными узами с королевской династией. Парк в Шантильи, созданный Ленотром (см. ил. 8), с начала XVIII в. до самой революции подвергался переустройству, отражавшему движение моды в области садово-паркового искусства: через ров был уже в первые годы века перекинут мост, разбиты веерообразные аллеи («Гусиная лапка»), устроены зеленые беседки, лабиринты, поставлены павильоны, посвященные Венере, Амуру и др. богам, установлены статуи Венеры, воздвигнуты балюстрады, украшенные вазами и корзинками с цветами. На пруду появился «Остров Любви» (мотив, получивший широкое отражение в живописи XVIII в. — см. в особенности картину А. Ватто «Путешествие на остров Цитеры», 1717). Отдельные композиции кустарников, деревьев и газонов символически воспроизводили светские игры того времени. В 1770—1775 гг. был создан новый лабиринт и построен китайский павильон (см.: *Gagnay E. de. Les jardins à la française en France au XVIIIe siècle. Paris, 1943, p. 23—25*).

⁵ ст. 79—80 — работы по благоустройству парка Бельэйль велись в 1775—1788 гг. Делиль посетил его в 1781 г. В том же году вышло сочинение владельца Бельэйля принца де Лиля «Взгляд на Бельэйль и на большую часть садов Европы» с посвящением Делилю. *Шантлу гордится тем, что приютил героя* — Шантлу — замок вблизи Амбуаза (см. ил. 3), в 1761 г. был приобретен герцогом Этьеном-Франсуа де Шуазелем (1719—1785), министром Людовика XV, сделавшим головокружительную придворную карьеру благодаря покровительству маркизы де Помпадур. В 1770 г. Шуазель внял в немилость и был сослан в свое поместье, где жил до смерти короля (1774). Шуазель первоначально восстановил старый парк по рисункам 1722 г. В дальнейшем к старому парку французского стиля присоединились элементы английского и китайского парка (пагода). В 1767 г. Шуазель присоединил к нему сельский дом и сад под названием «Парадиз» (см. ил. 4).

⁶ ст. 82 *Тиволи* — сад в Париже, принадлежал крупному финансисту Бутену. Сочетал элементы регулярного и пейзажного парка. В годы революции служил местом народных гуляний и празднеств. Территория его позднее была застроена. Сад не сохранился.

⁷ ст. 86 *Дезер* («Пустынь») — поместье де Реца на краю леса Марли вблизи Версаля. Было приобретено Монвилем, преобразовавшим парк в английском и китайском вкусе.

⁸ ст. 87 *Наварру, где еще дух Генриха витает* — Генрих Наваррский, с 1594—1610 король Франции Генрих IV, неоднократно воспевался в поэмах XVIII в., на-

чаяная с «Генриады» Вольтера (описание Наваррского леса содержится в 8-й песни). В 1780 г., когда Делиль уже работал над «Садами», вышла описательная поэма Луи де Фонтана «Наваррский лес».

⁹ ст. 90 *Трианон* — устройство «интимного» парка Марии-Антуанетты в Малом Трианоне (см. ил. 2) началось в 1774 г., сразу после восшествия на престол Людовика XVI, и завершилось в 1785 г. Главные работы велись с 1776 по 1784 гг.: в 1774—1776 гг. были разбиты лужайки, в 1776—1780 гг. построен театр, в 1778—1781 г. — Бельведер, в 1779—1782 гг. поставлена скала (см. ил. III, ст. 139—142 и прим. Делиля). По свидетельству современников, не лишённому иронии, Делиль, гулявший в парке Марли, якобы случайно попался молодой королеве на глаза «с расстегнутым воротом» и в состоянии крайнего возбуждения. «Он усиленно жестикулировал и метался по роще. Ее величество окликнула его; аббат, хитрец, каких свет не создавал, тут же продекламировал превосходный отрывок из поэмы, пад которой работает; этот отрывок как раз содержал самую искусную похвалу королеве. Аббат Делиль вошел в моду на целый день...» (цит. по кн.: *Guitton Ed. Jacques Delille (1738—1813) et le poëme de la nature en France de 1750 à 1820. p. 326*).

¹⁰ ст. 92 *Сад графа д'Артуа* — «Багатель» («Бездедушка», см. примеч. Делиля), расположенный в Булонском лесу (тогда в окрестностях Парижа), с 1720 г. принадлежал маршалу д'Эстре и был разбит в регулярном стиле. В 1777 г. перешел в собственность графа д'Артуа, перестроившего дом и преобразовавшего сад в английском стиле. Появились гроты, скалы, китайский мостик, индийский павильон, египетский обелиск, могила фараона, «башня паладинов» и т. д.

¹¹ ст. 115 *Рейнсберг* — замок и парк неподалеку от Потсдама. В 1734—1740 гг. служил резиденцией Фридриха II, тогда еще кронпринца Прусского. В эти годы в Рейнсберге жили многие художники и музыканты, немецкие и иностранные. Замок расположен на островке посреди озера, фасад отделен от воды узким партером. С противоположной стороны перекинут мост, связывающий замок с парком. Перестройка старого здания XVI в. велась по плану архитектора Кнобельсдорфа (1699—1753), ему же принадлежит планировка парка, выдержанная в стиле рококо: прямые аллеи, окаймленные стенами из зелени, оранжереи, боскеты, партер с апельсиновыми деревьями. Аллеи дробятся на небольшие отрезки с поворотами, резко меняющими перспективу. С 1744 г. замок и парк перешли во владение младшего брата Фридриха II, принца Генриха, который предпринял ряд переделок, эклектически сочетавших старую планировку парка с запоздалой «китайщиной» (два китайских павильона) и новыми сентиментальными веяниями второй половины XVIII в. (гроты, искусственные руины и т. п.) (см.: *Piltz G., Peter R. sen. Schlösser und Gärten um Berlin. Leipzig. 1973, S. 28*).

¹² ст. 118 *Потсдам* — резиденция Фридриха II, славится дворцом и парком Сан-Суси («Без забот»; см. ил. 9), созданными Кнобельсдорфом под непосредственным наблюдением короля в 1745—1747 гг. Дворец и парк могут служить характерными образцами стиля рококо. От южного фасада дворца парк спускается шестью террасами (первоначально открытыми, потом застекленными) к прямоугольному бассейну, по обе стороны которого были разбиты газоны и цветники. Из описей известно, что в 1746 г. было высажено 4800 тюльпанов, 1400 крокусов, 400 нарциссов, несколько сот роз, гиацинты, гвоздики и др. цветы. По другую сторону бассейна парк упирался в канал, боковые дороги были обсажены каштанами; кусты и деревья в парке подстрижены в геометрических формах.

¹³ ст. 120 *Бельвю* («Прекрасный вид») — широко распространенное в XVIII в. название садов и дворцов. Здесь, судя по контексту, речь идет об одном из дворцовых парков близ г. Касселя (1709—1720 гг.).

¹⁴ ст. 123—124 *Кассель* — город в земле Гессен (Западная Германия). Княжеский дворец Вильгельмскхёе восьмиугольной планировки и парк с большим каскадом расположены к западу от города на возвышении. С конца XVII в. парк имел регулярную планировку и был устроен в стиле барокко, в конце XVIII в. превращен в пейзажный парк. *Вёрлиц* — город в Саксонии, близ Дессау. Находящийся там Ангальтский княжеский дворец был построен по плану Балтазара Неймана (1687—1753). Парк, разбитый по английскому плану, известен с 1768 г. и считался «одним из чудес света». Главной его достопримечательностью и данью «ки-

тайшине» был «действующий» (то есть искусственно курившийся) вулкан, сооруженный в соответствии с рекомендациями, изложенными в книге Чемберса «Рассуждение о восточном садоводстве» (1772).

¹⁵ ст. 134—135 *Аранхуэс* — с конца XV в. летняя резиденция испанских королей на р. Тахо (к югу от Мадрида). *Эскуриал* — королевская резиденция неподалеку от Мадрида, построенная в 1563—1584 гг. для Филиппа II. *Ильдефонсо* — Делиль имеет в виду летнюю резиденцию короля Филиппа V (царствовал в 1701—1745 гг.), внука Людовика XIV, Гранху, расположенную близ Ильдефонсо. Дворец и парк созданы в подражание Версалю с оранжереями, статуями, фонтанами, прямыми аллеями. Как и Аранхуэс, этот парк выделяется оазисом на фоне выжженного и пустынного окрестного ландшафта.

¹⁶ ст. 145 *Багавия* — латинское название Голландии.

¹⁷ ст. 171 *Чаруют в Турции*... — в отличие от Китая и России, известных Делилю лишь по описаниям, Турцию он имел возможность увидеть собственными глазами: в 1784—1785 гг. он совершил путешествие в Константинополь в обществе французского посланника Шуазеля-Гуфье.

¹⁸ ст. 177—179 *Сарматия* — латинское название Польши. В 1784 г. Делиль получил письмо от Изабеллы Чарторьской (1743—1835), жены видного польского государственного деятеля Адама Чарторьского, с просьбой прислать ей текст надписи для мраморного обелиска в ее парке (см. Дополнения, I). Мода на такие надписи получила в те годы широкое распространение. Позже, в 1799 г., Чарторьская прислала Делилю в Лондон письмо с подробным описанием своего поместья Пулавы (на берегу Вислы, к западу от Люблина) и поместья княгини Радзивилл «Аркадия», с тем чтобы он включил их в новое издание своей поэмы. Это описание Делиль с большой точностью переложил стихами (ст. 177—276). Пулавы находились во владении семьи Чарторьских с начала XVIII в. Первоначально (в 1730-е гг.) парк был разбит в регулярном французском стиле, а дворец построен в стиле барокко. С 1782 г., когда хозяевами Пулав стали Адам и Изабелла Чарторьские, начались большие работы по переустройству парка и сооружению новых строений. В 1791 г. был построен дворец в неоклассическом стиле для дочери Чарторьских Марии (см. примеч. к п. I, ст. 264 и ил. 15) — «Маринкин дворец». В конце века парк преобразуется в английском вкусе (см. ил. 16, 18, 19). Был построен Храм Сивиллы с надписью «Прошлое — будущему» (см. ил. 17), в котором были собраны разного рода реликвии национальной истории. Несколько позже был построен «Готический домик», ставший первым национальным музеем Польши. Обширная коллекция картин (в том числе Рафаэля и Леонардо да Винчи) из собрания Чарторьских хранится в музее Кракова. По свидетельству современников, Чарторьская была блестяще образованной и разносторонне одаренной женщиной: пела, рисовала, сочиняла повести. Ей принадлежит также сочинение «Разного рода мысли о том, как сооружать сады», изданное во Вроцлаве в 1807 г. Письма Чарторьской публиковались в посмертных изданиях сочинений Делиля. *Радзивиллы* — литовский княжеский род, в дальнейшем польские магнаты, владевшие огромными угодьями.

¹⁹ ст. 182 *Аркадия: вполне заслужено оно* — Аркадия — область в Греции, еще в античную пору ставшая нарицательным обозначением блаженного края и патриархально-идиллической жизни. В таком смысле употреблялось в пасторальной поэзии. В XVIII в. нередко использовалось как название парков и поместий (см. также п. IV, ст. 144 и примеч.).

²⁰ ст. 190 ... *Там прожил Казимир* — Казимир III Великий, польский король в 1333—1370 г. В описании Пулав у Чарторьской упоминается вид, открывающийся на руины средневековых замков, «самый величественный» из которых — замок Казимира Великого, воздвигнутый в 1326 г.

²¹ ст. 234—236 *Посмертные маски Генриха IV и Кромвеля*, как и прочие раритеты в «музее», упоминаются в письме Чарторьской с описанием парка в Пулавах. *С Антуанеттой* — имеется в виду королева Мария-Антуанетта, казненная в 1793 г. *Другой Марии* — Марии Стюарт, также погибшей на эшафоте.

²² ст. 264 *Бок о бок с дочерью*... — дочь Чарторьской Мария была замужем за принцем Вюртембергским. После его перехода на сторону Пруссии и России в период второго раздела Польши рассталась с ним и жила с матерью в Пулавах.

²³ ст. 270 *Хозяйкой я честь мою воздвигнутый гранит* — см. Дополнение 1. В парке Пулав в числе прочих достопримечательностей имелся «камень Делиля».

²⁴ ст. 282 *Бэкон* Френсис (1561—1626) — английский гуманист, философ и писатель. Имеется в виду его эссе «О садах» (1625), сыгравшее важную роль в развитии теории садово-паркового искусства (см.: *Лихачев Д. С. Поэзия садов*. Л., 1982, с. 77).

²⁵ ст. 283 *Поп* Александр (1688—1744) — английский поэт-классицист. Его описательная поэма «Виндзорский лес» (1713) оказала влияние на развитие этого жанра во Франции. В стихотворном «Послании лорду Берлингтону» Поп подробно изложил свои идеи о разбивке сада, которые стали основополагающими для художников-садоводов середины XVIII в. (см.: *Лихачев Д. С. Поэзия садов*, с. 176—179). Попу и его саду в Туикнеме посвящен обширный отрывок в III песни «Садов» (см. ст. 578 след.). *Мильтон* Джон (1608—1674) — английский поэт и публицист. Описание райского сада в его поэме «Потерянный рай» можно считать первым импульсом к разработке этой темы в поэзии. Ср. п. I, ст. 601 и примеч. Делиля. Всех трех английских авторов Делиль рассматривает как родоначальников нового пейзажного парка.

²⁶ ст. 294 *Гермус* — река в Малой Азии.

²⁷ ст. 295 *Паркплейс* — поместье в Хенли-на-Темзе, приобретенное в 1752 г. генералом и государственным деятелем Генри Конуэем. Конуэй приходился двоюродным братом Горацию Уолполю, автору первого «готического» романа «Замок Отранто» (1764), сыгравшему видную роль в развитии садово-паркового искусства в Англии. Создавая свой парк, Конуэй, связанный с Уолполом тесной дружбой, взял в качестве образца его имение Струберри-хилл (правда, гораздо более скромное по масштабам). В частности, Конуэй следовал «готическим» вкусам своего кузена: в Парклейсе он соорудил декоративный мост, подземный ход, искусственные руины, «одинокую могилу» (см. по этому поводу общие соображения Делиля в п. IV, ст. 159—160). Основу парка составляли буковые рощи, уступами спускавшиеся к реке. Одной из главных достопримечательностей парка были 45 каменных глыб — остатки древнего храма друидов (кельтских жрецов), найденные археологами на о. Джерси, где Конуэй длительное время был губернатором. В 1781 г., после успешно отраженного под его командованием нападения французских войск, совет острова преподнес эти камни в дар Конуэю. Как и другие владельцы крупных поместий и парков, Конуэй широко общался со многими поэтами и художниками. Его связывали служебные и дружеские отношения с герцогом Девонширским, семья которого впоследствии оказывала покровительство Делилю в бытность его в Лондоне. Возможно, этим и объясняется включение в поэму Паркплейса, тогда как гораздо более прославленный Струберри-хилл в ней не упоминается.

²⁸ ст. 297 *Шенстон* Уильям (1714—1763) — английский поэт-сентименталист. В 1745 г. отошел от литературной деятельности и целиком посвятил себя украшению своего сада в небольшом имении Лизаус (см. ил. 14). Написал теоретическое сочинение «Разрозненные мысли о садоводстве» (издано посмертно в 1764 г.).

²⁹ ст. 299—301 *Хегли* — поместье лорда Джорджа Литльтона в графстве Уорчестер. Литльтон оказывал покровительство многим литераторам, в том числе поэту Томсону, сам писал стихи. Г. Фильдинг посвятил ему свой роман «История Тома Джонса найденныша». В парке Хегли в 1742 г. появилась первая готическая «руина». Парк описан в первой части поэмы Томсона «Времена года» — «Весна» (подробнее об этой поэме см. статью). В 1743 г., находясь в Хегли, Томсон вместе с Литльтоном подготовил новое издание «Времен года», которое вышло с иллюстрациями У. Кента (см. примеч. к п. I, ст. 540). *Пейнсхилл* в графстве Серрей — поместье Чарльза Гамильтона, который занимался устройством парка с 1738 г. до конца 1760-х гг. Парк был разбит по плану У. Кента. В нем были сооружены храм Вакха, гроты, руины римской арки и готического аббатства, турецкий шатер. Пейнсхилл славился самой разнообразной коллекцией хвойных деревьев. Кроме чисто ландшафтного парка имелся и «полезный» сад (виноградник). *Фоксли* в Хертфордшире — имение Юдейла Прайса, известного теоретика садово-паркового искусства. Его сочинение «Опыт о живописном по сравнению с прекрасным»

(1794) сыграло важную роль в формировании общих принципов эстетики предромантизма.

³⁰ ст. 305 *Чизуик* — поместье лорда Берлингтона на берегу Темзы. План парка был составлен в 1727—1736 гг. У. Кентом (см. примеч. к п. I, ст. 540). Дом построен в стиле итальянских вилл работы Палладио. В Чизуике в разное время бывали А. Поп, У. Хогарт, Ж.-Ж. Руссо. В годы английской эмиграции Делиля Чизуик принадлежал герцогине Девонширской, оказывавшей покровительство Делилю.

³¹ ст. 312 *Палладио* (паст. имя Андреа ди Пьетро, 1508—1580) — итальянский архитектор, оказавший большое влияние на английскую архитектуру XVIII в.

³² *Авзония* — латинское название Италии.

³³ ст. 333 *Пуссен* Никола (1594—1665) — французский живописец классицистического направления. Подробное описание его картины «Аркадские пастухи» см. в п. IV, ст. 135 след. *Бергем* Николас (1620—1683) — голландский пейзажист.

³⁴ ст. 488 *Эрменонвиле* — поместье маркиза Рене де Жирардена, поклонника Руссо, который провел там последние месяцы жизни. Руссо скончался в Эрменонвиле и был похоронен на небольшом острове посреди озера («Остров тополей»). Планировка парка, устроенного в духе пейзажей в романах Руссо, принадлежит Морелю (см. примеч. к п. III, ст. 253). В 1777 г. Жирарден издал сочинение «О композиции пейзажей или о средствах украшать природу вокруг жилия. сочетание приятное с полезным».

³⁵ ст. 540 *Ленотр* Апри (1613—1700) — выдающийся французский архитектор-садовод, основоположник французского парка регулярного стиля, создатель дворцовых парков в Версале, Во-ле-Виконте, Шантильи и др. *Кент* Уильям (1684—1748) — английский художник, архитектор и садовод. В архитектуре был последователем Палладио. Считается основоположником английского пейзажного парка. В садоводстве следовал принципам Попа, изложенным им в «Послании к лорду Берлингтону». Похоронен в Чизуике.

³⁶ ст. 568—569 *Армида* — волшебница в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Ее сады описаны в XVI песни. *Альцина* — аналогичный персонаж в поэме Ариосто «Неистовый Роланд». В ее волшебных садах один из героев забывает о цели своих воинских подвигов. Подобного рода эпизод стал типовым клише в сюжете поэмы (ср. «Руслан и Людмила»).

³⁷ ст. 641 до конца песни — вставка, явно ориентированная на английское окружение Делиля в годы его лондонской эмиграции.

³⁸ ст. 732 *Спенсер наших дней* — прим. Делиля не вполне точно: Спенсер (Spenser) — родовое имя графов Сандерленд. В 1700 г. Чарлз Спенсер, третий граф Сандерленд, женился на дочери герцога Мальборо (1650—1722), крупного государственного деятеля и полководца, одержавшего ряд побед над французами в войне за испанское наследство. За эти победы ему было пожаловано в 1705 г. поместье Бленем в 7 милях от Оксфорда (см. ил. 10). В дальнейшем Спенсеры унаследовали по женской линии титул герцогов Мальборо, присоединив его к своему родовому графскому. Бленем до начала XIX в. находился во владении этой семьи. Делиль обращается здесь к Уильяму Роберту Спенсеру (1769—1834), второстепенному поэту сентиментального направления, приходившемуся герцогу Мальборо праправнуком. Формула «Спенсер наших дней» навеяна орфографически неточной ассоциацией со знаменитым поэтом эпохи Возрождения Эдмундом Спенсером (Spenser, 1552—1599). Творчество Эдмунда Спенсера, в частности описание садов в его поэме «Королева фей», вызывало живой интерес у писателей XVIII в.

³⁹ ст. 744 *Там Гершель взор людей направил к звездам новым* — Гершель Уильям (1738—1822) — выдающийся астроном, выходец из Германии (из Ганновера). Член и один из президентов Лондонского Королевского общества, член многих европейских академий. Открыл в 1781 г. планету Уран и ряд других звезд, сконструировал усовершенствованный телескоп. Его дом стал центром научного паломничества. Какая-либо его связь с Бленемом в источниках не упоминается.

⁴⁰ ст. 752 *С сиянием имен Конде или Тюренна* — Луи де Бурбон, принц Ковде (1621—1686) — выдающийся французский полководец, одержавший ряд побед во время Тридцатилетней войны (см. также примеч. к п. I, ст. 77). Тюренн Анри (1611—1675) — маршал Франции, полководец. Упоминание этих двух националь-

ных героев, как и вся следующая за ними концовка песни. — дипломатическая попытка Делиля смягчить неблагоприятное впечатление французских читателей (и издателей!) от неумеренных восхвалений герцога Мальборо, прославившегося как полководец своими победами над Францией.

⁴¹ ст. 759—763 *Шамбор* — замок недалеко от г. Блуа. Был королевской резиденцией в XVI в. Во второй половине XVII и начале XVIII в. утратил свое значение. Был отдан во владение графу Морису Саксонскому (1696—1750), французскому военачальнику в войне за австрийское наследство, в награду за победу при Фонтенуа (1745). Упоминание Шамбора в противовес английским паркам имеет не столько эстетический, сколько патриотический смысл.

⁴² ст. 769 *Коциг* — в древнегреческой мифологии река, окружающая царство мертвых.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

¹ ст. 111 *О паства Бруно!* — Св. Бруно (1035—1101) — основатель монашеского ордена картезианцев.

² ст. 131 *Их молчаливый труд* — монахи-трапписты давали обет молчания.

³ ст. 150 *Эпикур* (341—270) — древнегреческий философ-материалист. Проповедовал безмятежное состояние духа. Согласно преданию, вел беседы со своими учениками в саду.

⁴ ст. 188 *Другие — дряхлые, иссушенные роком* — У. Кент впервые ввел как элемент пейзажного парка «мертвые» деревья.

⁵ ст. 233 *Версаль! О как мне жаль твоих прямых аллей!* (см. ил. 1) — к концу царствования Людовика XV Версальский парк находился в весьма запущенном состоянии, многие деревья высохли. В 1775 г. Людовик XVI предпринял переустройство парка. Старые деревья были вырублены, бортики подверглись упрощению, декор в значительной части уничтожен. Разрушен был Лабиринт с его 39 фонтанами. Высажены были новые деревья, в том числе породы, привезенные из Америки.

⁶ ст. 246 *Монтеспан* Франсуаза-Атенаис, маркиза де (1641—1707) — фаворитка Людовика XIV, после многолетней связи с королем впала в немилость и вынуждена была удалиться от двора.

⁷ ст. 248 *Лавальер* Луиза-Франсуаза, герцогиня де (1644—1710) — фаворитка Людовика XIV.

⁸ ст. 285 *Перфилд* (правильно: Пирсфилд) — об этом английском парке Делиль мог узнать из сочинения известного теоретика садоводства Уильяма Гилпина «Наблюдения по поводу реки Уай (Wye) и некоторых частей Южного Уэльса» (1782), выдержавшего пять изданий и переведенного на французский язык в 1800 г.

⁹ ст. 313—315 *Так поступать учил нас тот, кто победил* — имеется в виду сочинение в стихах герцога Франсуа Анри д'Аркура «Трактат об украшении садов и парков», 1775. В 1779—1785 гг. д'Аркур разбил в своем поместье Коллин («Холм») в Нормандии великолепный парк с эспланадой и партерами, расположенными вдоль реки, с террасами, спускавшимися в долину, фонтанами и бассейном. Часть парка составлял небольшой лесок под названием «Фантазия» (см. ил. 5). В парке имелись газоны, цветники, невысокая живая изгородь, участки в английском вкусе. Постепенно планировка парка упростилась. *Лоррен* Клод (1600—1682) — французский живописец и график классицистического направления, мастер пейзажных картин, провозгласивший лиризм.

¹⁰ ст. 370 *Ван Гейзум* Жан (1682—1749) — голландский живописец, мастер натюрморта, писал преимущественно цветы и фрукты. Его живопись отличается тонкой и разнообразной цветовой гаммой.

¹¹ ст. 429 *У наших королей теперь наследник есть* — речь идет о первом сыне Людовика XVI и Марии-Антуанетты Луи-Жозефе (1781—1789).

¹² ст. 441 *Скрепив Германии и Франции союз* — Мария-Антуанетта была австрийской принцессой, дочерью императрицы Марии-Терезии.

¹³ ст. 445 *И горечь слез смешав* — в 1780 г. скончалась Мария-Терезия.

¹⁴ ст. 487 *Лукулл* (ок. 117 до н. э. — ок. 56 н. э.) — римский полководец. Славился богатством и роскошью.

¹⁵ ст. 499 *Завоевавший Ганг* — бог Вакх (Дионис), согласно античному мифу, посетил Индию, откуда привез виноградную лозу. Он фигурирует в качестве божества — покровителя Индии в поэме португальского поэта Луиса Камозанса «Лузиады» (1580).

¹⁶ ст. 505 *Мальзерб* Кретьен-Гийом де Ламуаньон (1721—1794) — видный государственный деятель прогрессивного направления. С 1741 г. занимал высокие судебные должности, вел решительную борьбу с коррупцией, злоупотреблениями и судебным произволом. Покровительствовал энциклопедистам, ратовал за свободу печати. В 1770 г. был отстранен Людовиком XV от должности и сослан в свои владения. При Людовике XVI на короткое время (при либеральном министре Тюрго) вернулся к государственной деятельности. Кроме сочинений на юридические и политические темы писал и о вопросах агрокультуры. Состоял в переписке с Руссо.

¹⁷ ст. 534 *Жюсье* Бернар (1699—1777) — ботаник и садовод. Сначала был главным хранителем в королевском ботаническом саду в Париже. Потом по поручению Людовика XV создал в Трианоне ботанический сад, где расположил растения в определенном систематическом порядке.

¹⁸ ст. 594 *Роймон* — аббатство, основанное в 1227 г. Людовиком Святым.

¹⁹ ст. 595—596 *В тиши Вестминстера...* — поэты и вельможи — в Вестминстерском аббатстве в Лондоне погребены наряду с королями и вельможами великие ученые (Ньютон), писатели и артисты. Это отмечал еще Вольтер в своих «Философских письмах» (1734) как свидетельство демократизма, непостижимого для сознания французов дореволюционной эпохи.

²⁰ ст. 603 Ниццу Делиль посетил в период работы над «Садами».

²¹ ст. 667 *Вергумн* (букв. «превращенный») — древнеиталийский бог времен года. Ему приписывали способность принимать разные образы. *Палес* — древнеиталийская богиня, покровительница стад и пастухов. В литературе нередко отождествляется с Церерой и Кибелой. Упоминается в «Буколиях» Вергилия (V эклога).

²² ст. 671—698 написаны Делилем в ответ на упреки критики в том, что он пренебрег «полезным» садом (см. Дополнения, II).

²³ ст. 729 *Кенсингтон* — публичный парк в Лондоне, место народных гуляний. Разбит по плану У. Кента.

²⁴ ст. 808 *Лоншан* — место прогулок в Париже на берегу Сены, в районе Булонского леса.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

¹ ст. 11 *Ей нужно, чтобы вы и там, за океаном* — Франция, стремясь ослабить своего постоянного политического противника Англию, поддерживала восставшие американские колонии в их борьбе за независимость. Осенью 1781 г. французская эскадра высадилась на побережье Северной Америки.

² ст. 119 *Рапен* — см. Предисловие Делля и примеч. 3 к нему.

³ ст. 151 *Вейтли* Томас — английский теоретик садоводства, автор сочинения «Наблюдения по поводу современного садоводства, иллюстрированные описаниями», 1770 (французский перевод вышел в 1771 г.).

⁴ ст. 253 *Морель* Жан-Мари (1728—1810) — архитектор и садовод. Много путешествовал по странам Европы (Англии, Италии, Испании, Германии, Голландии), изучая архитектуру и сады. Автор сочинения «Теория садов или искусство естественных садов», 1776. В том же году вместе с Делилем посетил министра Тюрго в его поместье. Тюрго писал по этому поводу: «То, что один делает, другой поспешит воспеть».

⁵ ст. 271 *Сен-Клу* — дворец герцогов Орлеанских, парк создан Ленотром. Стоит на слиянии Сены и Марны, аллегорически воплощенном в колоссальной скульптурной группе, возглавляющей большой каскад. В парке имелся интимный уголок, отгороженный боскетами, под названием «Фелисите» («Блаженство»), устроенный в 1760 г. Он был заключен в треугольник аллеи, основанием которого служила дорога, ведущая через парк из Сен-Клу в Виль-д'Авре. Вершина треугольника упрямлась в эспланаду с 24 фонтанами (план Круазе, около 1780 г.; см.: *Ganay E. Les jardins à la française*, p. 22).

⁶ ст. 383 *И тихий ваш приют, философа жилище* — имение Ватле на берегу Сены могло считаться образцом английского пейзажного сада. Ватле принадлежит сочинение «Опыт о садах», 1774.

⁷ ст. 531 *Аретуза* — река в Греции. С ней связан один из сюжетов, рассказанных в «Метаморфозах» Овидия: нимфа Аретуза, спасаясь от любовных преследований *Алфея*, обратилась с мольбой о защите к Диане, которая превратила ее в реку. Ее воды слились с водами *Алфея* — реки на Пелопоннесе.

⁸ ст. 532 *Воклюз* — местечко вблизи Авиньона, где в 1337—1341 гг. жил в уединении Петрарка. Делиль посетил Воклюз во время своего путешествия по югу Франции, когда уже приступил к работе над «Садами».

⁹ ст. 582 *Дух Попа там царит, зоть сад купил Миндип* — Миндип (возможно, искаженное греч. Менипп) здесь в нарицательном уничижительном смысле. Примечание Делиля к этим строкам изобилует ошибками. Имя нового владельца Туикнема искажено: имеется в виду лорд Роберт Клайв (1725—1774), участвовавший в военных операциях в Индии и ставший губернатором Бенгалии. Клайв нажил колоссальное состояние на грабеже Индии и на взятках. Против него было возбуждено судебное дело по обвинению в злоупотреблениях и хищениях. Клайв покончил с собой. Сведения о приобретении им Туикнема не соответствуют действительности. На самом деле Клайв приобрел поместье герцога Ньюкасла, Туикнем же был куплен Уильямом Стенхопом, братом известного писателя и государственного деятеля лорда Честерфилда. Видимо, Делиль имеет в виду его в Предисловии (см. примеч. 7 к Предисловию).

¹⁰ ст. 585 *Об Элоизе здесь печально слезы лил* — имеется в виду стихотворение Попа «Послание Элоизы к Абеляру» (1717). См. также примеч. к п. IV, ст. 484. Упоминание *Ахилли* в *Одиссея* подразумевает перевод поэм Гомера, осуществленный Попом в 1715—1720 и в 1725—1726 гг.

¹¹ ст. 588 *О женском локоме и о законах мира* — имеются в виду героикокомическая поэма Попа «Похищение локона» (1712—1714) и его философская поэма «Опыт о человеке» (1732).

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

¹ ст. 97 *Нис* — спутник Энея, друг Эвриала, погибший во время ночного нападения на лагерь рутулов (Вергилий, «Энеида», кн. 9, ст. 176 след.).

² ст. 144 ... «*И я жила в Аркадии беспечно*» — вариант ставшей крылатым словом фразы: «И я в Аркадии родился!» Эта надпись встречается на многих картинах (в частности, Цуссена), изображающих пастухов, разглядывающих череп. В русскую литературу вошла как перевод строки из стихотворения Шиллера («Смирение» 1787).

³ ст. 159—160 ... *Придумывать не надо Печали уголки для украшенья сада* — в последней трети XVIII в. в связи с развитием «кладбищенской» темы в лирике широко распространилась мода на устройство в садах мнимых гробниц с выразительными эпитафиями.

⁴ ст. 213—234 — см. ил. 12 и 13.

⁵ ст. 249 *И поднимает рой воспоминаний в ней* — Делиль вырос в сельской местности.

⁶ *Об этом сказано мудрейшим Лафонтеном* — см. его басню «Петух и жемчужина» (Le Coq et la Perle, I, XX).

⁷ ст. 347 *Париж и Трианон составят нам гербарий* — имеются в виду ботанические сады в Париже и в Трианоне — см. прим. к п. II, ст. 534 и ил. 6.

⁸ ст. 349 *Кью тоже всяческой экзотикой богат* — см. ил. 11.

⁹ ст. 425 *Марий Гай* (157—86) — римский военачальник и государственный деятель. Возвысился в результате военных побед в Нумидии (Северная Африка) вблизи поверженного Римом Карфагена. Под конец жизни Марий вынужден был бежать из Рима в Африку, спасаясь от преследований своего противника Суллы.

¹⁰ ст. 448 *Баярды* — старинный рыцарский род, прославившийся в XV—XVI вв. мужеством и военными подвигами.

¹¹ ст. 484 *Что Элоиза здесь раскаяньем объята* — история трагической любви средневекового философа Абеляра и его ученицы Элоизы пользовалась большой

популярностью в литературе XVIII в. Насильственно разлученная со своим возлюбленным Элоиза удалась в монастырь. На эту тему написано стихотворное послание А. Попа (см. прим. к п. III, ст. 585). Подражанием Попу является «Любовное письмо Элоизы к Абеляру» Шарля-Пьера Колардо (1758). Косвенное отражение этот мотив получил в заглавии романа Руссо «Новая Элоиза» (1761), воспроизводящего основную ситуацию (любовь учителя и ученицы) и развивающего в форме эпистолярного романа жанровую традицию этой темы в поэзии XVIII в. (любовное «послание» в духе «Героид» Овидия).

¹² ст. 589 *Там мудрый Фенелон, иль Генрих и Сюлли — Фенелон* Франсуа де Салиньек де ла Мот (1651—1745) — автор дидактического романа «Приключения Телемака» Фенелон написал его в поучение своему воспитаннику — внуку Людовика XIV, наследнику французского престола. Роман этот по своим моральным и политическим идеям близок позициям раннего Просвещения. Герцог Сюлли (1560—1641) — друг и соратник Генриха IV, министр финансов. Поощрял развитие сельского хозяйства, которое считал основой экономики. В эпоху Просвещения считался образцом прогрессивного государственного деятеля.

¹³ ст. 610 — в первом издании далее следовали еще 12 строк, завершавших поэму, — обращение к англичанам с призывом следовать примеру Кука, отказаться от порабощения туземцев и утвердить мир в обоих полушариях.

ДОПОЛНЕНИЯ

I

ПИСЬМО КНЯГИНИ ЧАРТОРЫСКОЙ

¹ *Метастазιο* Пьетро (наст. фамилия Трапасси, 1698—1782) — итальянский поэт и драматург, автор идиллий, лирических трагедий и оперных либретто. Был членом литературной академии «Аркадия», культивировавшей пасторальные традиции в поэзии; *г-жа де Севинье*, Мари де Рабютен-Шанталь (1626—1696) — французская писательница, мастер эпистолярного жанра. В ее письмах к дочери получила отражение политическая, культурная и светская жизнь Парижа и Версаля; *г-жа де Риккоболи*, Мари Жанна (1714—1792) — автор чувствительных романов, преимущественно в эпистолярной форме. Ее литературная известность падает в основном на 1750—1770 гг.; *г-жа де Лафайет*, Мари Мадлен Пиш де ла Вернь (1634—1693) — французская писательница. Ее произведения — роман «Припещера Клевская» (1678), повести и мемуары — отличаются тонкостью и глубиной психологического анализа; *г-жа Дезульер*, Антуанетта де Лигье дель Гард (1638?—1694) — второстепенная поэтесса, писала в разных лирических жанрах. Здесь, видимо, имеются в виду ее идиллии и эклоги; *Геснер* Саломон (1730—1788) — швейцарский поэт, автор идиллий, рисовавших патриархальную жизнь пастухов на лоне природы. В эпоху сентиментализма пользовался общеевропейской популярностью. *Грессе* Жан Батист-Луи (1709—1777) — французский поэт эпикурейского направления, автор шуточных антиклерикальных поэм. В стихотворном послании «Монастырь» (1735) воспевает уединение. В бытность Делиля в Амьене, где жил Грессе, отношения между ними носили натянутый и неприязненный характер. Поэтому в ответном письме к Чарторьской Делиль выразил недоумение по поводу включения Грессе в перечень поэтов, «увековеченных» на обелиске.

II

Антуан Ривароль

КАПУСТА И БРЮКВА

Г-ну Делилю на его поэму «Сады»

Появилась в печати вместе с критической рецензией Ривароля на поэму Делиля: *Lettres critiques sur le Poëme des Jardins, suivies de la Plainte du chou et du navet*. Paris, 1782 (апоинимо).

¹ *Моя оверньская родня* — намек на то, что Делиль был уроженцем провинции Овернь.

² *Младенцем найден был ты под моим листом* — намек на незаконное происхождение Делиля.

III

Ж. Делиль

Сады

Перевод А. Воейкова

Печатается по изданию «Сады, или Искусство украшать сельские виды. Сочинение Делиля. Перевел Александр Воейков. СПб. В медицинской типографии, 1816». Цензурное разрешение 10 января 1816 г. Как установила Н. Б. Реморова, в библиотеке В. А. Жуковского (Томск) хранится экземпляр поэмы, к которому приплетены типографски отпечатанные два листа с посвящением, обращенным к А. А. Воейковой:

Доброй моей жешушке

Ты видела мои труды —
И мне мои труды казались забавой.
К ногам твоим кладу окончанны «Сады» —
Ты Музой мне была, теперь ты будь мне Славой!

Дерпт, 1816 года, ноября 6-го дня.¹

Работу над переводом Воейков начал около 1806 г. и закончил, как установила Н. Б. Реморова на основании дневниковых записей Воейкова на страницах французского текста поэмы, 28 июня 1815 г. Отрывки перевода начали появляться в периодической печати еще до Отечественной войны 1812 г.:

Сады (подражание Делилю) // Вестник Европы, 1807, № 16.

Александр Великий и Абдолоним (из поэмы «Сады») // Вестник Европы, 1814, № 8.

Из поэмы «Сады» // Тр. Об-ва любителей российской словесности, 1812, № 3.

Описание русских садов (Из Делиля) // Вестник Европы, 1813, 4. с. 7—8.

¹ Реморова Н. Б. К истории перевода Воейковым поэмы Ж. Делиля «Сады» (в печати); Лобанов В. В. История и состав библиотеки В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, ч. 1, с. 7.

Отрывок из поэмы «Сады», «Вестник Европы», 1814, № 9. Параллельные публикации переводов из «Георгик» Вергилия (Вестник Европы, 1814, № 7), эклог Вергилия, отрывков из других описательно-дидактических поэм Делиля, публиковавшиеся в «Вестнике Европы», «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете», «Сыне отечества», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Новостях литературы» и «Полярной звезде» в 1810—нач. 1820-х гг., определяли ведущую роль Воейкова в этом жанре поэзии. Теоретическим обоснованием его позиции явилась статья «Об описательных и дидактических поэмах, в особенности о Вергилиевых „Георгиках“» (Сын отечества, 1821, № 36). Статья должна рассматриваться в связи с переводом «Георгик» Раича и позицией Дмитриева (см. в статье).

Перевод «Садов» Воейкова связан с его общей литературной позицией: Воейков (как это видно и из его статьи о «Руслане и Людмиле») — враг метафорического стиля (т. е. в конкретных условиях — стиля Жуковского). Перевод его отличается точностью и «сухостью», зато он прекрасно владеет поэтическим афоризмом, эффектной антитезой. Приведем один из многочисленных примеров: французский текст:

Semble rougir de plaie, et plaît en rougissant. . .

русский перевод Воейкова:

Краснеет правяся, и правится краснея. . .

Воейков тщательно выдерживает средний стиль ортодоксального карамзиниста. Это же отражается на принятой им системе графики. И в этой области он не новатор и придерживается тех, установленных Карамзиным норм, которые были в данном кругу приняты. Однако нормы эти не были общепринятыми в литературе и служили предметом нападок Шишкова и его сторонников. Следовательно, они сохраняли стилистическую значимость. Это определяет принятые нами нормы воспроизведения графики текста: помимо устранения ъ, ь в конце слов, замены *ago* на *ogo*, замены окончания *ыя/ия* в прилагательных ж. и ср. мн. ч. на *ые/ие*, *и* на *и* и *ѳ* на *ф*, остальные случаи модернизации графики производятся лишь после анализа стилистических функций. Везде, где графика выполняет стилистические задания (особенно в смысловом поле «архангела—новаторства»), сохраняются решения Воейкова. Так например, заглавные буквы сохраняются там, где Воейков следует нормам Карамзина (Природа, Поэзия, Троянский, Парламент и т. д.), но устраниваются в случаях автоматического использования общих правил той эпохи (например, Царь или написание в именах членов царствующей фамилии всего слова заглавными буквами, например, АЛЕКСАНДР). В слове Бог заглавная буква должна сохраняться, так как *Бог* означает христианское божество, а *бог* — языческое, отмена различия ведет к утрате смысла. Более подробные объяснения см.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984, с. 516—524.

Те же принципы лежат в основе воспроизведения пунктуации: интонационно значимые знаки сохраняются. Однако в рутинных случаях производится тактичная модернизация. Так, например, выделяя обращения или междометия, Воейков в начале ставит запятую, а в конце выделения восклицательный знак, ставя в конце предложения точку. После восклицательного знака он использует строчную букву. Мы в тех случаях, когда действительно имеет место эмоциональная эмфаза, сохраняем восклицательный знак, но после него ставим заглавную букву. В тех же случаях, когда перед нами просто формальный знак выделения, мы заменяем восклицательный знак запятой, перенося его в конец предложения. В целом напряженная эмоциональность интонаций, определяющая специфику карамзинской пунктуации или пунктуацию Жуковского, Воейкову чужда. И в этом случае он ориентируется на дмитриевскую норму.

Воейков сопровождал издание 1816 г. переводом комментариев Делиля и некоторыми примечаниями, заимствованными из перевода Палицына. Мы воспроизводим лишь его собственные — в виде подстрочных примечаний со звездочками.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

- ¹ ст. 20—22 ...ты слогом благородным
Работы сельские учила воспевать
И языка богов чрез то не унижать

— «язык богов» находится в оригинале, но «благородный слог» принадлежит переводчику и очень точно определяет его языковую позицию.

² ст. 293 *Увеселительный Коломенский дворец* — в Коломенском, летней резиденции царей, прошли детские и отроческие годы Петра I. Сооруженный при Алексее Михайловиче, во второй половине XVIII в. деревянный дворец был разобран. Сады и парки Коломенского создавались в течение нескольких столетий. В двух парках из трех (Казанском и Дьяконовском) сохранилась планировка XVIII в., есть несколько шестисотлетних дубов. В настоящее время комплекс сохранившихся зданий и парк — музей-заповедник на территории Москвы.

³ ст. 330 *Кусково* — подмосковное имение графов Шереметевых. Один из самых значительных регулярных парков России, площадью превосходил Летний сад. С 1720-х гг. создавался регулярный парк, в основном воспроизводивший схему Версальского. С 1780-х гг. началась разбивка пейзажного парка в английском стиле со свободной планировкой дорожек, неправильными очертаниями прудов, нетронутой естественной растительностью, были сооружены павильоны, мостики, искусственные пещеры, искусно сочетались декоративный и утилитарный принципы. Парк отличал умелый переход от регулярной части к естественному природному окружению; разбивка велась под руководством Юрия Кологривова, главными садовниками были преимущественно немцы. После смерти Н. П. Шереметева (1809) парк постепенно приходил в упадок. В настоящее время — усадьба-музей.

⁴ ст. 351 *Гюён* — имеется в виду госпожа Гюён (Жанна Мария Бувьё де ла Мот, 1648—1717) — мистически настроенная провозвестница «религии сердца». Ее религиозные сочинения, пользовавшиеся большой популярностью, навлекли на нее суровые преследования со стороны официальной церкви. Фенелон (см. примеч. п. IV, ст. 589 к новому переводу) высоко ценил ее.

⁵ ст. 410 *Бергем* — Воейков воспроизводит французское произношение имени Николаса Бергхема (1620—1683).

⁶ ст. 540 *Зык рога по горам и эха тохотанье* — звуковая инструментовка стиха полностью принадлежит Воейкову, который вообще стремится к «звуковой живописности».

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

¹ ст. 99 *Бывают бури царств, порывы те народны* — упоминание «народных порывов» в оригинале отсутствует. Воейков меняет нюанс, превращая стих в намек на Великую французскую революцию.

² ст. 609 *«Отдайте мне мои леса!» он возопил (Rendez-moi mes forêts!).* Ср. запись Пушкина: «В. Л. Давыдов» в плену у французов говорил одной женщине: *Rendez-moi mes frimas!* «Верните мне мои морозы!». Б. «атюшкву» это подало мысль написать своего *Пленного* (XII, с. 266). В. Л. Давыдов перефразировал стихи Делиля, стилизуя свою судьбу под известный рассказ о пленном отаитянине Потавери — лишнее свидетельство хорошего знакомства в России с поэмой Делиля в оригинале.

³ ст. 644 *Большой дороги там картина подвижная* — выражение «подвижные картины» для описания сельских пейзажей откликнулось в «Деревне» Пушкина (в оригинале — «подвижная сцена»).

- ⁴ ст. 857—858 *Вот гул приветственный в народе восстает
Защитник прав его в Парламенте идет —*

Воейков значительно подчеркнул по сравнению с оригиналом политический смысл стихов. В оригинале: «Вот идет окруженный шепотом восхищения знаменитый оратор или какой-нибудь однодневный герой (герой сегодняшнего дня)».

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

¹ ст. 14 *Я к Ерку не могу лететь за вами в след* — Ерк, Йорк (York) — город в Пенсильвании, основан в 1735 г., место расположения армии Вашингтона.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

¹ ст. 626 *И виден с хартией раздранной Долгорукий* — этого стиха в оригинале нет. Долгорукий Яков Федорович (1659—1720) — один из ближайших сподвижников Петра I, сенатор, генерал-кригс-комиссар, председатель Ревизионной коллегии. Был известен своей неподкупностью, разорвал в Сенате подписанный Петром указ, противоречивший, по его мнению, законам.

СОЧИНЕНИЯ ПО САДОВОДСТВУ,
ИЗВЕСТНЫЕ ДЕЛИЛЮ В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ «САДОВ»

1. *Chambers William*. Dissertation sur le Jardinage de l'Orient, ouvrage traduit de l'anglais. Londres, 1772.
2. *Girardin René-Louis*, marquis de. De la composition des paysages ou des moyens d'embellir la nature autour des habitations en joignant l'agréable à l'utile. Genève et Paris, 1777.
3. *Harcourt Francois-Henri*, duc d'. Traité de la décoration des dehors, des jardins et des parcs (publié par Ernest de Ganay. Paris, 1919).
4. *Hirschfeld Christian Cay Lorenz*. Théorie de l'Art des Jardins, traduit de l'allemand par Salomon de Castiglione. Leipzig, 1779—1785. 5 vol.
5. *Ligne Charles-Joseph*, prince de. Coup d'oeil sur Beloeil et sur une grande partie des jardins de l'Europe, 1781.
6. *Morel Jean-Marie*. Théorie des Jardins ou l'Art des Jardins de la nature. Paris, 1776.
7. *Watelet Claude-Henri*. Essai sur les jardins. Paris, 1774.
8. *Whately Thomas*. L'art de former les jardins modernes ou l'art des jardins anglais, traduit de l'anglais par F. de Latapie. Paris, 1771.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Портрет Жака Делиля.
Версаль. Бассейн Нептуна при Людовике XV. Акварель Портайля.
Французский сад Малого Трианона при Людовике XVI.
Шантлу. Акварель. Аноним.
Замок и сад «Парадиз» в Амбуазском лесу. Живопись Уэля.
Павильон «Фантазия» в саду д'Аркура. Гуашь. Аноним.
Париж. Королевский сад (Ботанический сад) в конце XVIII в. Акварель Ж.-Б. Иллэра.
Париж. Тюильри в конце XVIII в. Акварель. Аноним.
Шантильи. Круглая площадка в саду. Акварель Делагардета.
Потсдам. Сан-Суси. Площадка муз.
Бленем. Замок герцога Мальборо.
Кью. Вид на пагоду, Альгамбру и мечеть.
Стоу. Палладиев мост.
Стоу. Елисейские поля.
Лиззаус. Именная поэма У. Шенстона.
Пулавы. (Маринкин дворец; Вековой каштан; Храм Сивиллы; Дерево богоматери;
Английский проход. Аркады). Литографии А. Кассаня по рисункам Черновой.
1830—1840-е гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Жак Делиль. САДЫ. Перевод И. Я. Шафаренко

Предисловие . . .	5
Песнь первая	16
Песнь вторая	36
Песнь третья . . .	56
Песнь четвертая . . .	71

ДОПОЛНЕНИЯ

I. Письмо княгини Чарторыской к аббату Делилю. <i>Перевод Н. А. Жирмунской</i>	93
II. Антуан Ривароль. Капуста и брюква. Г-ну Делилю на его поэму «Сады». <i>Перевод И. Я. Шафаренко</i>	94
III. Жак Делиль. Сады. <i>Перевод А. Ф. Воейкова</i>	96

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Н. А. Жирмунская. Жак Делиль и его поэма «Сады»</i>	171
<i>Ю. М. Лотман. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе</i>	191
<i>Д. С. Лихачев. Жак Делиль — учитель садоводства</i>	210
<i>Примечания (сост. Н. А. Жирмунская, Ю. М. Лотман)</i>	214
<i>Сочинения по садоводству, известные Делилю в период создания «Садов»</i>	229
<i>Список иллюстраций</i>	230

Жак Демиль

САДЫ

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
«Литературные памятники»*

Редактор издательства *Л. М. Романова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *Л. Б. Наместникова, А. Х. Салтанова*
и *Г. И. Суворова*

ИБ № 21452

Сдано в набор 10.02.87. Подписано к печати 18.09.87. М-33135.
Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16.96+1.01 вкл. Усл. кр.-от. 19.25.
Мч.-изд. л. 15.75. Тираж 100 000 (3-й завод 50 001—75 000). Тип. зак. 1259,
Цена в обложке 1 р. 90 к., в переплете — 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

1 р. 90 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА”
Ленинградское отделение